

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИИМ

1/2020

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093* от 19 мая 2005 г.)

Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук (ред. 01.01.2019 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 — Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)

2020**Ежеквартальное издание****№ 1****Основан в 2001 г.****Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»****Редакция**

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)
 доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
 (*заместитель главного редактора*)
 доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**
 доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
 доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**
 кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
 кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
 (*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия

Г. В. Корзенко, Институт истории Национальной академии наук
Беларуси (Минск)
З. Паункович, «Русский альманах», Сербия (Белград)
Р. Юрковский, Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2020
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», 2020

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage

(Registration License III № ФС 77-21093 on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2019)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2020

Quarterly

№ 1

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Edition

Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of History (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of History
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of History
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board

G. V. Korzenko, Institute of History of the National Academy of Sciences
of Belarus (Minsk)

Z. Paunkovich, “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)

R. Yurovskiy, University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2020
© Ivanovo State University, 2020

Редакционный совет

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
- Д. И. Польшин** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический университет

Editorial Board

Yu. M. Voronov	Ivanovo branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotaryev	Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical Institute
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Moscow State University named after M. V. Lomonosov
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. H. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State Technological Institute

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВИЧА МЕМЕТОВА

<i>Соловьев А. А.</i> Обретенное время В. С. Меметова	9
<i>Ахунзянова Ф. Т.</i> Памяти В. С. Меметова: с уважением и благодарностью... ..	15
<i>Сибиряков И. В.</i> Размышления о роли личности в истории интеллигенции (Воспоминания о В. С. Меметове)	19
<i>Зябликов А. В.</i> Человек слова и поступка	23
<i>Ершова Э. Б.</i> В. С. Меметов: встречи и сотрудничество	28
<i>Золотарев О. В.</i> Основатель интеллигентоведения	33
<i>Раскатова Е. М.</i> Научный метод как искусство жизни	41

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Костякова Ю. Б.</i> Политические ритуалы в жизни комсомольцев начала 1920-х гг.	46
<i>Кураев А. Н.</i> Интеллигенция и женский вопрос в России в конце XIX — начале XX в.	61
<i>Федотова И. Н.</i> К вопросу об использовании принудительного труда научно-технической интеллигенции в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг.	75

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

<i>Скрябина Е. В., Кулешова И. Н.</i> Личность и творчество В. Высоцкого в восприятии нового формирующегося поколения отечественной интеллигенции — студенчества	92
--	----

<i>Климович Л. В., Никитин А. А., Шайпак Л. А.</i> Жизненный путь общественного деятеля, интеллигента, педагога и юриста С. Н. Николаева в России и эмиграции (1880—1976)	98
--	----

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Васильев Н. Н.</i> Поющая интеллигенция. Рец. на кн.: Судьба Наташи Гамаюновой (оперная певица Н. Т. Измайлова): документы и материалы. Пермь, 2019.	114
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Порозов В. А.</i> Тридцатая меметовская. 30-я Международная научно-теоретическая конференция «Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы», Иваново, 26—27 сентября 2019 г.	123
--	-----

Аннотации и материалы для цитирования	133
--	------------

<i>Информация для авторов</i>	163
-------------------------------------	------------

CONTENTS

FOR MEMORY OF VALERY SERGEYEVICH MEMETOV

<i>Solovyev A. A.</i> Gained time of V. S. Memetov	9
<i>Akhunzyanova F. T.</i> For memory of V. S. Memetov: with respect and gratitude... ..	15
<i>Sibiryakov I. V.</i> Reflections on the role of personality in the history of intelligentsia (Memoirs about V. S. Memetov)	19
<i>Zyablikov A. V.</i> The man of word and action.....	23
<i>Ershova E. B.</i> V. S. Memetov: meetings and collaborations	28
<i>Zolotarev O. V.</i> Founder of intelligentsia studies	33
<i>Raskatova E. M.</i> Scientific method as the art of life	41

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

<i>Kostyakova Yu. B.</i> On political rituals in the activities of the Komsomol members at the beginning of the 1920s	46
<i>Kuraev A. N.</i> Intelligentsia and women's issue in Russia in the late XIX and early XX c.	61
<i>Fedotova I. N.</i> To the issue of the exploitation of the forced labor of the scientific and technical intelligentsia in the USSR in the late 1920—1930s	75

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

<i>Skryabina E. V., Kuleshova I. N.</i> Personality and creativity of V. Vysotsky in the perception of a new generation of emerging domestic intelligentsia — students	92
--	----

<i>Klimovich L. V., Nikitin A. A., Shaipak L. A.</i> Life path of public figure, intellectual, teacher and lawyer S. N. Nikolaev in Russia and emigration (1880—1976)	98
---	----

MAKING CONCLUSIONS

<i>Vasilyev N. N.</i> Singing intelligentsia. Review to: The fate of Natasha Gamayunova (opera singer N. T. Izmailova): Documents and materials. Perm, 2019	114
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Porozov V. A.</i> Thirteenth Memetov's. 30th International scientific and theoretical conference "Intelligentsia and intelligentsia studies at the beginning of the XXI century: results and prospects", Ivanovo, September 26—27, 2019	123
--	-----

Annotations and materials for citing	144
---	-----

<i>Information for authors</i>	163
--------------------------------------	-----

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВИЧА МЕМЕТОВА

А. А. Соловьев

ОБРЕТЕННОЕ ВРЕМЯ В. С. МЕМЕТОВА

Эта встреча произошла еще в прошлом веке. Встреча, во многом определившая мое последующее профессиональное служение Истории, сохранившая и поныне, несмотря ни на что, безусловную ценность критериев интеллектуальной честности и человеческой порядочности. Встреча с Валерием Сергеевичем Меметовым, Человеком и Ученым, который всем своим существом являл образ истинного русского интеллигента в изначальном духовно-нравственном понимании данного феномена.

Жизнь каждого из нас состоит из частных, нюансов, уникального ощущения мгновения, более, увы, никогда не повторяющегося в дальнейшем. Время летит быстрее, чем стрела, и жизнь мимолетнее росы!.. Каким бы искусным ни был человек, может ли он вернуть хотя бы один день из прошлого?! Остается память, которая будет воскрешать удивительные очертания невыразимой легкости Бытия в многомерной палитре мелодий общения с Мастером.

© Соловьев А. А., 2020

Соловьев Алексей Александрович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева, aleksey.s37@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of General Educational Discipline, Ivanovo State Agricultural Academy).

В 1997 г. В. С. Меметов дал согласие стать официальным оппонентом на защите моей еще кандидатской диссертации, проходившей в конце марта в Костромском государственном педагогическом университете. В Костроме Валерия Сергеевича всегда ждали с особым чувством тепла и уважения, его связывало многолетнее профессиональное сотрудничество и человеческие отношения с профессорами В. Л. Миловидовым, В. Р. Веселовым, А. И. Евстратовой. От Иванова до Костромы около двух часов езды, но, будучи всегда человеком в высшей степени ответственным, Валерий Сергеевич приехал на рейсовом автобусе днем накануне. Отметив командировочное удостоверение в университете, мы прошли с ним всю набережную Волги вплоть до институтского общежития (именно общежития, никаких гостиниц, ресторанов и презентов — таково было его настоятельное требование; единственное, что он попросил в качестве подарка, — сделать копию одной странички из диссертации, где было проведено сравнение позиций православного духовенства и светской интеллигенции), любуясь весенним солнышком и непрестанно беседуя абсолютно на любые темы. Он умел создавать атмосферу уюта и спокойствия, на душе становилось тепло и уже забывалось, что завтра тебя ожидает защита, главное — это сакральное единение с настоящим, ощущение мгновения как Вечности и вечности, восполняющейся в Мгновении. Защита либо же иное формально стандартизированное мероприятие, даже, как это будет впоследствии, научные конференции представлялись ценными не сами по себе, а как возможность *встречи*, дарующей радость общения и *со-творения* новой реальности близкими по духу людьми.

Одним из самых противоречивых свойств человека, как мне кажется, является то, что мы постоянно подгоняем время, тем самым теряя гармонию и неповторимую уникальность каждой прожитой минуты жизни. Ритм современной цивилизации возрастает с неотвратимым постоянством, течение жизни всех куда-то несет, и лишь некоторым удастся выбраться из потока, остановиться или тем более изменить *путь*, посмотреть чуть отстраненно, чтобы увидеть все *как оно есть на самом деле*. *Обретенное время* Валерия Сергеевича Меметова — это уникальное мироощущение красоты окружающего мира, непосредственность восприятия волшебного пространства природы и вместе с тем

мудрость духовного постижения истины, дарующей *путь* внутреннего обретения смысла человеческого существования.

На следующий день состоялась защита кандидатской диссертации, прошедшая непринужденно, на одном дыхании, несмотря на многочасовую дискуссию по проблемам взаимоотношений интеллигенции и Русской православной церкви в конце XIX — начале XX в. Споры по этой достаточно еще новой для того времени проблематике велись неизменно корректно и с явным желанием *дойти до самой сути*, ведь выражали свои мысли, делились своими идеями подлинными интеллигенты Костромы, Иванова, Ярославля. Интеллигентность проявляется, на мой взгляд, в том числе и в желании понять другого, выявлении интереса к знаковости и *инаковости* ситуаций внешнего для нас мира и мира наших собственных иллюзий. Поздним же вечером того дня в Костроме крупными хлопьями повалил снег, наверное, последний той весной, а на крыльце университетского корпуса на улице 1 Мая над бесконечными волжскими просторами еще долго звучали песни уходящей эпохи и солировали в этом мистическом действе профессора Валерий Сергеевич Меметов и Альбина Ивановна Евстратова. Раскрытие души и выражение гармонии внутреннего состояния человека посредством песни будет постоянно сопровождать и в последующие годы наши встречи. В уютной, светлой и жизнерадостной атмосфере домашнего тепла в Иванове или в эстетике осенней сказки в Плесе чудесные и проникновенные голоса Маргариты Ионовны Кондрашевой и Татьяны Федоровны, супруги В. С. Меметова, как, собственно, и самого Валерия Сергеевича, до сих пор восполняют жизнь неповторимой реальностью, связывающей ощущения настоящего и воспоминания прошлого. В этой кристаллизации *частности* человеческого существования, его *необщности* и *уникальности* выражается суть сохранения нравственного начала, что делает человека, творчески соприкоснувшегося с В. С. Меметовым, менее восприимчивым к любым формам демагогии и тавтологии, побуждая его к самоидентификации личностных моделей интеллектуального поля, изгоняя уныние и наполняя каждое мгновение экзистенциальным смыслом Бытия.

В последующие два с лишним десятилетия неизменными становились сентябрьские встречи на международных научных

конференциях по проблемам интеллигентоведения в Ивановском государственном университете. Они были (и выражу общую надежду, что будут) чрезвычайно важными Событиями, ибо в интеллектуальной атмосфере всеобщего отрицания, характерной для рубежа XX—XXI вв., В. С. Меметов, в том числе и посредством них, сумел сохранить в духовном пространстве научных поисков созидательную веру в истинное предназначение русской интеллигенции и обратить в эту веру многих и многих своих последователей. Основанный в 2001 г. журнал «Интеллигенция и мир» является лучшим и профессионально достоверным тому подтверждением. Синтез гуманитарных и социальных наук, осуществленный в универсуме интеллигентоведения, позволяет высветить в совершенно иной методологической перспективе онтологические проблемы истории, своеобразие антропологических границ, раскрыть многомерность пространства творчества, тем самым преображая мир и самого человека. Постигание творческого наследия минувших эпох — необходимая предпосылка развития социума, а также продолжение жизни тех, кто пытался наполнить мир красотой и смыслом. Помнить и изучать прошлое — значит сохранять мистическую связь с теми, кого уже нет, входя в неосязаемый контакт с теми, кому еще только будет суждено появиться на свет. Таким образом, не прерывается связь времен и человек обретает хрупкое равновесие своей жизни между прошлым и будущим.

Безусловно, знаковыми вехами в истории интеллигентоведения стал выход двух коллективных научных монографий под редакцией профессора В. С. Меметова: «Интеллигенция: вопросы теории и методологии»¹ и «Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности»². Объединение в научных изданиях разных по своим методологическим стратегиям, идеологическим установкам и эмоциональному мироощущению авторов дало кумулятивный эффект целостности и системности вышедших исследований благодаря применению комплексного междисциплинарного подхода, неизменным последователем которого выступал В. С. Меметов.

Предельно широк спектр научных проблем, обсуждению которых были посвящены интеллигентоведческие конференции в Ивановском государственном университете. Каждый находил

в них отражение своих поисков, желал поделиться своими размышлениями, прежде всего с Валерием Сергеевичем. Поэтому без преувеличения можно сказать, что участники конференций ехали в первую очередь к Меметову, который *переживал* открытия своих коллег как ритм собственного сердца, соотнося их с внутренней рефлексией своих идей. Для каждого находил время, даже когда этого времени практически уже не было, как бы невзначай отмечал некоторые моменты, которые впоследствии становились важными направлениями твоего дискурса. Иногда достаточно обратить внимание другого, казалось бы, на маленькую деталь, интуитивно почувствовав возможность глубинного анализа субстанционально значимого в исследовании того или иного процесса. Так произошло и со мной, когда в одном из разговоров во второй половине 90-х гг. XX столетия Валерий Сергеевич отметил важность осмысления в новой исторической ретроспективе интеллектуального и социокультурного пространства духовных учебных заведений дореволюционной России. Это стало началом исследований, которые воплотились в ряд научных статей, посвященных богословско-академической интеллигенции конца XIX — начала XX в., а также в два параграфа докторской диссертации. Мастер как раз и отличается тем, что ощущает сущностное как естественное продолжение непрерывающейся нити Творения и дарит это знание своим ученикам и коллегам.

Бескорыстное служение науке и человеческое участие В. С. Меметова проявились и в том, что он в очень тяжелые в материальном отношении годы (хотя когда они были простыми) в буквальном смысле на общественных началах стал научным консультантом при написании двух диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук костромских историков — А. В. Зябликова и автора этих строк, диссертаций, успешно защищенных в стенах Ивановского государственного университета³. Думаю, что многие, попадая под обаяние этого человека, ощущали на себе его уникальную мотивацию, воздействующую скорее на уровне подсознания, к обретению новых смыслов жизни, творению новых пространств в науке, открытию себя в других и других в себе.

Когда говорят, что незаменимых людей нет, — это от лукавого. Уход В. С. Меметова — это уходящая эпоха академического

знания, настоящего классического образования, интеллигентности Ученого и Человека в изначальном ее предназначении. И тем важнее сохранить память и продолжить то дело, которому он честно служил. Как-то у Жана Кокто спросили, какую одну единственную вещь он вынес бы из дома, случись в нем пожар. «Огонь», — не задумываясь, ответил Мастер. Очень важно, чтобы та метафизика огня, некогда воспламенившая нас, в том числе благодаря *обретенному времени встречи* с Валерием Сергеевичем Меметовым, никогда в нас не погасла.

Примечания

- ¹ Интеллигенция: вопросы теории и методологии: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 2010.
- ² Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2014.
- ³ *Зябликов А. В.* Политическое самопознание российской художественной интеллигенции, 90-е гг. XIX в. — 1909 г.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Иваново, 2006; *Соловьев А. А.* Интеллигенция и Православная церковь в социокультурном развитии российского общества в конце XIX — начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Иваново, 2009.

Ф. Т. Ахунзянова

**ПАМЯТИ В. С. МЕМЕТОВА:
С УВАЖЕНИЕМ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ...**

Слово «интеллигенция» давно уже стало практически ругательным. Во многом в этом виноваты сами интеллигенты, не приспособленные к практической жизни, бескорыстные, без какой бы то ни было деловой хватки люди. В современной — предпринимательской — России, когда большинство грезит, вместо труда и общепольной деятельности, о праздной жизни и легкой поживе, такие люди не востребованы, более того, зачастую вызывают презрение, ибо что с него взять, с интеллигентшишки... Для новых поколений россиян ценности, присущие интеллигенции, и образ жизни интеллигентов не обладают привлекательностью, как раньше, а жизненный успех понимается ими в формах, нередко далеких от установок тех, кто сохраняет идентичность с интеллигенцией.

Естественно, что в таких условиях изучать феномен интеллигенции с позиции фундаментальной науки сродни гоголевскому раскрытию «маленького» или «лишнего» человека. Так, обращаясь к истории русской литературы, которая, кстати сказать, всегда была философична и испытывала явные чувства к средне-статистическому интеллигенту, мы можем увидеть, что судьба «огорченных людей» и сама проблема «оппозиционности» «лишнего человека» занимала Н. В. Гоголя еще со школьной скамьи. Слабовольного «маленького человека», ропшущего на свой незавидный удел и на обманувший его надежды «ненавистный» свет, он вывел еще в 1827 г. в юношеской поэме «Ганц Кюхельгартен».

© Ахунзянова Ф. Т., 2020

Ахунзянова Фарида Тагировна — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, farida.ahunzyano@mail.ru (Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University).

В этой поэме Гоголь противопоставил исполненного «могучих сил» идеального, «Небом избранного» деятеля рядовому обывателю, не имеющему достаточных сил и талантов, но, тем не менее, предающемуся честолюбивым мечтам. Опубликованная летом 1829 г. под псевдонимом поэма получила в журналах уничтожительные рецензии, и Гоголь, скупив имевшиеся у книгопродавцов экземпляры, сжег их. Можно представить, как к честолюбивым желанием юноши после случившейся с ним литературной неудачи с необходимостью присоединяется ужас от возможного превращения в обыкновенного и даже ничтожного чиновника — в Акакия Акакиевича Башмачкина из будущей «Шинели» (эта повесть полна переключек с ранними письмами Гоголя из Петербурга). Но именно тогда, возможно, в полную силу вступает начатое Гоголем еще в школьные годы преодоление себя, восхождение по духовной «лестнице».

Интеллигенция в России всегда находилась в состоянии преодоления себя, именно ее стремление к духовной «лестнице», желание идти по особому пути, рассеивать благо и работать на пользу мира относили ее к классу «лишних» людей. Как заметил однажды И. Бродский, «человек, который внутри себя начинает создавать свой собственный, независимый, мир, рано или поздно становится для общества инородным телом, становится объектом для всевозможного рода давления, сжатия и отторжения»¹. Не у каждого есть сила принять это положение, гораздо легче повернуть вспять и подстроиться под обстоятельства, что в общем-то и сделала какая-то часть современной интеллигенции. М. О. Гершензон писал (и очень актуально это звучит сейчас): «...между нами почти нет здоровых людей, все недовольны, озлоблены... То совпадение профессии с врожденными свойствами личности, которое делает работу плодотворной и дает удовлетворение человеку, для нас невозможно; и стоят люди на самых святых местах, проклиная каждый свое постылое место, и работают нехотя, кое-как»². М. Шагинян, в свою очередь, свидетельствовала: «...мы выросли плотью от плоти русской интеллигенции, когда “приносить пользу обществу”, работая в учреждении, считалось позорным концом “Обыкновенной истории” Гончарова»³.

Эти высказывания хорошо иллюстрируют тот факт, что трудно во все времена было всем. Однако большая часть нашей интеллигенции все же сохранила свой статус — статус транслятора культурных ценностей, «совести» власти, идейного стабилизатора будущего нашей страны. В этом процессе сегодня важнейшей задачей, на наш взгляд, является воспроизводство интеллигенции в новых поколениях. Образование как процесс передачи от старших поколений младшим определенного объема социокультурных знаний и установок предполагает наличие не только институциональных средств такой передачи, т. е. соответствующих учреждений, норм, ролей и статусов, но и некоторой устойчивой общности, которая несла бы в себе импульс ретрансляции знаний. Именно такой общностью представляется лидирующий в России центр комплексного изучения интеллигенции и, собственно, результат рефлексии — журнал «Интеллигенция и мир», созданный и много лет редактируемый профессором В. С. Меметовым.

Деятельность В. С. Меметова по изучению феномена интеллигенции стала важным, а по ряду позиций основополагающим явлением российского общества в исследовании интеллектуальной составляющей последнего и, что достаточно уникально, основных производителей и носителей интеллекта в тесной связи с категорией нравственности. По инициативе центра на базе Ивановского государственного университета прошел целый ряд международных и всероссийских конференций, посвященных проблемам, связанным с историей отечественной интеллигенции. Эти научные мероприятия убедительно доказали, что все, кто сотрудничает с НИИ интеллигентоведения Ивановского государственного университета, во-первых, остались приверженцами вечно актуальной темы «Интеллигенция России — кто она?», а во-вторых, то, что центр и журнал заняли достойное место в современном интеллектуальном пространстве Российской Федерации, подтвердив высокий творческий потенциал российской провинции.

В заключение скажем следующее. Автор настоящего сообщения имела честь лично присутствовать в г. Иваново на конференциях В. С. Меметова, а также опубликовать пару своих скромных трудов на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

В первую очередь, хочется отметить постоянно доброжелательное и уважительное отношение профессора даже к начинающим публикаторам, что не так часто встречается среди руководителей настолько признанных журналов. Кроме того, широкая интерпретация феномена интеллигенции позволила получить в прямом смысле слова море полезной информации от других авторов — универсализм проблематики очевиден. Остается надеяться, что замечательные традиции, посеянные и так заботливо и самоотверженно возвращенные В. С. Меметовым, будут столь же продуктивно продолжены его единомышленниками.

Примечания

¹ *Бродский И.* Большая книга интервью. М., 2000. С. 8.

² *Гершензон М. О.* Творческое самосознание // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 93.

³ *Шагинян М. С.* Человек и время: история человеческого становления. М., 1982. С. 52.

И. В. Сибиряков

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ
В ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(Воспоминания о В. С. Меметове)**

Когда хороший человек завершает свой земной путь, у многих его друзей, товарищей, коллег возникает естественное желание сохранить добрую память о нем на долгие годы. Воспоминания — это совершенно особый жанр литературы, особый тип исторического источника. Они часто субъективны, порой эмоциональны, иногда полны фактологических неточностей и «огрехов». Но воспоминания о близком и дорогом человеке почти всегда искренни. Порой они гораздо важнее для тех, кто эти воспоминания пишет, чем для тех, кто их потом читает. Это не только своеобразный разговор о прошлом, но и разговор о настоящем и даже будущем одного конкретного человека, группы людей, страны в целом.

Я знал Валерия Сергеевича Меметова почти двадцать лет. Нас познакомила моя коллега, кандидат исторических наук М. А. Ахлюстина, которая еще в конце XX в. попала на одну из первых ивановских конференций, посвященных проблемам отечественной интеллигенции. Конференция произвела на нее неизгладимое впечатление, поразив количеством и качеством научных докладов, остротой официальных и неофициальных дискуссий и той особой атмосферой творческого неформального общения, которую так мастерски создавал всегда В. С. Меметов. Именно от М. А. Ахлюстиной я впервые услышал о фантастических поездках в Плес, где участники конференции не только продолжали научные споры, обсуждали новые проекты и планы, но и заряжались удивительной энергией первозданной русской природы. Многим

© Сибиряков И. В., 2020

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), sibirjkovig@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (national research university)).

участникам конференций энергия Плеса помогла выжить в тяжелые времена рубежа веков. В. С. Меметов очень любил Плес. Он лично организовывал экскурсии, договаривался с музейщиками, охотно пел русские народные песни. Именно песни сдружили В. С. Меметова и М. А. Ахлюстину, а эта дружба вскоре после защиты докторской диссертации привела меня в Иваново. О роли российской интеллигенции в истории страны много говорили и писали еще в годы перестройки. После развала СССР научное сообщество через многочисленные и разнообразные репрезентации пыталось определить некоторые закономерности возникновения, развития, гибели и нового возрождения отечественной интеллигенции. Неслучайно в стране почти одновременно возникло несколько крупных научных центров по изучению истории интеллигенции. Один из них был организован в Ивановском государственном университете. Ключевую роль в его создании сыграл именно В. С. Меметов, который сумел убедить администрацию Ивановской области и администрацию Ивановского государственного университета в важности и перспективности такого научного направления, как интеллигентоведение.

Лично мы встречались с В. С. Меметовым в рамках нескольких научных конференций в Иваново и разного рода совещаний в Москве, общались по электронной почте. Язык такого общения, чаще всего почти официальный, сдержанный, не допускал эмоциональных «взрывов» и «откровений». Но постепенно в наших разговорах помимо строго научных тем появились и новые сюжеты: мы обсуждали политические процессы в стране, судьбу отечественной высшей школы, новинки исторической литературы. И Валерий Сергеевич открылся для меня как очень интересный собеседник, который умеет не только просто и понятно говорить о самых сложных вещах, но еще и слушать своего собеседника, даже если не согласен с его точкой зрения. Особенно ярко эта его способность проявилась во время наших разговоров о крымских событиях 2014 г. Тема Крыма была для В. С. Меметова очень личной темой. Он эмоционально обсуждал самые разные аспекты крымской истории. Но всегда подчеркивал важность крымского региона для России. А я рассказывал ему о Севастополе, в котором пришлось побывать в 2016—2017 гг., о своих впечатлениях об удивительном городе, изменившем мои

представления о флоте, коммунистическом проекте, перспективах развития Крыма. Именно в ходе этих непростых разговоров я еще раз убедился в том, что слова «любовь к Родине» и «патриотизм» были для В. С. Меметова не просто набором звуков, но частью его мировоззрения и мировосприятия.

Я видел, как важны для В. С. Меметова сентябрьские конференции по истории интеллигенции. Любой, кто проводил даже одну научную конференцию, знает, какое огромное количество самых разных организационных, политических и административных проблем приходится решать ее главному организатору. В. С. Меметов подготовил и провел практически 30 таких конференций. Ни один из создателей центров по изучению истории интеллигенции не смог повторить такой результат или даже приблизиться к нему. На конференции в Иваново приезжали как профессора ведущих университетов страны, так и молодые аспиранты, которые только начинали свой путь в науке. Для каждого из них В. С. Меметов находил необходимые и очень нужные слова. Пусть не покажется странным, но слова поддержки порой крайне важны не только для молодых, но и для уже вполне состоявшихся ученых. Настоящий исследователь часто сомневается в правильности выбранного направления научного поиска, в возможности решения той или иной исследовательской задачи. В такой ситуации слово старшего товарища, более опытного исследователя имеет огромное значение.

Еще одна грань научного таланта В. С. Меметова раскрылась на посту редактора журнала «Интеллигенция и мир». Этот проект рождался в 2001 г. очень непросто. Но именно в «боях» за создание журнала с его уникальным статусом российского междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук мы увидели того самого В. С. Меметова, который мог решить любую задачу, если верил в важность и значимость этой задачи для университета, для города Иваново, для страны, в которой он родился и вырос. Будучи главным редактором журнала, В. С. Меметов уделял большое внимание работе с авторами. Он старался привлечь к сотрудничеству самых разных специалистов, занимавшихся не только историческими аспектами темы «Интеллигенция и мир», но и философскими, политологическими, социологическими сюжетами этой темы. Он пытался найти оптимальную

структуру журнала, экспериментируя с названием рубрик и разделов. Ему очень хотелось, чтобы журнал «жил» полноценной научной жизнью с ее дискуссиями, спорами, публикацией новых источников и историографических обзоров.

Обсуждая перспективы развития журнала, В. С. Меметов однажды посетовал, что в нем очень мало материалов, посвященных проблемам новых методологических подходов к изучению феномена интеллигенции. Я ответил ему, что челябинские интеллигентоведы неоднократно дискутировали о данной проблеме (а в нашем городе сложилась очень интересная самобытная научная школа, представленная в первую очередь профессорами С. С. Загребиним, И. В. Сибиряковым, П. Б. Уваровым и их учениками). Наш разговор продолжился через год, когда В. С. Меметов предложил мне поучаствовать в создании коллективной монографии «Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности», которая вышла в свет в 2014 г. и стала одним из последних крупных исследовательских проектов, реализованных коллективом авторов под руководством В. С. Меметова. Для этой монографии мне пришлось писать первую главу. Она называлась «Современные теоретико-методологические проблемы изучения феномена интеллигенции». Ее основные сюжеты не раз обсуждались с В. С. Меметовым.

Последние годы работы В. С. Меметова были для него очень непростыми. Но он старался сохранить и тот коллектив исследователей, который специализировался на изучении различных аспектов истории интеллигенции, и организационные структуры, необходимые для продолжения работы в этом направлении.

Когда человек уходит от нас, мы часто вспоминаем нашу последнюю с ним встречу, анализируем последний разговор, пытаемся увидеть какие-то важные знаки и символы. Наш «последний» разговор с В. С. Меметовым был вполне обычным. Мы говорили о тяжелом состоянии, в котором оказались провинциальные российские вузы, он очень жалел, что не получается поехать в Плес, что стал «прихварывать», договорились о новой статье для журнала «Интеллигенция и мир». И в этой обыденности разговора есть какая-то особенно трагическая нота, нота незавершенности многих дел и проектов, которые так или иначе связаны

с именем В. С. Меметова. Его смерть стала тяжелым ударом для многих ученых в Москве и Петербурге, в Иваново и Екатеринбурге, в Омске и Челябинске, в десятках других городов России и за рубежом. Но остается надежда на его учеников, сподвижников, коллег, которые, как мне кажется, должны сохранить то, что можно и нужно сохранить из творческого наследия В. С. Меметова, его доброе имя и светлую память о нем.

А. В. Зябликов

ЧЕЛОВЕК СЛОВА И ПОСТУПКА

С возрастом начинаешь понимать, что в жизни есть события случайные и неслучайные. То же можно сказать и о людях. Валерий Сергеевич Меметов был в моей жизни человеком неслучайным. Ему я обязан многим. Четвертьвековое общение с В. С. Меметовым, нечастое, но регулярное и плодотворное, дает мне право сказать о нем несколько слов.

В начале 1990-х гг., когда российское гуманитарное знание выходило из состояния творческого анабиоза, в Ивановском университете появился межвузовский центр с интересной и неожиданной проблематикой. Тогда я, аспирант, познакомился с автором идеи и руководителем центра профессором В. С. Меметовым, впервые окунулся в незабываемую атмосферу проводимых им научных форумов. С тех пор в моем рабочем календаре обязательно значится сентябрьская поездка в Иваново — к Меметову.

© Зябликов А. В., 2020

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, a.zyablikov@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Science and Social Communications, Kostroma State University).

В 2003 г. Валерий Сергеевич согласился стать моим научным консультантом при подготовке докторской диссертации¹. Когда решалась судьба моего «соискательства», встал вопрос об оплате. Меметов тогда сказал твердо, что костромичи (Андрей Соловьев и я) будут учиться бесплатно. И слово свое сдержал, несмотря на многочисленные бюрократические препоны. Куски будущей работы он вычитывал внимательно и придирчиво. Иногда, как мне казалось, излишне придирчиво. Я понимал, что деятели «нововременского» круга: А. С. Суворин, М. О. Меньшиков, В. В. Розанов, которым отводилось в диссертации не последнее место, не были объектами исследовательских и человеческих симпатий В. С. Меметова. Однако ни разу я не слышал от своего научного консультанта директивных суждений в духе «Убрать!» или «Заменить!» Никогда Валерий Сергеевич не пытался навязать свое понимание какого-либо концепта или исторического сюжета. Миссию наставника он исполнял жестко, требовательно, но в то же время деликатно, ни в чем не ущемляя право автора на собственное мнение, а замечания и советы В. С. Меметова в итоге служили улучшению текста. Высокомерность и назидательность, по моему ощущению, вызывали в Валерии Сергеевиче глубокую внутреннюю неприязнь, и сам он всегда был открыт для искреннего разговора с любым собеседником. Не было случая, чтобы профессор отменил назначенную встречу, сославшись на занятость или плохое самочувствие.

Речь профессора Меметова не отличалась рафинированной ученостью и раздражающей наукообразной обтекаемостью. В каждом его слове ощущалась основательность, какая-то спокойная, ненадрывная уверенность в том, что мир управляется законами человечности, добра и здравомыслия. Думаю, неслучайно именно профессор Меметов объединил вокруг себя людей, занимающихся интеллектуальной историей России, создал научную школу интеллигентоведения. Вот информация для размышлений, предназначенная тем, кто отождествляет интеллигентность с мягкотелостью и конформистской уступчивостью.

В этом человеке всегда ощущалась мощная мужская харизма, личностный стержень. Помню, речь зашла о некоем функционере, который повел себя, мягко говоря, безответственно и лукаво, поставил людей в неудобное положение. Меметов

сознался, что в какой-то момент хотел просто дать ему по физиономии. Но пришлось сдержаться, взять себя в руки. Да, в академических кругах вопросы так не решаются, хотя и здесь встречаются лизоблюды, интриганы, а иногда и заведомые проходимцы. Упомянутому функционеру, будем считать, крупно повезло, потому что в юности профессор Меметов активно и успешно занимался боксом. Валерий Сергеевич хорошо понимал: вести бой за правду и справедливость «дозволенными» методами труднее всего, но он, сильный и в нравственном смысле бескомпромиссный, шел по этому пути — решал вопросы в «инстанциях», просвещал бюрократов и начальственных тугодумов, растолковывал, разъяснял, убеждал.

Сложно представить, сколько сил, времени, душевного здоровья отнимали у него организационные хлопоты, связанные с проведением ежегодных международных конференций, деятельность на посту главного редактора научного журнала. Добавим к этому круг обязанностей вузовского профессора — проведение лекций, семинаров, консультаций, работу со студентами, аспирантами, соискателями. НИИ интеллигентоведения и журнал «Интеллигенция и мир» (выходит с 2001 г.) были любимыми детищами В. С. Меметова, поэтому он не жалел себя, не хотел и не мог экономить свою жизненную энергию. 26 сентября 2019 г. в Ивановском государственном университете прошла тридцатая (!) конференция, посвященная истории интеллигенции, и, увы, первая без Валерия Сергеевича.

Можно запустить интересный научный проект, но удерживать его на плаву в течение многих лет — задача гораздо более сложная. У Валерия Сергеевича это получалось. Созданная им конференция стала интеллектуальной и творческой площадкой, объединившей ученых разных поколений. Кстати, не только историков. Желанными гостями здесь были философы, филологи, культурологи, политологи, богословы. Я храню в памяти блестящие выступления М. Е. Главацкого и В. С. Волкова, С. М. Красильникова и А. И. Авруса, В. П. Ракова и С. М. Усманова, И. В. Купцовой и И. В. Сибирякова. Надо сказать, что высказываемые на полях конференции суждения почти всегда оставляют широкое пространство для дискуссии, что, конечно, поддерживает высокую репутацию форума

в научном сообществе. Комментарии председательствующего — В. С. Меметова — особый риторический жанр, соединяющий в себе житейскую наблюдательность и академическую глубину.

Журнал «Интеллигенция и мир» сегодня является когнитивной и методологической базой для изучения интеллектуальной истории России. Многие опубликованные здесь статьи и материалы концептуально значимы². Без ссылок на эти работы современному исследователю обойтись трудно. Добавим сюда выходявшие под редакцией В. С. Меметова коллективные монографии, в создании которых мне, по счастью, довелось принять участие³. Очень важно, чтобы с уходом мастера не распался круг единомышленников, не застыло дело, которому В. С. Меметов верой и правдой служил. Конференция и журнал должны жить!

Валерий Сергеевич с сожалением говорил о разрушительных процессах, идущих сегодня в образовании и науке: о самоцельных инновациях, которые почему-то искусственно противопоставляются традиционным школам и методикам, о неумном реформировании вузовского преподавания. Вспоминается такой эпизод: однажды во время традиционной поездки в Плес мы — участники конференции — попали под дождь и нашли укрытие в какой-то деревянной беседке. Строение казалось ветхим и непрочным, а ливень набирал обороты. Игорь Серебряков мрачно пошутил тогда — высказался в том смысле, что если крыша вдруг обрушится нам на головы, то одновременно погребет под собой весь «цвет современного российского интеллигентоведения». Слава богу, этот кошмар не случился. Однако у каждого, кто работает сегодня в системе вузовского образования, есть ощущение того, что университеты находятся в некоем «полупридавленном» состоянии. Эффект «рухнувшей крыши» налицо! Под тяжестью такого количества стандартов, циркуляров, регламентов, распоряжений, нововведений прогнутся любые стропила.

Конечно, многое из того, что происходит сегодня в высшей школе, профессор В. С. Меметов воспринимал критически, но — важно заметить — без злопыхательства и брюзжания. Он видел смысл своей работы не в том, чтобы возводить плотину на пути инноваций, а в том, чтобы не позволить этому бурному потоку

размыть корневое основание нашей истории и культуры, уничтожить то здоровое и хорошее, что питает наше национальное самосознание.

Память о Валерии Сергеевиче Меметове, человеке, учителе, ученом, настоящем интеллигенте, навсегда останется в наших сердцах.

Примечания

- ¹ *Зябликов А. В.* Политическое самопознание российской художественной интеллигенции, 90-е гг. XIX в. — 1909 г.: дис. ... д-ра ист. наук / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2006.
- ² *Воронов Ю. М.* Интеллигенция как социокультурная идентичность // *Интеллигенция и мир.* 2004. № 1—2; *Золотарев О. В.* Российская интеллигенция: вступая в новый век // Там же. 2002. № 1—2; *Комиссаров В. В.* Интеллигенция и политическая элита России (XVIII—XX вв.): комплексный анализ понятий // Там же. 2004. № 3—4; *Меметов В. С., Попов А. В.* О некоторых проблемах теории и методологии исследования интеллигенции, ее генезиса и формирования // Там же. 2005. № 1—2; *Порозов В. А.* Интеллигенция в историко-цивилизационном контексте // Там же. 2019. № 1; *Сибиряков И. В.* Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор // Там же. 2013. № 2; *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция как внутренняя форма ноосферной (глобальной) истории // Там же. 2015. № 3; *Соколова Ф. Х.* Интеллигенция во власти: российские реалии // Там же. 2009. № 2; *Соловьев А. А.* Кафолическое сознание: русская интеллигенция в поисках идентичности // Там же. 2006. № 1; *Усманов С. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения // Там же. 2014. № 4.
- ³ *Интеллигенция: вопросы теории и методологии: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов.* Иваново, 2010; *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов.* Иваново, 2014.

Э. Б. Ершова

В. С. МЕМЕТОВ: ВСТРЕЧИ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Первое знакомство с Валерием Сергеевичем Меметовым произошло на конференции в Иванове в 1992 г. Это было сложное время из-за развала СССР, изменений во многих сферах жизни, в том числе в науке и системе высшего образования. Менялись не только предметы преподавания в вузах, но и их содержание, названия кафедр, распределение нагрузок и многое другое. Для преподавателей высших учебных заведений оставался единственный путь — не расслабляться: писать и защищать кандидатские и докторские диссертации, выходить на новый уровень научных знаний, используя возможность высказывать свое мнение по изучаемой теме.

Работая старшим преподавателем в Московском государственном институте управления и будучи кандидатом исторических наук, стремясь в то же время к дальнейшим исследованиям по теме истории художественной интеллигенции Белоруссии в довоенный период, узнала, что в Ивановском государственном университете 22—24 апреля 1992 г. пройдет конференция, посвященная российской интеллигенции, ее тема — «Интеллигенция в политической истории XX века». Это известие вызвало огромный интерес и желание услышать других ученых, изучающих тематику, узнать как можно больше новых теоретических и практических подходов к научным материалам и их анализу. К этому времени фактически уже была утверждена тема моей

© Ершова Э. Б., 2020

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор, член Академии гуманитарных наук, академик, женщина мира 2005 года, руководитель Исторического клуба Совета ветеранов Академического района г. Москвы, elvira40@inbox.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Member of the Academy of Humanities, Academician, Woman of Peace 2005, Head of the Historical Club of the Council of Veterans of the Academic District, Moscow).

докторской диссертации, в связи с чем мною был предложен доклад «Белорусская художественная интеллигенция в круговерти большевистской политики в 20-е годы»¹. Он был принят, что меня очень обрадовало. Обратила на себя внимание отличная организация конференции: были разосланы приглашения, заказаны места в гостинице, указан адрес места проведения конференции. Всех приезжавших встречали на вокзале, сопровождали в гостиницы, объясняли, как пройти в университет. Так же хорошо было построено и само проведение конференции. В аудитории всех встречал ее организатор — профессор В. С. Меметов. Так мы и познакомились с ним. Он произвел прекрасное впечатление на всех иногородних участников форума, среди которых были профессора М. Е. Главацкий и М. И. Кондрашова из Челябинска, ученые из Екатеринбурга, Новосибирска, Москвы и других городов страны. В последующие годы в таких конференциях участвовали исследователи из Белоруссии, Финляндии и других государств. На открытии конференции выступали и руководители университета, было приятно видеть их внимание к нашей тематике и нашему присутствию в Ивановском университете. Позднее по инициативе В. С. Меметова и благодаря его организационной деятельности конференции получили статус международных научно-теоретических, были признаны Министерством образования РФ, которое стало финансировать их проведение из-за недостаточности средств у самого университета. В то время, не побоюсь сказать, разброда и анархии в стране данное обстоятельство вызывало огромное удивление и уважение, потому что было понятно, насколько сложно все это организовать.

Выступления всех участников конференции были серьезны, основательны и производили впечатление продуманности подходов к теме исследования. Вспоминается ведение В. С. Меметовым конференции (как этой, так и других последующих) — уважительное отношение к авторам и присутствующим, предоставление возможности свободно задавать вопросы и обсуждать любую тему. Чувствовалось, что и он присматривается ко всем нам, оценивает наши выступления, предложения по тем или иным вопросам. Очень важно и то, что тезисы выступлений были напечатаны и каждый из нас получил экземпляр книги, который был необходим для отчетов по научной работе. В дополнение

ко всему знакомство с учеными вузов Иванова, участвовавшими в этой конференции, заложило на годы дружеские отношения. Итогом конференции было принятие решения о регулярном проведении таких встреч.

Очень благоприятное впечатление произвела тогда же организация экскурсий по музеям Иванова и в Плес. Руководством университета нам был предоставлен автобус, и это только увеличивало симпатию как к городу, университету, так и к организаторам конференции, и, конечно, прежде всего к самому Валерию Сергеевичу Меметову. Все стали ждать следующей конференции, очень надеясь, что она состоится.

Наши ожидания оправдались. В 1993 г. нас вновь пригласили в Ивановский университет на конференцию по теме «Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии»². Это была очень важная и необходимая тема, потому что до того времени о российской интеллигенции высказывались разрозненные суждения, отсутствовало целостное представление о ее возникновении и значимости для России. Самой известной тогда работой по теме была монография С. А. Федюкина, имелся ряд небольших публикаций, а систематических исследований фактически не было. Тем более на Западе не признавали такую интеллигенцию, там людей с высшим образованием называли интеллектуалами. И я могу с полной ответственностью сказать, что В. С. Меметов стал тем ученым, который создал вначале научную школу, а затем научный центр по изучению российской интеллигенции, признанные мировым научным сообществом.

С этого года у нас начались ежегодные встречи с В. С. Меметовым на конференциях в Иванове, иногда и в Москве. В начале 1994 г. диссертационный совет Московского областного педагогического университета обсудил мою докторскую диссертацию и встал вопрос об оппонентах на защите, которая должна была состояться в июне того же года. Как раз в марте 1994 г. в Иванове проводилась конференция по очень важной и интересной теме: «Проблемы изучения российской интеллигенции и культуры в вузовских исторических курсах»³. По телефону мы переговорили с Валерием Сергеевичем о возможности его участия в моей защите, тем более, что я предварительно показывала

ему материалы диссертации. Ее тема была очень созвучна и теме предстоящей конференции. Ознакомившись с содержанием диссертации и опубликованной по ней монографии, а также другими печатными работами, Валерий Сергеевич согласился стать вторым оппонентом. Это меня очень обрадовало, так же как и членов диссертационного совета МОРУ, которые к тому времени уже многое знали о нем как организаторе научного сообщества и серьезном исследователе, руководителе молодых ученых, занимающихся проблемами интеллектуальной истории. Естественно и то, что он кое-что покритиковал в моей диссертации, а выступая на защите, отметил значимость работы, которая фактически была первым исследованием истории белорусской национальной художественной интеллигенции в нашей стране в довоенный период. Защита прошла успешно, решение о присвоении мне ученой степени доктора исторических наук было единогласным.

С этого времени у нас началось и сотрудничество с В. С. Меметовым как членом диссертационного совета Ивановского университета (участие в качестве оппонента в защитах диссертаций, написание отзывов на авторефераты и т. д.). В те же годы мы познакомились с его женой Татьяной Фёдоровной Медведевой, стали бывать у них дома и всегда встречали доброжелательность, сердечность по отношению ко всем нам. Было очень приятно видеть, как они относятся друг к другу, как Татьяна Фёдоровна стремится помочь во всем Валерию Сергеевичу, чтобы он занимался своим любимым делом. Мы все были благодарны ей за теплое внимание к нам как соратникам Валерия Сергеевича.

Нам, бывшим аспирантам и докторантам ученого, участникам фактически 30 конференций, очень бы хотелось, чтобы Ивановский университет продолжил дело В. С. Меметова, чтобы руководители вуза сохранили первый в России и мире центр изучения интеллигенции, НИИ интеллигентоведения, пусть даже в трансформированном виде в связи с изменением социальных условий деятельности. Учитывая большой вклад В. С. Меметова в российскую историческую науку, следовало бы создать его музей (может быть, даже в его квартире, против чего, думается, не будут против и Татьяна Фёдоровна, и его дети, тем более что они смогут рассказывать о том, как работал Валерий Сергеевич над многими учебными, научными и организационными вопросами).

Это могло бы привлечь ученых, молодежь на экскурсии в Иваново для знакомства с личностью Валерия Сергеевича Меметова, с его опытом по решению сложных вопросов в сложные для страны времена.

Примечания

- ¹ *Ершова Э. Б.* Белорусская художественная интеллигенция в круговерти большевистской политики в 20-е годы // Интеллигенция в политической истории XX века: тезисы докладов Межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 1992.
- ² Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии: материалы Межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 1993.
- ³ Проблемы изучения российской интеллигенции и культуры в вузовских исторических курсах: материалы Республиканской научно-методической конференции. Иваново, 1994.

О. В. Золотарев

ОСНОВАТЕЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

Во время учебы в докторантуре в Московском педагогическом университете я много слышал об ивановском межвузовском центре интеллигентоведения и его руководителе Валерии Сергеевиче Меметове от З. Г. Дайча и В. В. Москвина. Захар Григорьевич, который являлся моим научным консультантом, частенько говорил: «Вам обязательно надо съездить на конференции в Иваново, к Меметову. Там сложился замечательный коллектив единомышленников по нашей проблематике. Многому научитесь». К сожалению, работа над диссертацией заставляла откладывать эту поездку. Но Валерий Сергеевич все же посодействовал мне в подготовке работы, написав отзыв на автореферат диссертации. Зачитанный на защите, он был с большим уважением выслушан членами диссертационного совета.

Уже после утверждения в ученой степени, в ноябре 1997 г., когда я приехал получать в ВАКе свой диплом, З. Г. Дайч заметил: «А Вы все-таки съездите к Меметову». И передал информационное письмо о Международной научно-теоретической конференции «Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее», провести которую планировалось в Ивановском университете в сентябре 1998 г. Это была моя последняя встреча с учителем. В начале 1998 г. Захара Григорьевича не стало. Таким образом, знакомство с ивановским центром интеллигентоведения — это последнее, что успел сделать для меня профессор З. Г. Дайч.

Однако поначалу поездка в Иваново, прямо скажу, не радовала. Город встретил разбитыми мостовыми, постоянными отключениями электричества и отсутствием горячей воды в гостинице. Сказывались «лихие девяностые». Но эти бытовые неурядицы

© Золотарев О. В., 2020

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина, kimoopd@syktsu.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Subjects, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University).

были сполна компенсированы радушием хозяев. Несмотря на раннее время (поезд из Москвы прибывал в Иваново в пять утра), нас встретили на вокзале и проводили в гостиницу, объяснили, куда и как идти на заседания конференции. Именно тогда, в свой первый приезд, я познакомился с одним из соратников Меметова, Александром Анатольевичем Даниловым. Это знакомство постепенно, несмотря на расстояние, нас отделявшее, переросло в дружбу.

С нетерпением ждал начала работы форума и встречи с именитым ученым. И сразу был приятно удивлен. К моменту регистрации перед участниками — только что напечатанный в типографии сборник материалов конференции. По тем временам — непозволительная роскошь (замечу, сборники никогда не публиковались после конференции, только накануне). И здесь сказывался как талант Меметова-организатора, так и его чуткое отношение к гостям-участникам. Первые доклады и сообщения — искренняя доброжелательность хозяев, готовность помочь, внимание ко всем без исключения участникам. География конференции была обширная: приехали преданные своему делу ученые из Москвы, Петербурга, Костромы, Перми и других уголков не только России, но и прежней, гораздо более великой Родины. Дискуссии шли до позднего вечера и были весьма полезны для всех — от начинающего исследователя до маститых ученых. Эта первая поездка укрепила меня во мнении, что здесь всегда искренне рады гостям, готовы принять участие в обсуждении волнующих научных проблем, указать нужное направление научного поиска, стремятся помочь. В немалой степени способствовали этому и неофициальные деловые приемы, прекрасная поездка в Плес.

Таким образом, мои ожидания, основанные на мнении З. Г. Дайча, полностью подтвердились. Более того, действительность превзошла их. Я и не думал столкнуться со столь деловой, профессиональной, но в то же время предельно непринужденной, истинно интеллигентной обстановкой, в которой шли живые, до предела острые, но и уважительные по отношению к оппонентам дискуссии участников конференции. Во многом такая ситуация сложилась благодаря умелому дирижеру всего происходившего — профессору В. С. Меметову. Царившая в Иваново атмосфера заражала энергией, желанием работать (позднее казалось, что она заставляет трудиться весь год, от Иванова до Иванова). И мне

захотелось в следующем сентябре вернуться в текстильную (а теперь и интеллигентоведческую) столицу России.

И с каждым годом это чувство все крепко и крепко. Почему это происходило? И почему это происходило не только со мной, но с целым рядом ученых-исследователей, ставших постоянными участниками традиционных ивановских чтений. Думается, во многом это результат влияния феномена профессора Меметова, взявшего на себя в трудное для российской науки время функцию собирателя и координатора исследовательских сил и этим с блеском подтвердившего научный и организаторский потенциал российской провинции (заметим, организаторский талант встречается гораздо реже, нежели исследовательский).

Именно в Иванове благодаря профессору В. С. Меметову мы стали командой единомышленников. Именно он на основе общих научных интересов объединил довольно разных людей из многих регионов (география участников конференций выглядит весьма обширной). Здесь почти каждый год (а я, за редким исключением, больше двадцати лет участвовал в «ивановских посиделках») собирались приезжавшие из Москвы Э. В. Ершова, А. В. Квакин, И. В. Купцова, из Сибири — М. В. Кондрашева, с Урала — И. В. Сибиряков и В. А. Порозов, с Русского Севера — Ф. Х. Соколова, из ближнего зарубежья — Г. В. Корзенко и Г. Н. Кныш... Нельзя забывать и об ивановских интеллигентоведах: С. М. Усманове, В. В. Комиссарове, А. А. Данилове, Г. А. Будник, Е. М. Раскатовой... Была создана корпорация ученых, помогающая сберечь традиционные формы горизонтальных связей исследователей и инициировать создание новых, ставшая важным фактором сохранения и консолидации коммуникативного поля российской науки, занявшая достойное место в российском интеллектуальном пространстве.

Этого результата удалось достичь благодаря инновационному сочетанию новых организационных форм, предложенных Валерием Сергеевичем, — созданного в 1992 г. межвузовского научного центра «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», НИИ интеллигентоведения (организован в 1998 г.), проводимых ежегодно научных конференций, деятельности журнала «Интеллигенция и мир» (издается с 2001 г.) и подготовки коллективных монографий по интеллигентоведческой

тематике. Именно сочетание перечисленных организационных методов позволило ивановскому научному центру в непростой период, когда интеллигенция оказалась в эпицентре сложных и противоречивых общественных процессов, сохранить свою функцию координатора совместных исследований в то время, как другие сплоченные группы интеллигентоведов начали терять устойчивость и постепенно перестали существовать. А ивановский центр остался. Благодаря стратегическому мышлению и лидерским качествам профессора В. С. Меметова, он получил статус исследовательской структуры, результаты работы которой были признаны в российском научном сообществе.

Особенную роль в этом сыграли, на наш взгляд, ежегодно (в течение трех десятилетий!) проводимые Меметовым конференции (при этом тема ни одной из них не повторялась, Валерий Сергеевич умел предложить что-то новое и всегда для всех интересное). Они позволяли не просто обмениваться идеями, мыслями, но подсказывали не видимые ранее грани своей собственной работы. Это были коллективные уроки научного поиска, позволившие многим ученым вывести свои исследования на качественно новый уровень. Именно здесь «обкатали» свои докторские диссертации Ф. Х. Соколова, В. В. Комиссаров, Г. А. Будник и многие другие. Да и сам Валерий Сергеевич не просто давал коллегам возможность обогащаться и развиваться в общении, в сотрудничестве. Его уважительное отношение к иному мнению не просто предоставляло возможность исследователям сохранять свою самобытность, собственный узнаваемый почерк, но даже заставляло их делать это. Именно поэтому конференции стали своеобразной площадкой для диалога между представителями различных научных школ и направлений, поощряли теоретико-методологическое разномыслие, поддерживали перспективные начинания молодых ученых. Влияние ивановских конференций не ограничивалось аудиторным пространством, они создавали атмосферу для интеллектуального общения близких по духу ученых, стали примером продуктивной практики научного общения, обсуждения сложных вопросов. Они способствовали появлению новых научных школ, ускорению и качественным изменениям процесса накопления знаний об интеллигенции, включению в эту работу нового поколения исследователей,

способных мыслить нестандартно и использовать современные научные методы и технологии.

Но и для самого Валерия Сергеевича общение не проходило бесследно. Он брал от коллег все лучшее. Именно поэтому годы проведения конференций и работы созданного им исследовательского центра были и временем быстрого развития Меметова-ученого, сумевшего по-новому подойти к целому ряду важнейших проблем теории, методологии и истории интеллигенции. Его научная концепция рождалась постепенно, по мере того как пытливый ум ученого находил ответы на вызовы исследовательской практики. Но уже в середине 1990-х гг. (а именно тогда на первый план вышла проблема поиска новых форм не просто продолжения научных исследований, но и выживания научной интеллигенции) его работы позволили научному сообществу заговорить о рождении нового междисциплинарного направления, которое получило название «интеллигентоведение». И заявляя о появлении интеллигентоведения, В. С. Меметов прежде всего понимал, что многие возникавшие научные проблемы и вопросы сложно будет решать в рамках традиционной методологии. Выход виделся в междисциплинарном исследовании проблем интеллигенции. Ему удалось создать и развить новаторский подход, объединив и творчески переработав методы сразу нескольких дисциплин (философия, история, социология, культурология и др.). Данный подход заставлял исследователей по-новому проводить анализ целого ряда сложных вопросов (как практического, так и теоретического плана), непосредственно связанных с деятельностью интеллигенции. Валерий Сергеевич справедливо полагал, что сегодня будут востребованы те концепции, которые облегчают взаимодействие представителей различных наук. Именно такая методология позволила профессору В. С. Меметову не только активно включиться в дискуссию о том, что такое интеллигенция (как ученый он прекрасно осознавал, сколь важно определить предмет и объект исследования), но и сделать попытку типизировать и классифицировать подходы к определению понятия интеллигенции и прийти к выводу о том, что наличие нескольких трактовок данного понятия объясняется многоликостью объекта изучения (этот вывод сейчас разделяется многими учеными). Он акцентировал внимание на том, что интеллигенция —

очень сложное общественное явление, поэтому изучение ее должно носить комплексный характер. Ему удалось обосновать генезис российской и мировой интеллигенции (именно В. С. Меметов ввел термин «прединтеллигенция»), определить перспективы ее развития в сообществе мировых цивилизаций, проанализировать общие и особенные качества российской интеллигенции и западных интеллектуалов, сформулировать научно обоснованный понятийный аппарат интеллигентоведения и типологии интеллигенции, провести сравнительный анализ взаимодействия различных групп интеллигенции и власти, рассмотреть дифференциацию интеллигенции как социокультурной группы, формирование новой научной парадигмы политической культуры российской интеллигенции.

Конечно, время вносило коррективы в исследовательскую тематику. К новым ее аспектам можно отнести проблемы взаимосвязи «интеллигент — интеллектуал», историю постсоветской интеллигенции, антропологическую траекторию ответственности интеллигенции. Но основным при этом оставалось определение роли и места интеллигенции в социально-политических процессах общества, переживающего переходный период (во многом интерес к данным вопросам был сформирован активным участием интеллигенции в событиях перестроечного периода, ее стремлением утвердить свою значимость, место и роль в жизнедеятельности общества и государства). Профессор В. С. Меметов, как основатель интеллигентоведения, так определял главные задачи этой дисциплины: изучение места и роли интеллигенции различных народов мира с древности по настоящее время, а также прогнозирование ее судьбы в будущем. При этом важнейшей проблемой интеллигентоведения он ставил комплексную разработку вопросов генезиса, формирования, становления и деятельности интеллигенции.

Сам Валерий Сергеевич внес существенный вклад в разработку этих вопросов. Он сравнивал интеллигенцию с живым организмом, который проходит в своей эволюции стадии генезиса, формирования, становления, развития и деятельности. Вместе с тем он отвергал последнюю стадию — увядания и угасания (что особенно важно в связи с развернувшимися в последнее время разговорами о «смерти интеллигенции»), обоснованно предлагая заменить ее этапом трансформации.

Сейчас уже не вызывает сомнений тот факт, что интеллигентоведение является научной дисциплиной. У нее есть свой объект исследования. Эта дисциплина не сводит свою работу просто к накоплению знаний, а составляет симбиоз технологий их достижения и организаций занятых этим исследователей. Все необходимые компоненты здесь присутствуют: научные знания и теории, ученые и научные учреждения. Надо помнить и то, что главное в науке заключается в концентрации мысли на познании еще неведомого нам. И интеллигентоведение с успехом выполняет эту функцию. И наконец, зачем нужна эта научная дисциплина для самой интеллигенции, т. е. для нас с вами. Прежде всего для самопознания. И здесь под познанием понимается не просто узнавание личных особенностей интеллигента как такового, его отличий от других групп общества, но и исследование им своей природы. Ибо это означает познание того, что он в состоянии сделать. А так как невозможно осмыслить это, не начав действовать, то ответ таится в прошлых действиях интеллигенции. Таким образом, ценность интеллигентоведения видится в том, что оно позволяет выяснить, что сделала интеллигенция, а значит, и что она собой представляет.

Что касается перспектив развития нового научного направления, то здесь прежде всего нужно выделить отчетливую тенденцию к глобализации и интернационализации интеллигентоведения. Последнее можно ясно проследить в разгоревшейся недавно дискуссии о креативном классе. И это неслучайно, ведь начало нынешнего столетия, характеризующееся не только бешеными темпами научно-технического прогресса и переходом его на качественно иной уровень развития, но и обострением угроз и вызовов человеческому сообществу, глобализацией возникающих проблем, сделало чрезвычайно актуальным спрос на интеллект.

Но рассуждая о Меметове-исследователе, конечно же, никак нельзя не сказать о Меметове-практике. Ведь он был прежде всего педагогом-воспитателем и преподавателем вуза. И в силу этого не мог ограничиться только исследовательской работой по проблемам интеллигенции. Поэтому уже в 1994 г. на ежегодной конференции ее участники заговорили о преподавании. В конечном итоге одной из задач центра интеллигентоведения, поставленной его основателем, стала трансляция результатов

научных исследований. Именно это обусловило настойчивость профессора В. С. Меметова по включению в учебные планы магистратуры и бакалавриата курсов по интеллигентоведческой проблематике во многих высших учебных заведениях России (и не только России). Так произошло, например, в Коми пединституте и Сыктывкарском университете. И это оправданно, ибо позволяет найти оригинальные подходы к освещению деятельности российской интеллигенции и западных интеллектуалов в цикле базовых и факультативных дисциплин. Особенно важны данные аспекты для студентов педагогических направлений. Благодаря неустанной деятельности Валерия Сергеевича была не только разработана методика преподавания интеллигентоведческих курсов, но и определена стратегия и тактика вузовских структур по их введению в учебный процесс. В настоящий момент можно утверждать, что вузовский курс «Интеллигентоведение», несмотря на понятные, характерные для всего нового, непривычного сложности и проблемы, не просто состоялся. «Интеллигентоведение» как системное изучение интеллектуального и творческого потенциала личности, как учебная дисциплина, способствующая реализации этого потенциала, заняла свое место в перспективных направлениях науки и педагогической практики настоящего столетия. И это очень важно, ведь российское общество сейчас явно стоит перед судьбоносным выбором: возрождение духовных ценностей или же принятие диктата рынка уже и в культурной сфере.

Таким образом, интеллигентоведение за последние годы благодаря стараниям Валерия Сергеевича получило развитие не только в исследовательском поле, но и в вузовских учебных планах. Это казалось сложным, почти невозможным в начале 1990-х гг., когда только начиналась научная реабилитация истории интеллигенции. Насколько значимым это было для ученого, говорит тот факт, что создание и развитие нового научного направления — интеллигентоведения — профессор В. С. Меметов назвал главным, что ему удалось сделать*. Действительно, именно он может по праву считаться отцом-основателем интеллигентоведения.

* За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...: (интервью Е. М. Раскатовой с В. С. Меметовым) // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 18.

Е. М. Раскатова

НАУЧНЫЙ МЕТОД КАК ИСКУССТВО ЖИЗНИ

Казалось, что так будет всегда: ты набираешь привычный телефонный номер 37-74 28 и через несколько секунд слышишь чуть глуховатый, чуть с упреком, но всегда родной голос: «Здравствуйте-здравствуйте, Елена Михайловна! Что-то долго Вас не было слышно...»

Так было почти 40 лет... Теперь так не будет...

Нужно привыкнуть и понять: ничего вечного не бывает, Валерия Сергеевича Меметова — Ученого, Учителя, Человека, который заложил фундамент научной школы российского интеллигентоведения и стал ее признанным лидером, больше нет... И судьба этого научного направления, такого опасного в 1970-х гг., когда все только начиналось, такого важного в 1990-х, когда стало актуальным и даже финансируемым, и такого никому не нужного сегодня, — в руках/головах/книгах/работах его учеников. Только официально под руководством профессора В. С. Меметова защитили диссертации 8 докторов и 26 кандидатов наук. Но своим Учителем его считают многие.

За 30 лет научно-педагогической жизни в классическом университете много сделано: в 1992 г. создан межвузовский научный центр «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», а в 1998 г. — институт интеллигентоведения при Ивановском университете. Работы В. С. Меметова и его коллег подтверждают высокий творческий потенциал российской провинции — ивановский центр интеллигентоведения занимает достойное место в современном интеллектуальном пространстве Российской Федерации. Созданный в 2001 г. журнал «Интеллигенция и мир» не только вошел в число высокорейтинговых научных изданий ВАКа, но и остается сегодня трибуной защиты идеалов высокой духовности и гражданственности.

© Раскатова Е. М., 2020

Раскатова Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и культуры, Ивановский государственный химико-технологический университет, elenaraskatova@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology).

Всю свою жизнь профессор В. С. Меметов не только руководил различными структурами — он *созидал*, и ему, думаю, было бы важно, чтобы Дело, которому он служил честно и бескорыстно, продолжилось. Справимся ли?

Рискну предположить, что Валерий Сергеевич никогда (или почти никогда) не делал того, что не любил, не считал нужным и важным, он не боялся говорить то, что думает, защищать в самых высоких инстанциях Дело. Так было, когда он пришел, только защитив кандидатскую диссертацию, руководить кафедрой истории партии в Ивановский химико-технологический институт и отстоял научное направление «Партийное руководство деятельностью советской интеллигенции» (принято было изучать рабочий класс и колхозное крестьянство), собрал работоспособный творческий коллектив, определив тематику НИР каждого, некоторым — на всю жизнь!!! Именно тогда мне было поручено заниматься изучением творчества молодой художественной интеллигенции. Так было и когда он в Министерстве науки и образования РФ защищал идею создания межвузовского научного центра изучения проблем интеллигенции (на базе Ивановского университета), когда на последние деньги вместе с сотрудниками центра закупал бумагу и потом печатал первые тематические сборники научных статей, которые принесли известность и признание в профессиональной среде. Так было и когда он с высокой трибуны Государственной думы? (Федерального собрания РФ?) говорил о сложности непростого понимания патриотизма отечественной интеллигенцией...

Материалы прошедших научных конференций (30!!!) демонстрируют, как трудно осваивались новые методики исследования, как непросто принимались новые идеи. Ученому, доктору наук, профессору В. С. Меметову удалось раздвинуть историко-культурные границы существования феномена «интеллигенция», убедительно высказаться по дискуссионным вопросам о существенных чертах отечественной интеллигенции, соотношении понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы», обратить самое серьезное внимание на «штучное» воспитание интеллигенции в высшей школе, определить предмет и метод нового научного направления — *интеллигентоведения*.

Поиск новых эффективных методов исследования привел к пониманию необходимости междисциплинарного подхода

к исследованию проблем теории и истории интеллигенции. Междисциплинарность как основной принцип исследовательских практик при изучении проблем истории интеллигенции не была для В. С. Меметова просто декларацией. Он знал, ценил и использовал в своей работе труды специалистов из разных научных областей: А. Я. Гуревича, Г. С. Кнабе, Ж. Т. Тощенко, В. И. Кузищина и многих других. Неслучайно к участию в работе конференций, в состав редколлегии журнала приглашались политологи, философы, филологи, социологи и т. д.

Валерий Сергеевич Меметов умел разбираться в людях, признавал и ценил талант и интеллект, но не прощал непорядочность, чувствовал любую ложь, не одобрял изворотливость — одно из самых осуждающих выражений: «Не хитри...»

Он относился к ученикам как *наставник* в высшем смысле этого слова. Замечая ученика, проявившего интерес к проблемам теории и истории культуры, тем более к истории интеллигенции, приглашал на беседу, потом к участию в научном разговоре, дискуссии, принимал участие в его судьбе, вводил в *свой круг* и уже никогда не забывал о нем — по-своему вел по жизни: приглашал на конференции, в научные сборники, теперь журнал, знакомил с известными учеными и др. Именно он в далеком 1984 г. познакомил нас, начинающих исследователей, с самим С. А. Федюкиным, который выступил официальным оппонентом на защите докторской диссертации Валерия Сергеевича. А потом были гости и участники конференций — знаменитые ученые: В. С. Волков (Санкт-Петербург), М. Е. Главацкий (Екатеринбург), А. В. Квакин, М. Р. Зезина, З. Г. Дайч (Москва), А. И. Аврус (Саратов), известные труды которых мы сначала читали, обязательно ссылались на них, и теперь Валерий Сергеевич предоставил возможность увидеть этих людей, услышать и даже поспорить с ними!!!

Он продолжал традиции своих учителей — московской профессуры 1960-х гг. Тогда он был студентом лучшего педагогического вуза страны — Московского педагогического государственного университета (тогда МГПИ им. В. И. Ленина), где лекции читали такие известные в стране и за рубежом ученые, как М. А. Барг, В. Ф. Семенов и др. Именно Л. К. Ермана считал он своим Учителем, ученого, заметившего талантливого студента и направившего его научные интересы к проблемам отечественной

интеллигенции, исследование которых только разворачивалось в годы «оттепели», именно тогда началась *научная реабилитация* истории интеллигенции.

Потом он, известный ученый, приглашал домой своих учеников, щедро предлагал книги из своей библиотеки (и ставшие классикой, и новинки), обсуждал с ними самые острые, не только научные проблемы. Многие из нас помнят эти его домашние *штудии*: подробный тщательный разбор научной статьи, главы из диссертации; по его замечаниям на полях можно было продолжать работу и спустя время — так остры и проблемны были поставленные Валерием Сергеевичем вопросы. Он, по сути, погружал в свою исследовательскую лабораторию.

Постоянно тревожил («Не забудь, нужна статья в сборник, не тяни», «Заканчиваем собирать тезисы на конференцию, присылай, не затягивай» и т. д., и т. п.), помогал, давал рекомендации... Сейчас хорошо понимаю, как непросто было В. С. Меметову отдать меня, которую считал своей ученицей, в Москву, в докторантуру МПГУ, но в 2002 г. сам подвел на одном из научных форумов к А. А. Данилову, тогда председателю ВАКа (по истории), дал прекрасную характеристику, а потом замечательно выступил на защите докторской диссертации, обратив особое внимание на вклад исследовательницы в изучение особенностей регионального преломления культурной политики в поздний советский период.

Сейчас трудно определить, какие идеи были высказаны на официальных заседаниях научных форумов, а какие гипотезы рождались во время веселых, но всегда содержательных разговоров за их пределами. Атмосфера, дух конференций, характер общения учителей и учеников, определяемые во многом Валерием Сергеевичем, множили творческие контакты, рождали совместные проекты (организация конференций и иная деятельность межвузовских научных центров в Екатеринбурге — М. Е. Главацкий, М. И. Кондрашева, в Новосибирске — В. Л. Соскин, С. А. Красильников, в Омске — В. Г. Рыженко, В. П. Корзун).

Интеллигентоведы становились *сообществом*. Именно вокруг профессора В. С. Меметова сформировался круг единомышленников — ученых, связанных много лет не только профессиональными научными интересами, но и человеческими привязанностями, дружескими отношениями и т. п. Уже давно стали

докторами, возглавили научные центры и кафедры разных вузов России участники первых конференций, чьи самые смелые научные идеи были впервые апробированы в Ивановском государственном университете (И. В. Сибиряков, О. В. Золотарев, И. В. Купцова, А. В. Зябликов и др.). Он гордился молодым поколением исследователей: приглашал к участию в монографиях, поручал доклады на пленарных заседаниях конференций, смело вводил их в состав редакции журнала.

Однажды, готовя «юбилейное интервью» для журнала, мы долго разговаривали с В. С. Меметовым о жизни, о людях, определивших ее главные стратегии и др. Тогда же я высказала предположение о его принадлежности к поколению *шестидесятников*, и сегодня рискну утверждать, что оно верно. У В. С. Меметова было военное детство, именно тогда началось его *становление-взращение*. В то время, на наш взгляд, и сформировались важные черты характера, определявшие поступки в течение всей его жизни, — смелость, решительность, целеустремленность. И самое главное — Валерий Сергеевич Меметов, как многие шестидесятники, принадлежит к поколению последних революционных романтиков. Он сохранил верность идеалам своей юности, он верил и в возможность построения социализма, но социализма «с человеческим лицом».

Всю свою долгую научно-педагогическую жизнь доктор исторических наук, профессор В. С. Меметов оставался человеком Дела и Долга. Ему как ученому-исследователю, организатору научной жизни, гражданину Отечества и просто человеку в полной мере были свойственны те бескомпромиссность и бескорыстие, которые отличают интеллигенцию ушедшего века

P. S.

Конечно, В. С. Меметов был порой жестким, резким, как многие лучшие руководители той эпохи, но из сегодняшнего дня понимаешь, что все, кого он вел по жизни, состоялись.

Валерий Сергеевич очень любил жизнь во всех ее проявлениях. А еще он любил и умел петь. Вспоминая, мы будем слышать его голос («Ой ты рожь...» он пел вместе с другом В. В. Москвиным, «Звездочку ясную» — с М. И. Кондрашевой и С. С. Садиной, «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят» с одним из них).

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ю. Б. Костякова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ В ЖИЗНИ КОМСОМОЛЬЦЕВ НАЧАЛА 1920-х гг.

Введение в проблему исследования

Жизнь комсомольцев начала 1920-х гг. в статьях, книгах и воспоминаниях часто описывается в соответствии с традициями героизации и романтизации боевого прошлого страны. Современные исследователи также нередко следуют созданному в советский период историческому канону. Внимание авторов сосредоточивается на деятельности и личностях членов Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) государственного или регионального масштаба, а жизнь молодежи данного периода рассматривается сквозь призму комсомола. В итоге создается впечатление масштабности комсомольского движения, которое охватывало если не всю молодежь, то большую ее часть.

Такой ракурс трактовки своей истории вполне соответствовал цели и задачам этой политизированной общественной организации, которая в числе прочего служила своеобразным инкубатором для будущей партийной и административно-управленческой интеллигенции. Членство и активная работа в комсомоле рассматривались как свидетельство идейной преданности молодого человека советской власти, духу и идеологии партии. РКСМ

© Костякова Ю. Б., 2020

Костякова Юлия Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, uka29@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Stylistics of the Russian Language and Journalism, Katanov Khakass State University).

(ВЛКСМ) не только идейно и организационно спланировал, но и воспитывал молодежь, используя комплекс политических ритуалов, основа которого была заложена в первое десятилетие существования этой организации.

Ритуал, являющийся сложной формой символического действия, чаще всего используется в культовых системах (религиозная сфера) и в различных типах социального поведения (общественно-политическая сфера). Исследователями он рассматривается как «средство закрепления отношения субъекта (или группы) к священным объектам, особо значимым этапам общественной или человеческой жизни, а также статуса и принадлежности к определенной группе»¹.

Политический же ритуал представляет собой установленный порядок политических действий, форму символического поведения субъектов политики. Он обладает значительной силой воздействия на эмоциональное состояние людей, поэтому эффективно используется для формирования политических традиций, трансляции политических идей и внедрения их в массовое сознание. Более узко он трактуется как «орудие власти, инструмент манипуляции общественным мнением с целью борьбы за власть, ее удержания, легитимации власти»². Однако следует учитывать, что политический ритуал служит и специфическим средством установления и поддержания эмоциональной связи между властью и обществом, между различными группами (слоями, классами) внутри общества. Участие в нем является своего рода демонстрацией принадлежности к общественно-политической группе населения или партии и в то же время средством «вербовки» новых членов в ее ряды.

Ритуал чаще всего ассоциируется с религиозной сферой, в которой с помощью ритуальных действий осуществляется закрепление принадлежности людей к сакрально значимой группе, культовому сообществу, религиозной общине и т. д. Политический ритуал также является символическим средством, но используется для развития у людей «представлений о политических институтах, качествах политических лидеров». Он представляет собой «действие, посредством которого выражается символическое, выполняет роль мощного орудия, посредством которого мы конструируем политическую реальность»³.

Однако политический ритуал, по мнению Г. И. Мусихина, содержит как минимум две точки пересечения с ритуалом религиозным, поскольку, во-первых, «все политические ритуалы вырастают из четко выраженных политических убеждений, во-вторых, устойчивые политические ритуалы создают условия для общей системы взглядов»⁴. Перформативность и тех и других ритуалов, т. е. одинаковая вовлеченность в действие всех участников, позволяет не только увидеть это сходство, но и проецировать виды религиозных ритуалов на политическую действительность, в том числе начала 1920-х гг.

Ритуализация общественно-политической жизни молодого Советского государства была вызвана целым рядом причин. В. В. Глебкин справедливо полагает, что основная причина заключалась в разрушении «девственной» замкнутости пространства, окружавшего человека. Революция «ввела этого человека в другой мир, в мир, населенный такими загадочными “сущностями”, как “мировая революция”, “мировой капитализм”, “коммунизм”, “буржуазный парламент”, “труд и капитал”», которые, будучи абстракциями, «требовали “телесного” освоения, “одомашнивания”, введения в повседневность, в “сегодня” рабочих будней»⁵. Политические ритуалы служили одной из форм адаптации человека к новой реальности, но также способом формирования «новой» реальности как совокупности политизированных мифов, упорядоченных с помощью ритуалов.

В начале 1920-х гг. комсомолы составляли меньшинство среди своих сверстников и им приходилось отстаивать свои политические взгляды, бороться с идейно враждебным окружением. Поэтому вопрос о расширении рядов местной комсомольской ячейки или организации в целом становился не только политическим, но и стратегическим. Численное превосходство позволило бы успешнее отстаивать свои права, защищать единомышленников, внедрять в сознание молодежи идеи и ценности советской власти. В этой ситуации важным было заявить о себе, о своей приверженности новым идеалам, о решительном отрицании «буржуазных» ценностей. Эпатажность первых комсомольцев и их мероприятий позволяла им выразить себя, доказать свою «идейную отличность» от остальных, привлечь внимание общества и новых сторонников. Но несмотря на креативность

проводимых акций, в большинстве случаев, как мы полагаем, их организаторы следовали определенным политическим ритуалам, перенимая их у старших, партийных товарищей, получая информацию и опыт в числе прочего из газет.

Советские периодические издания старались регулярно информировать читателей о деятельности комсомольцев, благодаря чему в прессе того времени оказался зафиксирован значительный объем фактической информации и сведений личного характера. Основу эмпирической базы исследования составили периодические издания Минусинска — уездного центра Енисейской губернии (с 1934 г. — Красноярский край). Анализ газет, и особенно публикаций, содержащих подробное описание различных комсомольских мероприятий, позволил выявить виды политических ритуалов, их особенности применительно к специфике начала 1920-х гг., цель и причины совершения ритуальных действий.

К истории становления уездной комсомольской организации

В рассматриваемый период Минусинск был крупным торговым центром. Но наш интерес к данному населенному пункту и уезду в целом обусловлен прежде всего его богатыми революционными традициями, поскольку сюда вплоть до 1917 г. регулярно ссылали представителей партий, оппозиционных царизму. Эти люди и в ссылке продолжали заниматься агитационно-пропагандистской деятельностью, в том числе и среди молодежи, что стимулировало создание политизированных молодежных кружков еще в дореволюционный период⁶. В 1917—1918 гг. в местных большевистских газетах печатались обращения к молодежи, в них говорилось о необходимости создания ею собственного союза, который на первое место должен был ставить «культурное просвещение и труд»⁷. Минусинский Союз трудящейся молодежи, созданный в феврале 1918 г., не был массовым и позиционировал себя как беспартийное объединение. Однако в отличие от другой городской организации — Спортивно-просветительного общества молодежи — оказывал действенную поддержку местной большевистской организации, а его члены занимались активной агитацией и разъяснительной работой⁸.

Но создание местных ячеек РКСМ, учрежденного в октябре 1918 г., в Минусинске оказалось невозможным из-за начавшейся Гражданской войны, приведшей к падению Минусинской коммуны и установлению режима Колчака. После освобождения уездного центра в сентябре 1919 г. партизанской крестьянской армией под руководством П. Е. Щетинкина и А. Д. Кравченко новая власть предприняла попытку создать «кружок социалистической молодежи, стоящий на платформе советской власти». Сложность этой задачи, по мнению инициаторов, заключалась в том, что молодые люди «вследствие своей неразвитости» не могли активно работать и «терялись в общей массе неразвитости и темноты»⁹.

Кружок социалистической молодежи предлагал им открытое обсуждение насущных вопросов, возможности для самообразования и саморазвития, «чтобы поддержать огонь, зажженный... лучшими предшественниками»¹⁰. Культурная направленность новой организации, традиционная для молодежных объединений периода Гражданской войны, привлекала молодых людей, стимулировала их самоорганизацию. Поэтому, как мы считаем, несмотря на пассивность большей части молодого населения, запреты и открытое противодействие со стороны родителей и педагогов, ожидавших очередной смены политической власти и боявшихся репрессий, кружок продолжил свое существование в Минусинске и являлся основой для будущей уездной комсомольской организации.

Создание ее стало возможно в 1920 г. после восстановления советской власти в Красноярске и относительной стабилизации ситуации в уезде и губернии. Первым массовым мероприятием уездного комитета РКСМ было празднование Международного юношеского дня (5 сентября 1920 г.). В описании его организации и проведения¹¹ отчетливо заметны признаки политического ритуала: мифологизация истории РКСМ, митинговая форма общения с собравшимися, вовлекающая их в коллективное действие, наличие обязательных политических символов (красные знамена, революционные песни) и др.

Ритуализация жизни и деятельности комсомольцев: причины и следствия

Члены РКСМ в быту часто ничем не отличались от своих сверстников. Их поведению в кругу «односоюзников» вне публичной сферы было свойственно все то, что характерно для любой молодежной компании: стремление к общению в среде «своих», повышенная эмоциональность, экзальтация вместе с шумливостью, игнорирование интересов окружающих. Поэтому собрания ячейки часто напоминали посиделки («вечерки») — традиционную форму проведения досуга в городе и в сельской местности. В качестве наиболее яркого примера приведем жалобу руководства городской типографии в уездный комитет РКП(б) на своих соседей — Минусинскую ячейку РКСМ. Ее члены, как сообщалось в письме, «ведут себя непристойно: сжигают пробки электросчетчиков... оборвали электропровод, сильно шумят, поют песни, чем мешают конторе работать»¹².

Но в отличие от обычных посиделок помещение комсомольской ячейки оформлялось в соответствии с ритуалом освящения культового места. Комнату украшали обязательными политическими символами того времени (стол с кумачовой скатертью, красное знамя, портрет В. И. Ленина), в оформлении использовали символические цвета: белый (чистота, официальность) и красный (революционность, символ борьбы). Это стремление к соблюдению ритуала было свойственно не только городским, но и сельским организациям, финансовые возможности которых оказывались весьма ограниченными. Так, комсомольцы с. Тесь, не имея собственных средств, обратились к местным коммунистам с просьбой профинансировать приобретение красного знамени и известки для побелки клуба. Не получив требуемой суммы, они вынуждены были просить помощи у сельхозкооператива, который безвозмездно пожертвовал «материал для знамени и пуд известки»¹³. Стремление к получению желаемого и настойчивость в изыскании необходимых политических символов говорят о значимости для молодых людей выполнения ритуала освящения своего культового места.

Важным в жизни комсомольцев был ритуал инициации — принятия в ряды РКСМ. Согласно Уставу организации, рабочая

и крестьянская молодежь должна была составлять около 90 % вступающих и принималась в Союз без рекомендаций членов партии и комсомола¹⁴. Судя по спискам кандидатов, которые с 1922 г. регулярно публиковались в уездной газете «Власть труда», это соотношение представителей пролетарского и непролетарского происхождения среди принимаемых в комсомол в целом соблюдалось.

Такой подход к формированию состава комсомольской организации соответствовал идейным установкам партии и представлениям ее лидеров о том, что классовое происхождение в первую очередь определяет поведение и сознание гражданина, поэтому социально-бытовые и другие факторы, влияющие на формирование личности, допустимо не учитывать. Комсомол рассматривался как база подготовки будущих студентов различных учебных заведений, а в итоге — новой рабоче-крестьянской интеллигенции. Она, как полагали большевистские лидеры, должна была в скором будущем стать надежной опорой партии, поскольку «ее социальное происхождение» являлось «гарантией не только близости рабочему классу, но и верности Советской власти»¹⁵.

В рассматриваемый же период происходило ужесточение отбора кандидатов, при котором происхождение считалось важным, но не главным критерием. Это было вызвано двумя основными причинами.

С весны 1921 г. по всей стране, и особенно в Сибири, началось масштабное сокращение численности членов комсомольских организаций: в течение двух лет она уменьшилась в два раза. Р. В. Рыбаков, приводя эти данные, считает одной из причин такого явления добровольный выход из Союза молодых людей, разочарованных политизацией этой организации и сокращением культурной составляющей в ее работе, а также несогласных с политикой государства в отношении крестьян, некоторые покидали Союз по бытовым мотивам (изменение семейного положения, влияние родителей и т. д.)¹⁶.

Аналогичная ситуация сложилась и в Минусинском уезде. С мая по ноябрь 1922 г. работа организаций на местах, особенно в сельской местности, приостановилась ввиду «ослабления» их состава (т. е. значительного сокращения численности). Это заставило руководство уездного комитета РКСМ обратить внимание

на рабочие поселки и промышленные предприятия, где «вербовка» новых членов была бы более эффективной¹⁷.

Второй причиной послужило усиление внутрисоюзной дисциплины и введение политграмоты. Следствием этого стала борьба с «засоренностью» рядов РКСМ выходцами из «чуждых» сословий и людьми, которые вступали в Союз следуя моде, поддавшись всеобщему эмоциональному порыву или в поисках личной выгоды. В результате «чисток», проведенных в рамках «кампании роста и укрепления РКСМ» в 1923 г., отсеивалась половина, а иногда и большая часть состава ячеек Минусинского уезда¹⁸. Чтобы впредь избежать подобных явлений, ритуал инициации был усложнен и проводился, по нашим наблюдениям, в четыре этапа. Это придавало ему особую торжественность, а для участников данный ритуал являлся своеобразным символом вступления во взрослую жизнь и одновременно серьезной проверкой.

На первом этапе молодой человек должен был заполнить анкету и написать заявление о том, чтобы его приняли в ряды РКСМ, таким образом подтверждая свое решение стать комсомольцем. Обязательными для кандидата были занятия в кружке по изучению Устава, Программы РКСМ, истории юношеского движения за границей и в России. Его анкета поступала на утверждение ячейки лишь после получения визы руководства кружка о том, что «вновь вступающий усвоил преподаваемые ему знания»¹⁹.

Далее списки кандидатов размещались в уездной газете с указанием их полных фамилии, имени, отчества, года рождения, социального статуса (служащий, рабочий, крестьянин). В условиях сложности информационного обмена и неразберихи в документообороте публичное оглашение фамилий давало возможность собрать о кандидатах информацию, прежде всего дискредитирующего характера, и таким образом обезопасить себя от «нежелательных» людей. Наибольшую опасность для формирующейся организации представлял «элемент, который в период военных бурь шел вразрез с организацией РКСМ», а в мирное время надеялся за счет членства в комсомоле получить путевку для поступления в вуз²⁰. Доступ таких людей к высшему образованию и возможностям сделать карьеру позволял им войти в состав

интеллигенции, а это уже представляло угрозу для власти. Поэтому фильтрации кандидатов уделялось большое внимание.

Кроме того, придание публичной огласке намерения молодого человека вступить в Союз могло вызвать негативную реакцию со стороны его родственников, учителей, руководителей учебного или трудового коллектива. По нашему мнению, это заставляло будущего комсомольца ответственно подходить к своему решению и способствовало отсеиванию недостаточно «сознательных».

Третий этап представлял собой собственно церемонию принятия в ряды РКСМ. Она обычно приурочивалась к пленумам уездных комитетов партии или комсомола, к торжественным заседаниям, посвященным государственным праздникам (7 ноября, 1 мая) или региональным памятным датам (например, 19 сентября — годовщина освобождения Минусинска от колчаковцев). Завершающим этапом служила публикация в прессе отчета о мероприятии с обязательным упоминанием о том, что прием в члены Союза прошел в торжественной обстановке и с «политическими напутствиями».

Заметим, что частью ритуала инициации был и внешний вид комсомольца. Такую моду нередко перенимали молодые люди, желавшие вступить в ряды РКСМ или сочувствовавшие этому движению, но также и те, кто просто участвовал в культурных мероприятиях, организованных ячейкой РКСМ. Например, для девушки типичным был следующий внешний вид: стриженные «в кружок» волосы, красный платок/косынка на голове, белая блузка, черная юбка²¹.

Новопринятый комсомолец должен был подтвердить то, что он достоин оказанной ему чести. Главным доказательством являлась демонстрация своей политической позиции и социальной активности. Это выражалось в участии в различных официальных (обязательных) и неформальных мероприятиях. К первой группе мероприятий относились в первую очередь собрания ячейки. Нередко стремление организаторов все делать по правилам приводило к излишней бюрократизации таких собраний. Судя по критическим публикациям в газете «Власть труда», обычными явлениями были: длинная повестка дня, пространные доклады о политическом положении, зачитывание официальных

документов, выработка резолюций, лозунговые призывы «мобилизовать все силы» без изложения конкретного плана мероприятий и обозначения способов и средств достижения поставленной цели (решения проблемы). Все это снижало интерес комсомольцев к участию в работе организации. В результате ячейки на местах, особенно в сельской местности, бездействовали или ограничивались разовыми акциями. Одной из причин снижения активности служила также банальная нехватка времени, прежде всего в период сельхозработ (посевная, уборка урожая).

Уездная газета старалась активно поддерживать работающие организации, показывая на их примере, как и что могут сделать комсомольцы на местах: обустроить сельский клуб, организовать работу кружков (театрального, физкультурного, всеобщего), провести спектакль, зачитать доклад, материально помочь местному детдому или работающим подросткам в освоении политической и экономической грамоты. Обязательным элементом заголовка или завершающего абзаца заметки было сообщение о том, что ячейка (молодежь села/предприятия) «не спит» или хотя бы «не унывает». В том случае, когда «реально бросающегося в глаза» в работе недавно созданной ячейки отметить было невозможно, авторы заметок хвалили «энергичность» новоиспеченных комсомольцев.

Обязанностью членов РКСМ также являлось участие в организации и проведении митингов, государственных праздников, годовщин и других политических мероприятий. Но наибольший энтузиазм вызывало у них участие в неформальных мероприятиях, где отсутствовал жесткий регламент и можно было проявить инициативу, творческий подход, фантазию. К ним в первую очередь относились театрализованные постановки, составлявшие неотъемлемую часть любого праздничного мероприятия.

Самодеятельность также использовалась в антирелигиозной деятельности комсомольцев, активизация которой началась в 1922—1923 гг. Как показал анализ публикаций, она совмещала формальные (политические установки сверху) и неформальные начала (выбор формы мероприятий, определение содержания, состава участников, средств презентации и т. д.). По целевому назначению, содержанию и формам реализации кампанию борьбы с религией можно охарактеризовать

как ритуал ниспровержения чужих святынь, в ходе которого предпринимались активные и настойчивые попытки заменить духовные идеалы «научными» постулатами, дискредитировать носителей веры и служителей культа, физически разрушить культовые места и символы веры. Такое отношение к религии в целом соответствовало общей тенденции того времени, охарактеризованного А. В. Квакиным как период, когда «торжество молодого победителя в Гражданской войне трансформировалось в культ успеха, в право сильного и юного диктовать свои нормы и правила поведения всем остальным»²².

Усиление в начале 1920-х гг. внешнего открытого политического контроля, который в основном проявлялся в установлении партийного руководства РКСМ, привело к тому, что «если комсомол и допускался к политической деятельности, то только под контролем коммунистической партии, в строго определяемых партией рамках»²³. Комсомольцы все больше копировали стиль и формы работы партийных организаций. Это приводило, по нашему мнению, к бюрократизации молодежной организации, к отсутствию учета особенностей психологии и возраста ее членов. Еще одним следствием данного явления, как мы считаем, стало формирование ритуалов восхваления и самовосхваления РКСМ.

Составляющими ритуала восхваления были: 1) публикация стихов, воспевающих «красную молодежь», у которой «в руках винтовки, в устах обеты» и которая готова «авангардом и тесным строем уготовлять пути героям»²⁴; 2) коллективное исполнение комсомольских, революционных и песен периода Гражданской войны, в которых главными героями выступали молодые люди, сражавшиеся и погибавшие «за лучший мир, за святую свободу»; 3) использование в выступлениях, документах и газетных заметках устойчивых словосочетаний, превозносящих заслуги РКСМ и комсомольцев в «защите интересов трудящихся масс».

Самовосхваление являлось неотъемлемой составляющей любого доклада, отчета, резолюции и других документов. Традиционными для них были: 1) акцентированное внимание на заслугах и достижениях Союза или ячейки; 2) завуалированные объяснения причин неудач и трудностей (массовый отток членов, невыполнение планов, затухание работы ячеек), если их невозможно

было игнорировать; 3) преувеличение значения РКСМ в «деле революции и хозстроительстве», в общественно-политической жизни страны и мира.

Ритуальность восхваления и самовосхваления определялась, по нашим наблюдениям, символичностью и повторяемостью описанных действий, выполнение которых позволяло закреплять принадлежность молодых людей к политизированному сообществу (комсомольцы), поддерживать эмоциональную и организационную связь между Центральным комитетом и региональными организациями Союза, между РКП(б) и РКСМ.

Действенность ритуалов как эпизодов «повторяющейся и упрощенной культурной коммуникации» обусловлена тем, что и их непосредственные участники, и наблюдатели «разделяют взаимную веру в описательную и предписывающую действительность символического содержания коммуникации». «Ритуальная эффективность, — считает Дж. Александер, — заряжает участников энергией и привязывает их друг к другу, повышает их идентификацию с символическими объектами коммуникации, усиливает связь участников и символических объектов с наблюдающей аудиторией, соответствующим “сообществом” в целом»²⁵. Этот вывод, по нашему мнению, применим и к политическим ритуалам, одной из задач которых являлось духовное и организационное сплочение людей на основе веры в коммунистические идеалы.

Наиболее ярким примером этому могут служить праздничные демонстрации и митинги, в организации и проведении которых комсомольцы принимали непосредственное участие. Отчеты о подобных мероприятиях, опубликованные в уездной газете «Власть труда», позволяют увидеть трехчленную структуру таких ритуалов, которую выделяет С. П. Поцелуев: 1) отделение участников от повседневной жизни; 2) помещение их в чрезвычайные условия; 3) возвращение в повседневность, но уже в качестве «посвященных»²⁶.

К празднику здания и помещения организаций украшались флагами, иногда — транспарантами и другими видами наглядной агитации. Эта визуализация праздника символами новой власти вместе с музыкальным сопровождением (духовой оркестр, коллективные песнопения) создавали не только праздничное настроение, но и ощущение измененной действительности, попав

в которую участники отделялись от повседневности и включались в коллективное, чаще всего торжественное действие (парад, демонстрация, торжественное заседание и пр.).

«Чрезвычайные условия» таких ритуальных мероприятий создавали, по нашему мнению, изображаемые выступающими/докладчиками мрачные картины «угнетенного прошлого», вредительской деятельности «старорежимных элементов», невыносимого положения детей, молодежи и рабочих за рубежом, неминуемой войны, которую собираются развязать капиталисты и т. д. Контраст праздничного настроения и чувства угрозы позволял успешно манипулировать участниками, внедрять в их сознание нужные идеологические установки и политические мифы. Признаком их восприятия, по нашему мнению, служили аплодисменты как ритуальное действие, демонстрировавшее включенность людей в политическое представление.

Возвращение в действительность в обновленном состоянии ощущалось на уровне эмоций. Авторы заметок о митингах, демонстрациях и других массовых праздниках указывали, что после окончания участники долго «не желали расходиться», «прощались с дневной праздничной радостью», возвращались домой глубокой ночью или под утро в «приподнятом радостном настроении», хотели продлить ощущение сопричастности с коллективным действием, устраивая стихийные митинги или спонтанные публичные выступления²⁷. Одним из проявлений обновленного состояния служило также ощущение единства, силы, надежды, что заставляло молодых людей принимать участие в новых мероприятиях и ритуалах.

Заключение

Можно констатировать, что в рассматриваемый период политические ритуалы активно использовались для решения насущных задач советской власти, в том числе в борьбе с «пережитками прошлого», с религией и религиозностью граждан, в формировании политической «обрядности». Они способствовали упорядочению новых политических мифов, консолидации общества на основе большевистских идей, ориентации людей в быстро изменяющейся действительности. Отметим, что проведение

таких ритуалов и их вербальное наполнение во многом определяла лозунговая направленность советской идеологии. Это, как мы считаем, приводило к формированию специфического поведения, когда ритуальное повторение транслируемых лозунгов становилось признаком нового, «политического» человека.

Молодежь, как наиболее восприимчивая к внешнему влиянию часть населения, активно участвовала в новых ритуалах, видя в этом способ самореализации и самоутверждения, форму протеста против «старого мира» и средство достижения желаемого будущего. Комсомол, используя свои организационные и творческие ресурсы, стремился объединить молодежь, вовлекая ее в коллективные действия политической направленности.

В начале 1920-х гг. формирующаяся бюрократизация РКСМ отчасти компенсировалась активным развитием самостоятельности. Объединение формального и неформального придавало политическим ритуалам освящения, инициации, ниспровержения чужих святынь, восхваления и самовосхваления элементы игры, что и обусловило их популярность среди комсомольцев и внесоюзной молодежи.

Как показало исследование, описанные ритуалы использовались для конструирования общей системы взглядов, стереотипов мышления и поведения не только в политической, но и бытовой сфере. В условиях ритуализации и активной политизации общественной жизни формировалась личность молодых людей, многие из которых, пройдя комсомольскую школу и получив путевку в вуз, влились в ряды новой, советской интеллигенции.

Примечания

¹ *Левада Ю. А.* Ритуал // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. М., 2010. Т. 3. С. 458.

² *Цуладзе А. М.* Политическая мифология. М., 2003. С. 22.

³ *Kertzer D.* Ritual, Politics, and Power. New Haven; London, 1988. P. 75.

⁴ *Мусихин Г. И.* «Блеск и нищета» политических ритуалов // *Полития*. 2015. № 2. С. 100.

⁵ *Глебкин В. В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 101.

⁶ *Липинская К. А.* Далеко в заснеженной Сибири. Красноярск, 1974. С. 12.

⁷ *К трудящейся молодежи!* // *Товарищ*. 1918. 1 янв. (№ 72). С. 4.

- ⁸ Гидлевский В., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна 1917—1918 гг. М.; Л., 1934. С. 240—242.
- ⁹ Собрание молодежи // Соха и молот. 1919. 16 нояб. (№ 45). С. 2.
- ¹⁰ В. К молодежи // Там же. 1919. 30 нояб. (№ 51). С. 1.
- ¹¹ Как мы впервые проводили Международный юношеский день: (из воспоминаний комсомольца) // Власть труда. 1923. 12 сент. (№ 93). С. 4.
- ¹² Архив города Минусинска. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 13. Л. 24.
- ¹³ Комсомолец. Кооперация помогает // Власть труда. 1923. 29 июня (№ 63). С. 3.
- ¹⁴ Устав Российского коммунистического союза молодежи: (принят III Всероссийским съездом РКСМ, 2—10 октября 1920 г.) / РКСМ. М., 1920. С. 3.
- ¹⁵ Золотарев О. В. Интеллигенция Советской России в нэповские годы // Интеллигенция и мир. 2011. № 4. С. 33.
- ¹⁶ Рыбаков Р. В. Внутрисоюзная демократия и «болезненные явления»: к вопросу свободомыслия в комсомоле 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2014. Т. 9. С. 140.
- ¹⁷ Шестернин Е. К пленуму РКСМ // Власть труда. 1922. 12 нояб. (№ 20). С. 1—2.
- ¹⁸ Брр. Ненормальности изжиты, работа налаживается // Власть труда. 1923. 24 июня (№ 61). С. 3.
- ¹⁹ Кружки // Там же. 1923. 6 мая (№ 41). С. 2.
- ²⁰ Брр. Указ. соч.
- ²¹ Потерялась девушка // Власть труда. 1923. 14 окт. (№ 108). С. 4.
- ²² Квакин А. В. Интеллигенция и духовный кризис в России после 1917 года // Интеллигенция и мир. 2014. № 2. С. 21.
- ²³ Слезин А. А., Скоропад А. Э. Открытый внешний политический контроль над комсомольскими организациями в РСФСР (1918—1929 гг.) // Социодинамика. 2013. № 12.
- ²⁴ Немчинова Т. Красная молодежь // Власть труда. 1922. 19 нояб. (№ 22). С. 4.
- ²⁵ Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy // Sociological Theory. 2004. Vol. 22, no. 4. P. 527.
- ²⁶ Поцелуев С. П. Ритуал политический // Словарь по политологии / под ред. В. Н. Коновалова. Ростов н/Д, 2001. С. 217—218.
- ²⁷ Как мы впервые проводили Международный юношеский день. С. 4.

А. Н. Кураев

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Введение

Женский вопрос возник как комплекс социальных проблем, связанных с положением женщины в обществе и семье (уравнение женщин и мужчин в политических, гражданских, экономических, культурных и других правах, охрана материнства и детства и т. п.)¹. Данный вопрос выражался в осмыслении положения и роли женщин в обществе, обосновании программы их эмансипации с целью вовлечения в общественную жизнь в качестве активных и творческих субъектов.

В женском вопросе тесно переплетались три темы, которые являлись одновременно и причинами, и сутью его: 1) «Эмансипация» — освобождение женщин, снятие ограничений в правах по признаку пола, предоставление им полной юридической правоспособности; 2) «Суфражизм» — движение за предоставление женщинам одинаковых с мужчинами избирательных прав; 3) «Феминизм» — теория равенства полов и деятельность женщин в процессе борьбы за равноправие на основе феминистской идеологии, в которой существующая гендерная система критикуется как дискриминационная по отношению к женщинам; важными признаками феминизма считаются теоретическая работа и критическое отношение к привилегированному положению мужчин в обществе².

© Кураев А. Н., 2020

Кураев Алексей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общественных процессов, СМИ и рекламных технологий, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), cool.kuraev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Social Processes, Media and Advertising Technologies, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management — the First Cossack University).

Обострение женского вопроса в Российской империи в конце XIX — начале XX в. было связано с изменением социальных ролей женщин под воздействием процессов модернизации и развития капитализма, которые вынудили широкие женские массы выйти на рынок труда. С конца XIX в. женщины работали в сфере государственного аппарата — в почтовых конторах, таможнях, статистических комитетах МВД и Министерства земледелия, в канцеляриях министерств, Государственного совета, Сената и других государственных учреждений; в редакциях журналов и газет, издательствах и типографиях; в экономической сфере — на фабриках и заводах, в швейных мастерских и даже в конторах частных промышленных и торговых предприятий. Женщины-врачи трудились в земских больницах и на дому; с 1898 г. их начали принимать на государственную службу.

К началу XX в. доля женщин среди работников текстильной промышленности достигла 46,6 %, в металлообрабатывающей промышленности — 2 %; а в 1910 г. она составляла соответственно 55,4 и 5 %. Всего в фабрично-заводской промышленности в 1902 г. трудились более 479 тыс. женщин, или 28 % от всей массы работников; а к январю 1917 г. данная доля равнялась уже 40 %. С 1904 г. женщинам разрешили поступать на государственную службу в Почтово-телеграфное ведомство (при условии прохождения трехгодичного испытательного срока или сдачи экзаменов на знание немецкого и французского языков); в 1907 г. они составляли в нем уже подавляющее большинство работников — 44 тыс. из 56 тыс. служащих. Число женщин, служивших на железных дорогах, достигло в 1909 г. 30 тыс., из них более 21 тыс. были заняты охраной железнодорожных путей.

В то же время в Российской империи сохранялась дискриминация по гендерному признаку. Это проявлялось прежде всего в оплате труда женщин. Например, в начале XX в. заработок женщин-обходчиц на железных дорогах составлял лишь четверть заработка мужчин-обходчиков. А заработок учительниц школ Москвы — чуть более 1/8 заработка учителей-мужчин.

Законодательство и политика в области прав и обязанностей женщин строились на основе традиционно-патриархальных

взглядов на предназначение женщины. Сохранялось неравенство в вопросах семейного и гражданского права. Законодательство предписывало жене «неограниченное послушание» мужу; отдельный паспорт она могла получить лишь с его согласия. Женщина не имела права отыскивать отца ребенка, рожденного вне законного брака. Право опеки над имуществом малолетних детей при жизни родителей принадлежало только отцу. Совершеннолетие девушки определялось на четыре года позже юноши: соответственно в 21 год и 17 лет. Женщины были очень сильно стеснены в правах наследования по прямой и совершенно исключены из числа наследников в боковых линиях родства (дочери, имеющие братьев, получали 1/7 движимого и 1/17 недвижимого имущества). Без позволения мужа жена не могла вступать в договор личного найма, выдавать векселя. Женщины не имели представительства в органах земского и городского самоуправления и в Государственной думе — не могли участвовать в выборах и быть туда избранными. Максимум, что позволялось женщинам, и то лишь при наличии имущественного ценза, — это уполномочить ближайших родственников-мужчин на участие в выборах. Женщины не имели права быть и присяжными заседателями³.

Таким образом, женщины не могли реализовать свои профессиональные знания и потенциальные возможности. Модернизация явилась социально-исторической эпохой, в которой женщины сумели заговорить о сбоях в социальной конструкции полов. Низкий правовой статус (политика, семья, права наследования и другие сферы), дискриминация в условиях и оплате труда, отчуждение от образования, невозможность участия в общественной деятельности и невостребованная социальная активность стали основными предпосылками возникновения женского движения, которое являло собой одно из направлений освободительного движения в России.

Целью данной статьи является рассмотрение позиции либеральной и марксистской интеллигенции относительно сущности женского вопроса и путей его решения в России в конце XIX — начале XX в.

Автор применил следующие научные методы исследования: анализ и синтез фактов (сначала разделение их на элементы,

изучение их возникновения и развития, затем осмысление взаимосвязей и взаимозависимостей фактов), индукцию (от частного к общему) и дедукцию (от общего к частному), сравнительный анализ (сопоставление отдельных явлений и процессов с целью обнаружения их сходства и различий).

Позиция либеральной интеллигенции

Основательницами и лидерами женского движения в России являлись образованные дворянки А. П. Filosofova, Н. В. Стасова, М. В. Трубникова. Затем к ним присоединились интеллигентки из средних слоев.

На наш взгляд, нельзя однозначно квалифицировать российское женское движение как «либеральное (либеральный феминизм)»⁴. Ведь в женском движении активно участвовали: социалистки, защищавшие избирательные права женщин, идеи равной оплаты женского труда и участие женщин в профсоюзах; феминистки, выступавшие за равноправие женщин и мужчин; радикальные феминистки, пропагандировавшие идеи сознательного материнства и контроля над рождаемостью. В начале XX в. женский вопрос приобрел разные интерпретации и пути решения в либеральной и марксистской политических доктринах.

Либеральная интеллигенция признавала значимость решения женского вопроса для достижения социальных изменений и право женщин на самостоятельное политическое движение в защиту своих интересов. Она рассматривала женское феминистское движение как один из отрядов общедемократического наступления на самодержавие. Поэтому пути решения женского вопроса либералы видели в поддержке независимого женского движения и участия женщин в деятельности либеральных партий. Принципиальной установкой отечественного либерального феминизма было представление об огромной общественной значимости решения женского вопроса, которое позволит всему российскому обществу двигаться по пути прогресса и решать общечеловеческие задачи. Так, на 1-м Всероссийском женском съезде в декабре 1908 г. А. П. Filosofova утверждала: «Женский вопрос — это искажение справедливости. Мы требуем *только* (курсив мой. — А. К.) признания за нами равных прав с мужчиной на труд во всех областях и требуем,

чтобы общество и государство расплатилось бы с нами за него той же монетой — признанием за нами тех же политических и гражданских прав, что и за мужчиной... Когда женщина достигнет этого, — исчезнет и женский вопрос: он сольется с общечеловеческим»⁵. Обратим внимание на слово «только». Как видно, либералы не хотели смешивать женский вопрос с решением других насущных политических и социально-экономических проблем. Философовой вторил известный социолог В. М. Хвостов. Он сформулировал цель женского движения как самоорганизацию женщин и борьбу против «всех тех стеснений, которыми в настоящее время опутана женская личность», а также против представлений о «природной неполноценности женщин»⁶.

С конца XIX в. либеральная интеллигенция активно создавала женские клубы. В результате в крупных городах страны сложилась целая сеть женских объединений: профессиональных, образовательных, благотворительных, взаимной поддержки и других, которые составили организационную структуру женского движения. В своей деятельности они основывались на идеях либерализма, утверждавших права и свободы личности. Крупнейшей организацией клубного характера стало Русское женское взаимно-благотворительное общество (РЖВБО), созданное в Петербурге в 1895 г. Его лозунг — «Свобода и равенство всех перед законом без различия пола». РЖВБО было инициатором созыва 1-го Всероссийского женского съезда, в 1908, 1911 и 1914 гг. участвовало в конгрессах Международного женского совета.

Инициатор создания (декабрь 1905 г.) и лидер Женской прогрессивной партии (ЖПП) М. И. Покровская рассматривала ее как партию для борьбы за женские права, так как, по ее мнению, существующие политические партии не ставили перед собой такой задачи. ЖПП участвовала в подготовке петиции к II Государственной думе с требованием избирательных прав для женщин. Эту партию часто называли профессиональной, определяя характер ее феминизма как деловой, связанный с профессиональной деятельностью женщин «интеллигентных профессий», особенно врачей. Для достижения поставленных целей партия развивала сотрудничество с другими российскими женскими и феминистскими организациями, с международным

феминистским движением. В 1909 г. на Лондонском конгрессе она присоединилась к Международному женскому суфражистскому альянсу. ЖПП участвовала также в 6-м конгрессе Международного женского совета (1911 г., Стокгольм).

И в период революции 1905—1907 гг., и после нее ЖПП пыталась решить главную задачу русского феминизма — объединить женщин разных классов и слоев на единой партийной платформе. Тема единения — концепция «женского пролетариата» — разрабатывалась на заседаниях Реферативного отдела и практически реализовывалась в деятельности Клуба партии. Активистки ЖПП утверждали, что интеллигентные женщины эксплуатируются так же, как и работницы, и поэтому тоже являются пролетариатом; основа объединения «интеллигентного» и «неинтеллигентного» женского пролетариата — их общая внеклассовая, внесловная униженность по половому признаку, и поэтому все женщины представляют собой единый класс; изменить ситуацию могут только сами женщины, выступая массово и вне классовых интересов за свои права. Прогрессистки считали, что союз интеллигенток, работниц и крестьянок — это единственный путь к получению женщинами гражданских прав⁷. Процесс единения шел трудно по многим причинам, в том числе из-за низкого образовательного уровня работниц. Поэтому в Клубе проводились занятия для работниц и женской прислуги. В качестве солидарной помощи устраивались благотворительные акции. В начале 1914 г. ЖПП — инициатор движения за право женщин быть адвокатами. (В 1912 г. III Государственная дума приняла законопроект о праве женщин на адвокатскую практику, но он не был утвержден Государственным советом.) Однако ЖПП так и не стала массовой, не имела отделений за пределами Петербурга. Это объяснялось сложной для понимания идеологией и риторикой партии, которые находили отклик лишь у узкого круга образованных женщин и казались утопическими на фоне острых классовых столкновений.

Несомненная заслуга ЖПП — решительная борьба против проституции и условий существования этого явления. Главной мишенью партии был Врачебно-полицейский комитет, осуществлявший надзор за проститутками. Он характеризовался как позор страны и как мера, дискриминирующая и унижающая

женщин. Прогрессистки требовали его роспуска. По этому поводу в правительственные структуры было подано огромное количество ходатайств и требований. В 1909 г. при участии ЖПП был подготовлен проект уголовного уложения, включавший статьи против сутенеров и сводников. В апреле 1910 г. ЖПП и Российское общество защиты женщин организовали 1-й Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами⁸. В 1913 г. совместно с Лигой равноправия женщин через сочувствующих депутатов в IV Государственную думу был внесен законопроект об отмене регламентации проституции. М. И. Покровская сформулировала несколько интересных идей о «единой половой морали», в частности об ответственности мужчин, как потребителей услуг проституток, за существование проституции; этих мужчин предлагалось так же считать «проститутками» и подвергать общественному осуждению⁹.

Позиция марксистской интеллигенции

С точки зрения марксистской интеллигенции, женский вопрос носил вторичный характер и отдельно от классовых отношений не существовал. В женском вопросе социал-демократы видели проявление основного противоречия капитализма — между трудом и капиталом. Для них решение женских проблем пролегалo через включение женщин в революционную борьбу пролетариата. Поэтому к независимому женскому движению социал-демократы относились отрицательно, полагая, что оно сознательно отвлекает работниц от классовой борьбы. А. М. Коллонтай, главный идеолог социал-демократии в женском вопросе, полагала, что «у работниц нет специфических женских задач... специфических интересов, отличающихся от интересов всего пролетариата»¹⁰. Она утверждала, что «отдельного, самостоятельного женского вопроса не существует, противоречие, которое при буржуазном строе угнетает женщину, является частью великой социальной проблемы борьбы труда и капитала»¹¹.

Однако революция 1905—1907 гг. показала важность участия женщин в революционной борьбе. Поэтому женский вопрос стал разрабатываться социал-демократами в контексте победы социальной революции и построения нового общества. Одновременно они были обеспокоены активностью феминистских

организаций в среде пролетарок. В этом социал-демократы, особенно большевики, увидели угрозу «распыления» рабочего класса по половому признаку. В результате российская социал-демократия заняла по женскому вопросу очень противоречивую позицию. С одной стороны, она призывала работниц бороться за свое освобождение только в рядах организованного пролетариата и под руководством РСДРП, декларируя равноправие полов в рабочем движении. Социал-демократы утверждали, что при социализме женский вопрос решится автоматически, так как будут созданы политические, социально-экономические и бытовые условия для успешного сочетания материнства с активным участием женщин в общественном производстве. С другой стороны, социал-демократия рассматривала рабочее движение, пролетариат и РСДРП сугубо вне гендерных категорий и различий. Социал-демократы негативно относились к участию работниц в феминистских организациях, считая их «буржуазными».

Созданный в феврале 1905 г. в Москве Союз равноправности женщин (СРЖ) по своему месту на российской политической арене максимально приблизился к радикальным социалистическим партиям. СРЖ объединял образованных женщин среднего класса. Программа СРЖ включала требования: 1) немедленного созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права без различия пола, национальности и вероисповедания; неприкосновенности личности и жилища; свободы совести, слова, печати, союзов; восстановления в правах пострадавших за политические и религиозные убеждения; 2) признания прав народностей России на политическую автономию и национально-культурное самоопределение; 3) уравнивания женщин всех социальных слоев в политических и гражданских правах с мужчинами; уравнивания крестьянок с крестьянами в аграрных реформах; охраны женского труда и обязательного страхования женщин-работниц наравне с мужчинами; допуска женщин во все сферы общественной и профессиональной деятельности; совместного обучения лиц обоих полов; отмены законов о проституции и законов, унижающих человеческое достоинство женщин; 4) отмены навсегда смертной казни¹². Как видно, представители СРЖ рассматривали проблему неравенства полов как одну из важнейших

на пути развития общества. Получение женщинами избирательных прав представлялось «равноправницам» первоочередным шагом. Принцип внесословности был для них также важен, поэтому они отстаивали права женщин всех сословий и социальных групп. Многие из «равноправниц» разделяли социалистические взгляды. Этим объяснялось их активное участие в революционной деятельности. К октябрю 1905 г. СРЖ насчитывал 48 отделений, а к весне 1906 г. — уже 78 отделений и 8 тыс. членов. В отделениях крупных городов было от 100 до 300 членов, в уездах — 10—20. В период реакции деятельность СРЖ пошла на спад. Конференция СРЖ (апрель 1908 г.) констатировала кризис организации: ее численность упала до 1,5 тыс. человек (26 отделений), партийные конфликты разрастались. Решено было не легализовать Московское и Петербургское отделения в соответствии с новыми правилами. Всем отделениям рекомендовалось пропагандировать идею равноправия, организовывать клубы работниц в составе легальных женских обществ. В конце 1908 г. СРЖ распался.

Женский политический клуб (ЖПК) был создан в Петербурге весной 1906 г. как межпартийная политическая организация. Ее целями являлись пропаганда идей равноправия женщин и всеобщего избирательного права. В ЖПК входило 600 членов. Ведущие позиции в Клубе занимали социал-демократы. В нем также состояли эсеры и кадеты. ЖПК основал четыре клуба работниц, где не реже одного раза в неделю проходили собрания с докладами о текущих политических событиях: законопроекте о равноправии женщин, гражданских свободах, черносотенном терроре и др. В собраниях участвовали депутаты I Государственной думы от фракций социал-демократов и трудовиков. 9 июля 1906 г., после разгона I Думы, ЖПК был запрещен полицией¹³.

В 1907 г. в Петербурге по инициативе А. М. Коллонтай при Союзе текстильщиков и Центрального бюро профсоюзов организуется первый пролетарский женский клуб «Общество взаимопомощи работниц». При клубе была вечерняя женская школа. С 1914 г. стал выходить созданный по инициативе В. И. Ленина социал-демократический женский журнал «Работница», сыгравший большую роль в активизации женского движения.

Женское движение в 1905—1914 гг.

Первая российская революция оказала огромное влияние на женское движение. С одной стороны, общий социальный подъем активизировал и радикализировал борьбу женщин за равноправие. Женское движение приобрело политический характер, возникли первые женские политические организации и партии. Однако избирательное законодательство 1905—1907 гг. нарушило равенство россиянок в политическом бесправии: даже на волне революции женщины не получили избирательных прав. Представление о том, что «женское освобождение» произойдет автоматически в результате демократических реформ, оказалось иллюзией. Поэтому женщины пришли к осознанию необходимости создания собственного массового движения за свои права.

1907—1914 гг. — это этап формирования массового женского движения с разветвленной инфраструктурой, интегрирующей различные социальные слои женщин. В женском движении стали участвовать не только зажиточные, но уже и беднеющие и бедные слои. «Новых женщин» отличала социальная мобильность, отказ от материальной связи со своей средой, а также от ее моральных установок, идеалов, ценностей и норм поведения. Расширился и возрастной состав движения, прежде всего за счет девушек и молодых женщин, избавившихся от родительской опеки и «ига семьи»¹⁴.

Количество женских организаций и разнонаправленность их деятельности продолжали возрастать. Все существовавшие женские объединения с определенной долей условности можно разделить на благотворительные, нравственно-этические, религиозные, профессиональные и общественно-политические. Многообразие деятельности и направлений женского движения способствовало формированию широкой социальной базы его участниц и возможности выражать интересы разных слоев женщин. В Петербурге в 1908, 1910 и 1913 гг. при участии женских организаций были проведены три всероссийских женских съезда.

Основные сферы деятельности женского движения

Одним из условий равноправия женщин и их эмансипации было *получение ими образования*. Модернизация вызывала необходимость повышения производительности труда путем распространения разнообразных знаний среди населения через систему просвещения. В России право на высшее образование в связи с гендерной дискриминацией не имели женщины всех сословий. Во второй половине XIX в., дав ход реформам в области женского начального и среднего образования, правительство лишь осуществляло жесткий контроль за деятельностью учебных заведений. Начиная с 1860-х гг. с разнообразными инициативами по просвещению масс выступали женские организации. Активизировалась борьба женщин за высшее и профессиональное образование. Итогом женских инициатив явилось создание к началу XX в. в России общественной системы женского образования, действующей параллельно с государственной. Эту систему представляли высшие, средние и начальные женские курсы и учебные заведения, которые функционировали при женских организациях на общественные средства¹⁵.

Женские организации активно участвовали в борьбе за *доступ к сфере профессионального труда*. Консерватизм государственной политики в отношении женщин, непризнание за ними прав на профессионально-трудовую деятельность вызвали появление женских инициатив трудовой самопомощи. Для приобщения женщин к профессиональному труду стали создаваться всякого рода общества взаимопомощи, производственные артели, бытовые товарищества и коммуны. К началу XX в. общества трудовой помощи для женщин выполняли многопрофильные функции: предоставляли лицам женского пола удобные помещения для пребывания в свободное от работы время; занимались поиском рабочих мест и занятий; обеспечивали пищей и медицинской помощью; назначали денежные пособия; устраивали кассы взаимопомощи, читальни. Деятельность женщин в трудовом вспомоществовании дополняла мероприятия государственного и общественного призрения. В деле реализации права на труд в сфере «интеллигентных профессий» женские организации постоянно взаимодействовали с государственными и общественными органами власти.

Активно развивалась *благотворительность* женских объединений и частных лиц. Она в некоторой степени компенсировала отсутствие четко организованной государственной помощи бедным. Направления благотворительности были многоплановыми: материальная поддержка малоимущих и нуждающихся, просветительство, поддержка учащихся девушек и женщин, помощь в получении профессионального образования и трудоустройстве, борьба с проституцией и алкоголизмом, опека над детьми, забота о престарелых, движение сестер милосердия. Действуя параллельно с властными структурами на основе интеграции интересов различных групп женщин, благотворительные женские организации закладывали фундамент системы социальной защиты.

Формы борьбы женских организаций *за гражданские и политические права*, в том числе *за избирательные права*, были разнообразны. Женщины входили во все крупнейшие революционные и оппозиционные партии и организации, подвергались репрессиям, судам, казням, каторге, тюремному заключению и ссылке наравне с мужчинами. Благодаря давлению на представительную власть через партийные фракции и членов различных партий в представительных органах управления, прогрессивно мыслящих государственных деятелей и народных избранников, женщины добились смягчения брачного законодательства, несколько изменены были в пользу женщин законы об участии в местном самоуправлении, допуске к государственной службе. Придерживаясь традиционной консервативно-патриархальной концепции в вопросе о гражданско-правовом равенстве полов, большинство российских легальных политических партий не могли существенно повлиять на изменение государственной политики в отношении женщин. В то же время поддержка женщинами различных политических партий и объединений и личное участие в них вели к противоречиям внутри женских организаций и тем самым не способствовали консолидации общих усилий всего женского движения.

Заключение

Несмотря на разное понимание представителями либеральной и марксистской интеллигенции причин возникновения и сущности женского вопроса, все они активно участвовали в его решении, в том числе в организации и развитии женского движения. Главная заслуга этого движения в конце XIX — начале XX в. — постоянное привлечение внимания общества и государства к необходимости решения женского вопроса в России. 22 февраля 1913 г. (8 марта) в России впервые отмечался Международный женский день. Член Лиги равноправия женщин С. А. Тюрберт утверждала, что женское движение развивает современную демократию, а условия российской действительности ставят перед ним особые задачи — «служения общей для всего общества цели»¹⁶. Она считала, что неразвитость форм демократической жизни в России требует от женского движения усилий не только по достижению феминистских целей самого этого движения, но и по реализации общедемократических целей и задач. Женщинам в то время еще не удалось завоевать политические, в том числе избирательные права. Но развивалась система женского образования. Частично была решена проблема женской занятости. В 1912 г. III Государственная дума одобрила законопроект об уравнивании женщин в правах наследования; однако данный закон не распространялся на крестьянское население.

Примечания

¹ Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909; Философова А. П. Женский вопрос в России // Первый женский календарь на 1912 г. / [сост.] П. Н. Ариян. СПб., 1912.

² Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

³ Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. М., 1996. Т. 2. С. 181.

⁴ Россия в 1905—1907 гг.: энциклопедия. М., 2016. С. 283.

⁵ Цит. по: В. М. Из бесед с членами съезда. А. П. Философова // Слово. 1908. 11 дек. (№ 647). С. 6.

- ⁶ *Хвостов В. М.* Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщин. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914. С. 509.
- ⁷ Программа Женской прогрессивной партии // Российские партии, союзы и лиги: сборник программ, уставов и справочных сведений. СПб., 1906.
- ⁸ Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами. СПб., 1911—1912. Т. 1, 2.
- ⁹ *Покровская М. И.* Как женщины должны бороться с проституцией // Труды Первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1909; *Ее же.* Единая половая нравственность // Женский вестник. 1910. № 4.
- ¹⁰ *Коллонтай А. М.* К истории движения работниц в России. Харьков, 1920. С. 67.
- ¹¹ *Коллонтай А. М.* Труд женщины в эволюции народного хозяйства. М.; Пг., 1923. С. 109.
- ¹² Устав Союза равноправности женщин. Казань, 1906.
- ¹³ *Маргулис М. А.* Женский политический клуб // Первый женский календарь на 1907 г. / [сост.] П. Н. Ариян. СПб., 1907.
- ¹⁴ *Пушкарева Н. Л.* У истоков русского феминизма: сходства и различия России и Запада // Российские женщины и европейская культура. СПб., 2001.
- ¹⁵ *Ефремова Н. П.* Первые шаги русских женщин к высшему образованию // Вопросы истории. 1983. № 5.
- ¹⁶ *Тюрберт С.* Женский вопрос и политический строй // Труды 1-го Всероссийского женского съезда. СПб., 1909. С. 511.

И. Н. Федотова

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В СССР В КОНЦЕ 1920-х — 1930-е гг.**

Введение

Обозначенный в заголовке статьи этап советской истории вполне закономерно привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Стержневым процессом в рамках этого периода было становление тоталитарной политической системы, которая в основных своих чертах просуществовала вплоть до конца советской эпохи, предопределяя механизмы взаимодействия государства, общества и человеческой личности.

Ключевыми инструментами утверждения тоталитаризма в Советском Союзе в конце 1920-х — 1930-е гг. были массовые репрессии и мощнейший карательный аппарат, ядром которого стал ГУЛАГ. Анализ феномена ГУЛАГа представлен в большом количестве научных работ, однако многие аспекты данной тематики требуют более глубокого изучения. В частности, недостаточно подробно освещена деятельность подведомственных НКВД СССР предприятий и учреждений, которые использовали труд заключенных, спецпереселенцев и других категорий подневольных работников. Кроме того, следует учесть, что трудовые ресурсы ГУЛАГа включали в себя как малоквалифицированную рабочую силу, так и работников умственного труда в лице научно-технической интеллигенции. Актуальность темы, рассматриваемой в настоящей статье, обусловлена тем обстоятельством, что принудительный труд ученых и инженерно-технических

© Федотова И. Н., 2020

Федотова Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, inf2306@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at Humane, Social and Economic Studies Department, Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia).

специалистов в ГУЛАГе пока не получил развернутой характеристики на страницах научно-исторической литературы.

Цель работы состоит в том, чтобы выделить основные тенденции в историографическом изучении избранной темы и обозначить перспективные направления дальнейших исследований «гулаговского» этапа в истории отечественной научно-технической интеллигенции. Для достижения поставленной цели представляется необходимым выполнение нескольких задач:

1) выяснить, как интерпретируется историками политический контекст превращения научно-технических кадров в подневольный трудовой ресурс;

2) оценить масштабы и глубину научно-исторического анализа вопросов, касающихся практики трудового использования специалистов-заключенных на объектах НКВД СССР в рамках рассматриваемого периода.

Определим содержательные границы применяемой в статье терминологии. Под принудительным понимается такой труд, основным стимулом к которому служит насилие. Следует отметить, что в конце 1920-х — 1930-е гг. советская государственная власть применяла разного рода механизмы принуждения к труду по отношению ко всем категориям работников, включая колхозное крестьянство, рабочих и служащих. Строго говоря, свободного труда в СССР на этапе становления тоталитарной политической системы не существовало. Поэтому целесообразно разделить работников на условно вольнонаемных и непосредственно принуждаемых к труду. Критерием для такого разграничения является ведомственная подчиненность трудовых ресурсов. Непосредственно принуждаемыми к труду были категории работников, подконтрольные структурам карательного аппарата — ОГПУ, а в дальнейшем НКВД СССР. К числу таковых относились заключенные, спецпереселенцы, трудмобилизованные (трудармейцы), военнопленные, интернированные, лица, содержащиеся в проверочно-фильтрационных лагерях. Подавляющее большинство представителей научно-технической интеллигенции, непосредственно принуждаемых к труду, по своему правовому статусу были заключенными, т. е. отбывали лишение свободы, назначенное по приговору суда или по постановлению органов внесудебной репрессии.

Общепринятой трактовки понятия «научно-техническая интеллигенция» на сегодняшний день в литературе нет. С точки зрения автора настоящей статьи, в это понятие следует включать, во-первых, специалистов, занимающихся исследованиями в области точных, естественных и экономических наук, а во-вторых, инженерно-технический персонал, который выполняет проектную и конструкторскую работу, а также осуществляет управление сложными технологическими процессами на производстве.

Политическое преследование научно-технической интеллигенции как предпосылка превращения ее в подневольный трудовой ресурс

Исследователи, изучающие советский период истории отечественной интеллигенции, справедливо указывают на тот факт, что вплоть до конца 1920-х гг. отношение политического руководства страны к научно-техническим кадрам и отношение к специалистам-гуманитариям существенно различались. Гуманитарии в большинстве своем не устраивали правящую верхушку по принципиальным идеологическим причинам; это обстоятельство еще в 1922 г. послужило поводом к внесудебному преследованию гуманитарной интеллигенции. В ходе операции, известной под названием «Философский пароход», десятки ученых, философов и деятелей культуры, составлявших интеллектуальную элиту российского общества, были высланы за пределы РСФСР в административном порядке¹.

По отношению к научно-технической интеллигенции большевики во главе с Лениным, напротив, продемонстрировали готовность к сотрудничеству. Эта позиция была обусловлена вполне прагматическими соображениями, а именно стремлением использовать высококвалифицированные кадры в интересах скорейшего восстановления и развития экономики, подорванной последствиями революции и Гражданской войны. Поиск компромисса в данном случае облегчался тем, что большинство научно-технических специалистов, не разделяя коммунистических идей, проявляли лояльность к советской власти и в политической деятельности не участвовали. Историки, по существу, единодушны в мнении о том, что дореволюционные кадры научно-технической интеллигенции внесли огромный вклад

в проведение политики нэпа — как в области разработки ее стратегии, так и на уровне практической реализации во всех отраслях народного хозяйства². О масштабах и значимости работы старых специалистов наглядно свидетельствует тот факт, что к концу 1920-х гг., по данным профессора В. С. Меметова, дореволюционная интеллигенция составляла около 60 % сотрудников научно-исследовательских учреждений и преподавательских кадров высшей школы, а также 80 % руководящих работников, занятых в промышленности³.

Политическое преследование научно-технической интеллигенции было инициировано Сталиным и началось на фоне свертывания нэпа. Переход к форсированной индустриализации и сплошной коллективизации аграрного сектора означал кардинальный пересмотр народнохозяйственных приоритетов, замену экономических стимулов директивным планированием и принуждением. Поддержать волюнтаризм и насилие дореволюционные кадры специалистов не могли принципиально в силу присущей им высокой квалификации и склада профессионального мышления, поэтому, как справедливо отмечают исследователи, научно-технические специалисты стали рассматриваться сталинским руководством в качестве непримиримого противника, подлежащего уничтожению. Однако репрессии в отношении их оказались вплетены в более широкий контекст и были в полной мере использованы Сталиным в ходе борьбы за единоличную власть.

Подробный анализ основных этапов этого противоборства представлен в трудах Р. А. Медведева и О. В. Хлевнюка. Им удалось рассмотреть преследование научно-технических специалистов в тесной взаимосвязи с другими значимыми социально-политическими процессами, происходившими в стране. Следует отметить, что монография Р. А. Медведева «К суду истории», подготовленная в начале 1970-х гг. и изданная на Западе, представляет собой первый в отечественной науке опыт историографического описания тоталитарного режима, сформировавшегося в СССР в годы правления Сталина. Работа над монографией осложнялась отсутствием доступа к основной массе документальных материалов, и компенсировать этот дефицит автору приходилось за счет источников личного происхождения (воспоминания, дневниковые записи, письма и интервью

с участниками событий)⁴. Монография О. В. Хлевнюка относится к современному этапу в развитии российской исторической науки и написана на основе обширного комплекса источников из архивных фондов, ставших доступными для исследователей на рубеже 1980—1990-х гг. Примечательно, что выводы, сделанные Р. А. Медведевым и О. В. Хлевнюком по результатам проведенного анализа, в целом совпадают.

Эти выводы можно сформулировать в виде трех ключевых тезисов. Во-первых, оба автора акцентируют внимание на том, что под руководством Сталина и при его непосредственном участии ОГПУ сфабриковало целую серию политических процессов, направленных против старых кадров научно-технической интеллигенции. Это процесс по «шахтинскому делу» и последовавшие за ним процессы по «делу Промпартии», «делу Трудовой крестьянской партии», «делу Союзного бюро меньшевиков». Все эти никогда не существовавшие в реальности антисоветские организации якобы не только занимались экономическим шпионажем, диверсиями и иной вредительской деятельностью, но и планировали государственный переворот, в результате которого предполагалось создать правительство с участием лидеров «правого крыла» в ВКП(б). Таким образом, миф о вредительстве научно-технической интеллигенции был использован Сталиным в борьбе со своими политическими оппонентами: Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, М. П. Томским и их единомышленниками.

Во-вторых, следует учесть, что дискредитация научно-технических специалистов разворачивалась в условиях глубокого кризиса, поразившего советскую экономику на рубеже 1920—1930-х гг. Кризис был вызван проведением несбалансированной политики «индустриального скачка», которая не учитывала реальных возможностей народного хозяйства. Последствиями авантюризма правящей верхушки стали острейший дефицит бюджета, расстройство торговли и денежного обращения, задержки с выдачей заработной платы, хроническая нехватка продовольствия, многочисленные аварии на производстве. Поэтому широковещательные кампании по разоблачению «вредительства и саботажа» специалистов были необходимы руководству страны как способ манипулирования общественным

сознанием, чтобы объяснить нараставшие экономические трудности происками «врагов».

Выполняя указания Сталина, органы ОГПУ повсеместно «раскрывали» филиалы и низовые ячейки подпольных вредительских организаций, в результате чего репрессиям были подвергнуты десятки тысяч высококвалифицированных специалистов, работавших на производстве, в научно-исследовательских учреждениях и вузах, а также во всех звеньях управления народным хозяйством, включая ВСНХ и народные комиссариаты.

Наконец, в-третьих, расправу с научно-технической интеллигенцией, как отмечают Р. А. Медведев и О. В. Хлевнюк, следует оценивать в общем контексте репрессивной политики тоталитарного режима. Эти акции способствовали нагнетанию в стране атмосферы всеобщего страха, подавлению любых проявлений инакомыслия и оппозиционности, что в полной мере отвечало интересам Сталина и его ближайшего окружения⁵.

Преступления, в которых обвиняли научно-технических специалистов, относились к числу государственных (контрреволюционных и особо опасных преступлений против порядка управления). Такого рода преступления карались расстрелом либо лишением свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ).

Таким образом, в работах Р. А. Медведева и О. В. Хлевнюка получили систематизированную характеристику социально-политические предпосылки репрессий, которым была подвергнута научно-техническая интеллигенция в конце 1920-х — 1930-е гг. Репрессии, беспрецедентные по своим масштабам и жестокости, представляли собой серию спланированных и организованных властями акций, в ходе которых огромное количество специалистов высокой квалификации были уничтожены физически или стали узниками ГУЛАГа.

Различные аспекты этой обширной тематики освещаются на страницах журнала «Интеллигенция и мир». В статьях М. В. Ермушина проанализирован феномен «спецедействия» на производстве. Автору удалось наглядно показать, что если в годы нэпа инженерно-технические секции отраслевых профсоюзов достаточно эффективно отстаивали права своих членов, то «Шахтинское дело» и последовавшие за ним процессы привели

к свертыванию этой работы. Органы ОГПУ целенаправленно устанавливали связи между специалистами-«вредителями» и профсоюзными объединениями, в результате чего профсоюзное движение инженеров и техников было полностью скомпрометировано⁶.

В работе А. И. Масловой дана развернутая характеристика процесса по «делу Промпартии», включая «разоблачение» ее вымышленных филиалов в целом ряде крупных промышленных центров⁷. Интересный опыт локального интеллигентоведческого исследования представлен в статье К. А. Юдина. На материалах Ивановского края автор проанализировал механизм и масштабы репрессий, развернутых в 1930-х гг. в отношении профессорско-преподавательского состава вузов и техникумов⁸.

Практика трудового использования специалистов-заключенных на объектах НКВД СССР в конце 1920-х — 1930-е гг.

Одним из первых исследователей архивных фондов НКВД СССР, частично рассекреченных в годы перестройки, был В. Н. Земсков. Используя делопроизводственную документацию ГУЛАГа, он опубликовал сводные данные об уровне образования заключенных, содержащихся в ИТЛ. Уточним, что по образовательному критерию заключенные подразделялись на пять категорий: имеющих высшее, среднее и начальное (низшее) образование, малограмотных и неграмотных. Изученные В. Н. Земсковым материалы свидетельствуют, что за период с 1934 по 1941 г. количество заключенных с высшим образованием увеличилось в 8,6 раза (с 3572 до 30 721 чел.), со средним образованием — в 5,5 раза (с 28 577 до 156 585 чел.); доля лиц с высшим образованием в общей массе заключенных возросла втрое (с 0,7 до 2,1 %), со средним образованием — почти вдвое (с 5,6 до 10,7 %). Эти данные позволили В. Н. Земскову сделать вывод о том, что с первой половины 1930-х гг. «опережающими темпами в составе лагерных заключенных росли численность и удельный вес интеллигенции»⁹.

Опыт системного анализа деятельности ГУЛАГа представлен в монографии Г. М. Ивановой, изданной в 2006 г. На основе ранее не опубликованных архивных материалов автор исследует ГУЛАГ как элемент политико-правовой

и социально-экономической структуры советского государства, в частности дает подробную характеристику лагерно-промышленного комплекса. Г. М. Иванова справедливо указывает на тот факт, что возникновение «гулаговской» экономики теснейшим образом связано с внутривластными приоритетами сталинского руководства. Форсированная индустриализация, носившая экстенсивный характер, проводилась в основном методами внеэкономического принуждения, поэтому ГУЛАГ изначально рассматривался как один из важнейших инструментов осуществления этого курса. Подневольные трудовые ресурсы ГУЛАГа представляли для государственной власти интерес по нескольким принципиальным соображениям. Во-первых, эта рабочая сила отличалась высокой мобильностью, иными словами, заключенных можно было беспрепятственно перебрасывать в любые регионы, в том числе самые отдаленные и слабоосвоенные, отличавшиеся тяжелейшими климатическими условиями, не имевшие никакой производственной, транспортной и жилой инфраструктуры. Во-вторых, труд заключенных был практически бесплатным¹⁰.

Опираясь на финансово-хозяйственную документацию, сохранившуюся в архивных фондах НКВД СССР, Г. М. Иванова показывает, что на протяжении 1930-х гг. сформировалось более трех десятков крупных производственных объединений, которые были подведомственны ГУЛАГу и имели определенную отраслевую специализацию. Каждое из них включало в себя несколько лагерей и именовалось управлением ИТЛ.

Накануне Великой Отечественной войны лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых ведущими были горно-металлургическая (добыча и переработка железной руды и цветных металлов), топливная (добыча угля, нефти и газа), лесозаготовительная. Наряду с промышленным производством, к числу основных элементов лагерной экономики относилось капитальное строительство. Будучи неотъемлемой частью советской директивной системы народного хозяйства, ГУЛАГ выполнял предписанные правительством плановые задания, объемы которых ежегодно возрастали. Естественно, что реализация каждого отраслевого направления производственной деятельности требовала привлечения не только

малоквалифицированной рабочей силы, но и специалистов соответствующего профиля¹¹.

Таким образом, на основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов Г. М. Ивановой удалось не просто раскрыть конкретно-исторический контекст вовлечения научно-технической интеллигенции в деятельность лагерно-промышленного комплекса, но и обозначить круг специальностей, наиболее востребованных на производственных объектах НКВД СССР. Автор монографии отмечает, что сложность и масштабность хозяйственных задач, стоявших перед ГУЛАГом, объективно требовали от его руководства использовать квалифицированные кадры в максимально возможной степени. Именно этими мотивами было обусловлено издание внутриведомственного циркуляра от 25 октября 1933 г., в котором ОГПУ предписывало своим местным органам сообщать в ГУЛАГ информацию обо всех высококвалифицированных специалистах, приговоренных к лишению свободы, в том числе «инженерах, техниках, профессорах, научных работниках, врачах, агрономах, плановиках-экономистах и крупных адмхозработниках (директорах, членах правлений объединений и трестов)». С учетом этих сведений ГУЛАГ должен был распределять специалистов по ИТЛ¹².

К сожалению, в работе Г. М. Ивановой не представлен анализ практики распределения и дальнейшего привлечения к труду специалистов из числа заключенных. Материал монографии не содержит исследовательских выводов о том, как фактически использовались в лагерях кадры высокой квалификации. Иными словами, этот важный аспект истории «гулаговской» экономики остался неосвещенным.

Частично восполнить существующий пробел позволяют исследования регионального уровня. В первую очередь необходимо отметить коллективную работу «ГУЛАГ. Экономика принудительного труда», опубликованную дважды: в 2005 и 2008 г. Несколько глав этого издания посвящены функционированию ИТЛ в тех районах страны, где рабочая сила заключенных применялась наиболее широко (Карелия, Урал, Сибирь, Дальний Восток и др.). С точки зрения рассматриваемой нами темы интерес представляют главы, подготовленные Д. Норландером, Л. И. Бородкиным и С. Эртцем.

В научно-историческом очерке Д. Норландера «Магадан и становление экономики Дальстроя в 1930-е гг.» охарактеризована деятельность Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР, одного из ведущих производственных объединений ГУЛАГа, основное предназначение которого заключалось в обеспечении добычи золота. Изучение архивных материалов Дальстроя позволило автору установить очевидный приоритет принудительного труда в промышленном развитии северной части Дальнего Востока. Согласно подсчетам автора, в структуре рабочей силы, задействованной в данном регионе в 1930-х гг., заключенные составляли 85 %, тогда как вольнонаемные работники — лишь 15 %. В рамках своего локального исследования Д. Норландер делает вполне обоснованный вывод о том, что без участия ИТЛ хозяйственное освоение отдаленных, труднодоступных окраин страны, таких как Дальний Восток, было бы невозможно¹³.

Обращают на себя внимание авторские наблюдения, касающиеся трудового использования заключенных-специалистов. Сведения о высококвалифицированных кадрах, направленных ГУЛАГом на объекты Дальстроя, автор анализирует в общем контексте репрессий, которым была подвергнута интеллигенция в конце 1920-х — 1930-е гг. По мнению Д. Норландера, существовала непосредственная связь между потребностями производственных объектов НКВД в кадрах и тем, какие профессиональные отряды интеллигенции становились главными объектами преследования со стороны властей. Как отмечает автор, это были «специалисты, в которых сильно нуждались отдаленные регионы СССР, но которые никогда не поехали бы туда добровольно... Дальстрою срочно требовались такие специалисты (так же как и другим подразделениям ГУЛАГа по всему СССР), и эта потребность, без сомнения, влияла на структуру арестов того периода». Применительно к Дальстрою автор имеет в виду прежде всего инженерно-технических работников (ИТР) горнодобывающего профиля¹⁴. Таким образом, на основе архивных материалов, относящихся к одному из крупных производственных объединений ГУЛАГа, Д. Норландер показывает тщательно замаскированные сталинским руководством экономические мотивы репрессий,

развернутых в отношении научно-технических специалистов на этапе форсированной индустриализации.

Схожие выводы высказывают Л. И. Бородин и С. Эртц в очерке, посвященном деятельности Норильского ИТЛ, существовавшего в 1935—1956 гг. Этот лагерный комплекс выполнял задачи по разработке богатых медно-никелевых месторождений Заполярья, строительству и обслуживанию Норильского горно-металлургического комбината. Используемая авторами делопроизводственная и статистическая документация показывает, что на протяжении первых двух десятилетий функционирования Норильского комбината его работники почти в полном составе были заключенными. Иными словами, реализация этого крупномасштабного индустриального проекта, географически локализованного в суровом Заполярье, стала возможной именно за счет эксплуатации подневольного труда¹⁵.

Авторы анализируют кадровый состав ИТР комбината и указывают на тот факт, что если во второй половине 1930-х гг. вольнонаемных среди них практически не было, то в 1940—1950-х гг. удельный вес данной категории ИТР повысился, но главным образом за счет того, что осужденных специалистов после отбытия срока наказания переводили на положение ссыльных с запретом покидать границы Норильска. Вольнонаемными такие работники были лишь номинально, а фактически оставались на комбинате против своей воли. Авторы справедливо отмечают, что в основе этой откровенно противозаконной практики лежали интересы развития производства¹⁶. Таким образом, инженерно-технические специалисты — заключенные представляли собой ценный трудовой ресурс, которым карательная система обеспечивала себя путем жестоких репрессий и который стремилась максимально прочно закрепить за промышленными предприятиями и строительными объектами ГУЛАГа.

Отдельного рассмотрения требует вопрос об использовании кадров научных работников. Привлечение к труду репрессированных ученых принято связывать с феноменом засекреченных научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций. Они именовались особыми техническими бюро, специальными техническими бюро, особыми конструкторскими бюро, а в просторечии получили название «шарашки». Ценные соображения

об их деятельности в рамках рассматриваемого периода содержатся в работах А. К. Соколова. На основе материалов из архивных фондов ОГПУ автору удалось установить, что уже к 1931 г. закрытые бюро существовали в Москве, Ленинграде, Баку, Ростове, Харькове, Новосибирске и других городах. В бюро работали около четырехсот ученых и инженеров. Большинство этих специалистов занимались военно-техническими разработками (в сфере авиации, танкостроения, артиллерии, военной химии, судостроения и т. д.). Некоторые бюро выполняли проекты особой важности для гражданских отраслей промышленности. Например, в одном из особых конструкторских бюро работала группа научно-технических специалистов, осужденных в 1930 г. по сфабрикованному «делу Промпартии». Руководил группой «председатель» данной мифической антисоветской организации профессор Л. К. Рамзин, крупнейший в СССР специалист в области теплотехники и котлостроения, в прошлом директор Всесоюзного теплотехнического института. Эта группа специалистов-заключенных подготовила уникальный по своим характеристикам проект котла высокого давления.

Таким образом, возникновение «шарашек» напрямую связано со сталинской политикой форсированной индустриализации. Вместе с тем, указывает А. К. Соколов, вплоть до конца 1930-х гг. закрытые технические и конструкторские бюро представляли собой довольно редкое явление, а широкое распространение получили позднее — накануне Великой Отечественной войны, в военные и послевоенные годы¹⁷.

Применительно к рассматриваемому нами периоду гораздо чаще использовалась другая форма эксплуатации научных кадров из числа заключенных. Как уже отмечалось, перед ГУЛАГом были поставлены задачи по освоению природных богатств отдаленных окраин страны, поэтому важнейшее для карательного ведомства значение приобретали кадры геологов и ученых, специализировавшихся в смежных с геологией областях естествознания. Приходится констатировать, что вплоть до настоящего времени профессиональная деятельность ученых — узников сталинских лагерей получила крайне слабое историографическое освещение. Это относится ко всем сферам научного знания, в частности к геологии. Что касается конкретно

взятой отрасли геолого-минералогических наук, то среди работ, подготовленных на общесоюзном материале, можно отметить биографический справочник «Репрессированные геологи», изданный коллективом Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского. В справочнике представлены статьи о геологах, которые стали жертвами репрессий в годы советской власти и многие из которых продолжали вести научную работу в условиях заключения¹⁸.

На локальном уровне данная тематика почти не исследована, за исключением Крайнего Севера европейской части Советского Союза (Коми АССР и Ненецкий национальный округ). Эта территория включает в себя богатые угольные, нефтегазовые и другие месторождения, расположенные в бассейне реки Печоры и ее притоков: Ижмы, Ухты, Усы, Воркуты; в географической литературе за этим регионом закрепилось наименование «Печорский край». В начале 1990-х гг. были опубликованы статьи А. Н. Каневой, В. Р. Полищука и А. И. Галкина, освещавшие отдельные аспекты профессиональной деятельности геологов-заключенных в печорских лагерях¹⁹. В дальнейшем работа была продолжена коллективом авторов под руководством доктора технических наук Е. В. Марковой, которая шестнадцать лет прожила в Воркуте на положении заключенной, а затем ссыльной и лично общалась со многими научными работниками, отбывавшими наказание в ИТЛ Печорского края. Инициированный Е. В. Марковой проект был поддержан грантом Российского гуманитарного научного фонда; результатами реализации проекта стали цикл статей, опубликованных в конце 1990-х — начале 2000-х гг., и подготовленная на их основе работа обобщающего характера «Гулаговские тайны освоения Севера»²⁰.

Возглавляемому Е. В. Марковой коллективу удалось изучить значительный массив документов, содержащихся в фондах Государственного архива РФ, а также государственных и ведомственных архивах Республики Коми. Анализ собранных материалов позволил авторам показать, что в конце 1920-х — 1930-е гг. ученые — узники печорских лагерей выполняли целый комплекс научных задач, решение которых было необходимо для экономического освоения Крайнего Севера. К числу таких задач относились открытие месторождений полезных ископаемых,

оценка промышленного значения месторождений, поиск наиболее рациональных способов их разработки. При этом геологам и геохимикам, как правило, приходилось проводить исследования, не имея соответствующей техники, оборудования, научной литературы. Более того, в районах, которые предстояло осваивать, не было ни жилья, ни коммуникаций, ни запасов продовольствия. Иными словами, условия труда и быта совершенно не соответствовали масштабу и сложности выполняемой научной работы. Но, несмотря на все препятствия, заключенные геологи и геохимики сумели обеспечить полноценное научное сопровождение промышленного освоения Печорского края²¹.

К сожалению, после 2001 г. этот интересный проект не получил дальнейшего развития, поэтому целый ряд вопросов остаются не до конца раскрытыми, в частности, еще предстоит оценить тот вклад, который специалисты-заключенные печорских ИТЛ внесли в развитие прикладных и фундаментальных исследований в области естествознания.

Выводы

Представленный в настоящей статье опыт анализа научно-исторической литературы позволяет выделить следующие тенденции в изучении избранной темы. На сегодняшний день может считаться общепризнанным среди историков тот факт, что репрессии, которым была подвергнута научно-техническая интеллигенция в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг., носили спланированный, организованный характер и обуславливались смелой внутривластными приоритетами руководства страны. Свертывание нэпа и переход к форсированной индустриализации, осуществлявшейся методами внеэкономического принуждения, требовали от правящей верхушки во главе со Сталиным безжалостного подавления интеллигенции как той социальной силы, которая не только разделяла принципы нэпа, но и внесла весомый практический вклад в реализацию этой доктрины. Именно таков политический контекст заведомо противозаконного уголовного преследования специалистов, в результате которого десятки тысяч человек были лишены свободы.

На основе обширного документального материала, почерпнутого из рассекреченных архивных фондов, исследователи

убедительно показывают, что ГУЛАГ остро нуждался в подневольных кадрах высокой квалификации. В планах индустриализации карательному ведомству неслучайно отводилась одна из ключевых ролей. Осужденные, в том числе специалисты, представляли собой дешевый и весьма удобный в использовании трудовой ресурс, распоряжаться которым государственная власть могла практически без ограничений и вплоть до полного его истощения. Поэтому на ИТЛ возлагались наиболее трудновыполнимые задачи, прежде всего такие как хозяйственное освоение отдаленных, малонаселенных окраин страны, располагавших огромными природными богатствами. Промышленным предприятиям и стройкам ГУЛАГа требовались ИТР соответствующих специальностей, а также научные кадры (в основном геологи и геохимики), которые обеспечили бы исследование природных ресурсов и поиск эффективных способов их эксплуатации.

Эти концептуальные положения в современной отечественной историографии представляются общепринятыми и вполне очевидными. Гораздо слабее изучена практика трудового использования научно-технических кадров из числа заключенных. Специальных работ по данной тематике к настоящему времени нет. В обобщающих исследованиях по истории ГУЛАГа, таких как монография Г. М. Ивановой, получили освещение главным образом директивные установки руководства карательного ведомства на этот счет, а не документальный материал, который позволял бы судить о масштабах, характере, отраслевой специфике применения высококвалифицированного принудительного труда. Прояснению этих вопросов способствуют исследования локального уровня, однако пока они единичны.

Таким образом, дальнейшее изучение феномена принудительного труда научно-технической интеллигенции требует анализа широкого круга источников, отражающих фактическое использование кадров специалистов-заключенных как в целом по ГУЛАГУ, так и в границах отдельно взятых отраслей и регионов. Подробная историческая реконструкция этой практики позволит исследователям сделать важные шаги в решении проблемы эффективности «гулаговской» экономики, составлявшей неотъемлемую часть советского народного хозяйства тоталитарной эпохи.

Примечания

- ¹ *Репников А. В.* «Философский пароход» // Большая российская энциклопедия. URL: http://www.bigenc.ru/domestic_history/text/4713482 (дата обращения: 12.10.2019).
- ² *Медведев Р. А.* К суду истории: о Сталине и сталинизме. М., 2011. С. 174; *Хлевнюк О. В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 462; Репрессированная интеллигенция, 1917—1934 гг. / под ред. Д. Б. Павлова. М., 2010. С. 20—21; *Кислицын С. А.* Научная элита в системе политической власти. М., 2013. С. 39—42; *Ефимкин А. П.* Дважды реабилитированные: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. М., 1991. С. 90—108; *Комлев С. Л.* Конъюнктурный институт: (судьба научной школы Н. Д. Кондратьева) // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991; *Мау В. А.* Реформы и догмы, 1914—1929: очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; *Юровский В. Е.* Архитектор денежной реформы 1922—1924 годов // Вопросы истории. 1995. № 2; *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012. С. 242—251, 302—304; *Агеев А. И., Мясоедов Б. А.* Сорокин и Кондратьев — два переплетенных пути // Экономические стратегии. 2013. № 5; Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн: взгляд из современности / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М., 2017. С. 69—80.
- ³ *Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 12; *Меметов В. С., Расторгуев В. Н.* Интеллигенция // Большая российская энциклопедия. URL: http://www.bigenc.ru/domestic_history/text/2013995 (дата обращения: 12.10.2019).
- ⁴ *Медведев Р. А.* Указ. соч. С. 5—6.
- ⁵ Там же. С. 177—186, 195, 267; *Хлевнюк О. В.* Указ. соч. С. 33—57, 72—83.
- ⁶ *Ермушин М. В.* Инженерно-техническая интеллигенция и рабочие в годы НЭПа: проблема взаимоотношений // Интеллигенция и мир. 2011. № 1; *Его же.* Инженерно-техническая интеллигенция и профсоюзы в годы новой экономической политики // Там же. 2012. № 1.
- ⁷ *Маслова А. И.* Отечественные ученые и инженеры в условиях судебного процесса «Промпартии» 1930 года: как цель оправдывала средства // Интеллигенция и мир. 2018. № 2.

- ⁸ Юдин К. А. Репрессивная политика сталинского режима в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика // Интеллигенция и мир. 2014. № 4.
- ⁹ Земсков В. Н. ГУЛАГ: (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6.
- ¹⁰ Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918—1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 228—234.
- ¹¹ Там же. С. 228—246.
- ¹² Там же. С. 179.
- ¹³ ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008. С. 239—242.
- ¹⁴ Там же. С. 245.
- ¹⁵ Там же. С. 197—236.
- ¹⁶ Там же. С. 210—211, 219, 236.
- ¹⁷ Соколов А. К. «Особое напряжение»: кадры советского Военпрома в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Отечественная история. 2007. № 4; ГУЛАГ: экономика принудительного труда. С. 26.
- ¹⁸ Репрессированные геологи: биографические материалы / гл. ред. В. П. Орлов; отв. ред. Л. П. Беляков, Е. М. Заблоцкий. 3-е изд., испр., доп. М.; СПб., 1999.
- ¹⁹ Канева А. Н. УхтПечлаг, 1929—1938 // Звенья: исторический альманах. М., 1991. Вып. 1; Полищук В. Р. Судьба профессора И. Я. Башилова // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991; Галкин А. И. Вклад И. Н. Стрижова в дело охраны и рационального использования нефтяных недр // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 4.
- ²⁰ Маркова Е. В. Безымянный мозговой трест // Alma Mater: вестник высшей школы. 1997. № 6, № 7; Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К. Ученые — узники печорских лагерей ГУЛАГа // Новая и новейшая история. 1998. № 1; Маркова Е. В., Родный А. Н. Наука в Воркутлаге как феномен тоталитарного государства // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 3; Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К. Судьбы интеллигенции в Воркутинских лагерях, 1930—1950-е годы // Новая и новейшая история. 1999. № 5; Их же. У истоков геологической службы Заполярья // Отечественная геология. 2000. № 3; Гулаговские тайны освоения Севера / авт.-сост. Е. В. Маркова, В. А. Волков, А. Н. Родный, В. К. Ясный; под ред. И. С. Пашковского. М., 2001.
- ²¹ Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К. Ученые — узники печорских лагерей ГУЛАГа; Гулаговские тайны освоения Севера. С. 45—89.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е. В. Скрябина, И. Н. Кулешова

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО В. ВЫСОЦКОГО В ВОСПРИЯТИИ НОВОГО ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ПОКОЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ — СТУДЕНЧЕСТВА

Введение

В. Высоцкий является знаковой фигурой отечественной культуры второй половины 60—70-х гг. XX в. Творчество поэта было хорошо известно не только в среде интеллигенции, но и в самых широких общественных кругах. Пластинки с записью его песен расходились миллионными тиражами, каждая театральная постановка и каждый фильм с участием В. Высоцкого становились

© Скрябина Е. В., Кулешова И. Н., 2020

Скрябина Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет, e.gruzdeva@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Ivanovo State Polytechnic University).

Кулешова Инна Николаевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет, ladyinna79@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Ivanovo State Polytechnic University).

кассовыми, написанная им музыка звучала во многих советских фильмах. Без преувеличения можно сказать, что В. Высоцкий — любимец всей страны — уже при жизни являлся легендой для большинства советских людей. Сам поэт не сомневался в безусловном магнетизме своего творчества: «А все равно меня будут печатать! Хоть после смерти, но будут»¹.

Действительно, после внезапной смерти в июле 1980 г. популярность В. Высоцкого только набирает обороты. Уже в 80-х гг. XX в. начинает формироваться особый научный раздел — так называемое «высоцковедение». Начало ему было положено сообщением в «Литературной газете» от 19 марта 1986 г. о решении секретариата правления Союза писателей СССР утвердить комиссию по литературному наследию В. С. Высоцкого под председательством Р. Рождественского².

В том же 1986 г. в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья доктора филологических наук В. И. Толстых «В зеркале творчества (Вл. Высоцкий как явление культуры)», в которой автор пытается объяснить причины феноменальной популярности поэта: «...секрет удивительно мощного духовного воздействия Высоцкого на своих слушателей заключен прежде всего в объективном пафосе и содержании его стихов-песен... Ему удалось добиться, пожалуй, самого редкого и завидного для художника результата — стать человеком близким, своим для очень многих людей, войти не только в дом, квартиру, но и в душу каждого, кого он задел своим творчеством. Впечатление от его многочисленных песен такое, что он попытался объять необъятное, что ему до всего и до всех есть дело...»³ В статье 1988 г. С. Чуприн заявляет, что «спорить о Высоцком, о том, подлинная он величина или мнимая, стало уже скучно», нужно «говорить о Высоцком не только как о “неповторимом феномене”, но и как о поэте, как о профессиональном литераторе, множеством нитей связанном и с реальностью современной жизни, и с реальностью современной поэзии»⁴. Не подлежит никакому сомнению, что именно феноменальный общественный интерес к личности и творческому наследию В. Высоцкого являлся той питательной средой и базой, которая и стимулировала научно-исследовательские разработки в области «высоцковедения».

На протяжении 1990-х — 2000-х гг., по данным исследователей, интерес к творчеству В. Высоцкого, в том числе научный, неизменно повышался. Согласно подсчетам В. А. Гаврикова, «на сегодняшний день по творчеству Высоцкого в России (СССР) защищено 35 диссертаций... разбивка по десятилетиям такова: 1990-е: 8 работ, 2000-е: 20 работ, 2010-е (за 5,5 лет): 7 работ»⁵.

В последнее время (после так называемых нулевых) наблюдается отчетливая тенденция к снижению научного интереса к творческому наследию В. Высоцкого. В. А. Гавриков отмечает: «...настоящее десятилетие уже не столь богато, как прошлое: сегодня защищается в среднем 1,3 диссертации в год, а в нулевые этот показатель был равен 2. Соответственно, интерес к Высоцкому, судя по статистике, снижается. Под крайней мере, диссертационный интерес»⁶.

В связи с констатацией факта охлаждения научного интереса к творческому наследию В. Высоцкого возникает закономерный вопрос: вызвано ли оно определенной избитостью темы (кажется, все там уже изучено) или падением к ней общественного интереса?

Цель работы состоит в выявлении отношения современной молодежи к произведениям и личности В. Высоцкого, определении актуальности творческого наследия поэта для нового формирующегося поколения отечественной интеллигенции — студенчества.

Методология исследования

В ходе исследования было проведено выборочное тестирование студентов 2—4-х курсов высших учебных заведений г. Иваново на знание биографии и творчества В. Высоцкого (опрошено порядка 400 человек). Молодым людям также предлагалось выразить свое отношение к произведениям В. Высоцкого, определить, насколько тематика его песен актуальна/неактуальна для них, ответить на вопросы об источниках знакомства с произведениями В. Высоцкого, указать о наличии/отсутствии потребности в получении новой информации о творчестве поэта и т. д.

Эмпирические данные, полученные в ходе исследования

Основными источниками, из которых новое поколение черпает информацию о В. Высоцком и его произведениях, являются современные СМИ. Порядка 20 % опрошенных узнали о творчестве В. Высоцкого благодаря школе, в том числе внеклассным дополнительным занятиям.

Примерно 60 % студентов знакомы с биографией и творчеством В. Высоцкого не более чем поверхностно (из 22 вопросов по этой тематике от 5 до 7 правильных ответов). Многие студенты из этой группы отождествляют самого В. Высоцкого с героями его фильмов или песен: полагают, что он неоднократно сидел в тюрьме, участвовал в военных операциях, работал радистом или альпинистом и т. д. Порядка 30 % студентов имеют более или менее удовлетворительное представление об основных вехах биографии В. Высоцкого, знают содержание 7—10 наиболее известных песен поэта («Я не люблю», «Песня о друге», «Скалолазка», «Кони привередливые», «Диалог у телевизора», «Сыновья уходят в бой» и др.), а также могут вспомнить названия двух-трех фильмов, в которых снимался В. Высоцкий («Место встречи изменить нельзя», «Вертикаль»). Около 10 % студентов вообще не имеют никакого представления о биографии и творчестве В. Высоцкого (от 0 до 3 баллов из 22 возможных).

Далеко не всем представителям студенчества передачи, посвященные В. Высоцкому, действительно интересны. Примерно 60 % процентов тестируемых относятся к творчеству В. Высоцкого либо равнодушно, либо вообще не любят его, поскольку им «гораздо более близка и понятна музыка современных направлений». Узнавать какую-либо новую информацию о личности и творчестве популярного советского исполнителя молодые люди в большинстве случаев не хотят, отмечая, что не видят в ней «ничего для себя полезного».

Заключительные положения

Информация, полученная в ходе данного исследования, позволяет сделать вывод, что для нового формирующегося поколения

отечественной интеллигенции творчество В. Высоцкого в целом не является сколь-нибудь значимым и интересным.

Данное заключение в первую очередь наводит на мысль о необходимости расширения школьной программы по литературе — обязательного включения в нее раздела, посвященного творчеству В. Высоцкого. Произведения поэта — это отнюдь не «однодневка», на которую приходит и уходит мода, а яркое и оригинальное явление культуры советского периода, достойное стоять в одном ряду с произведениями М. А. Булгакова, В. В. Маяковского и другими. Невозможно в полной мере оценить творчество поэта, с которым либо не знаком вообще, либо знаком поверхностно. Это недопустимый пробел в современном образовании, который необходимо ликвидировать.

С другой стороны, ответ на вопрос, почему, являясь безусловным кумиром конца XX в., в начале XXI в. Высоцкий вдруг стал мало интересен новому поколению, лежит на поверхности и прямо или косвенно сформулирован в ответах самих студентов (кроме отмеченного выше факта пробела в школьной программе).

Во-первых, В. Высоцкий — поэт своего времени. Времени, в котором он жил и работал. В своих песнях он озвучивал недовольство существующей властью и злободневные на тот момент проблемы, волнующие общественность. Современная молодежь живет в совершенно иной, радикально отличной от времени В. Высоцкого реальности. Между прошлым и настоящим поколением огромная пропасть (социальная, экономическая, политическая, идеологическая, культурная и т. д.).

Во-вторых, в ответах студентов красной нитью прослеживается мысль о том, что в песнях В. Высоцкого просто констатируется наличие тех или иных социальных проблем, вина за которые перекладывается на действующую власть. Никаких решений озвучиваемых проблем не предлагается. Более того, народ в песнях В. Высоцкого выступает в качестве инертной жертвы, пассивного заложника ситуации. Такая интерпретация ролей не устраивает современную молодежь. Реалии текущей жизни таковы, что уже недостаточно о чем-то просто говорить, нужны решительные действия: «Мы должны уметь брать на себя

ответственность, уметь преодолевать трудности, достойно отвечать на любые вызовы».

В-третьих, студенты подчеркивают, что на одних воспоминаниях о прошлом не построить будущего: «Прошлое может быть источником гордости и вдохновения, но будущее строится на фундаменте настоящего». Современной молодежи нужны новые Высоцкие, новые ритмы и песни, отвечающие духу времени. Поколение Z настроено на победы, личные достижения и успех. И эти установки, безусловно, внушают только оптимизм.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Новиков В.* Высоцкий. 7-е изд., доп. М., 2013. С. 417. (Жизнь замечательных людей).
- ² Комиссия по литературному наследию В. С. Высоцкого // Литературная газета. 1986. 19 марта. С. 3.
- ³ *Толстых В. И.* В зеркале творчества: (Вл. Высоцкий как явление культуры) // Вопросы философии. 1986. № 7. С. 113—114.
- ⁴ *Чуприн С.* Вакансия поэта: Владимир Высоцкий и его время: размышления после юбилея // Знамя. 1988. № 1. С. 5.
- ⁵ *Гавриков В. А.* Диссертационные исследования о творчестве Высоцкого 2010—2014 годов: критический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 164.
- ⁶ Там же.

Л. В. Климович, А. А. Никитин, Л. А. Шайпак

**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ,
ИНТЕЛЛИГЕНТА, ПЕДАГОГА И ЮРИСТА
С. Н. НИКОЛАЕВА В РОССИИ И ЭМИГРАЦИИ
(1880—1976)**

Введение

Революционные события 1917 г., последовавшая за ними Гражданская война навсегда изменили судьбы многих видных деятелей Российской империи. Некоторые из них смогли вернуть привычный уклад дореволюционной жизни, другие навсегда сменили род занятий.

Судьба Семёна Николаевича Николаева, уроженца Симбирской губернии, отчетливо демонстрирует основные трагические страницы истории XX в., за свою почти столетнюю жизнь он успел дважды выехать из Советской России «навсегда». Как он сам отмечал, в его «переживаниях, думах и поступках в определенные периоды социально-политических бурь и волнений

© Климович Л. В., Никитин А. А., Шайпак Л. А., 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ульяновской области в рамках научного проекта № 18-49-730005 р_а.

Климович Людмила Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, lusek84@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History, Ilya Ulyanov State Pedagogical University).

Никитин Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, alexistyur@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History, Ilya Ulyanov State Pedagogical University).

Шайпак Леонид Александрович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, shaipak@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of History, Ilya Ulyanov State Pedagogical University).

отображались переживания, думы и поступки тысяч российских обывателей»¹.

В то же время его жизнь — это история преодоления: он родился в крестьянской семье, получил высшее образование, стал судьей и общественно активным деятелем российской эмиграции, пережил арест, тюрьму и ссылку. Изучение судеб отдельных личностей позволяет увидеть и понять происходившие события XX в. с позиции «маленького» человека, проанализировать, как глобальные изменения отразились на жизни простых людей².

Источники и историография

Долгое время имя С. Н. Николаева не привлекало внимания исследователей, лишь отдельные публикации касались тех или иных фактов его биографии. В 2019 г. вышли статьи А. Ю. Суслова об общественно-политической деятельности С. Н. Николаева в эмиграции³. В них автор основное внимание уделяет его политической деятельности в партии эсеров. Наибольший вклад в изучение жизни и творчества С. Н. Николаева внес историк Г. А. Александров, который в конце 1970-х гг. вел с ним переписку. Их заочное общение длилось несколько лет, в записной книжке С. Н. Николаева указан почтовый адрес Г. А. Александрова⁴. Полученные историком сведения легли в основу ряда его публицистических статей, вышедших в 1990-х гг.⁵ Отдельные факты биографии С. Н. Николаева нашли свое отражение в работах Л. Г. Протасова, В. Г. Родионова⁶. Краткую справку о нем дает Е. П. Серапионова в статье о деятелях Пражского Земгора⁷.

Личный архив С. Н. Николаева долгое время был недоступен для исследователей, и только в 2006 г. он передан на хранение в Национальный архив Чешской Республики, где находится и в настоящее время. Нам представилась уникальная возможность познакомиться с материалами архивного фонда нашего земляка С. Н. Николаева.

Документы архива дают возможность реконструировать жизненный путь интеллигента и общественного деятеля С. Н. Николаева, а его опубликованные воспоминания позволяют увидеть переживания, личное отношение к событиям XX в.

Воспоминания С. Н. Николаева охватывают период детства и заканчиваются его возвращением в Прагу из СССР в 1956 г.⁸ Однако период эмиграции (1922—1945 гг.) не нашел своего отражения в воспоминаниях. С чем это было связано, остается неясным. Документы личного происхождения, сохранившиеся в семейном архиве, позволяют не просто реконструировать судьбу отдельного человека, но и лучше понять причины и последствия событий, произошедших в XX в.⁹

Детство и юность

Семён Николаевич Николаев родился 20 апреля 1880 г. в селе Начар-Убеево Буинского уезда, Симбирской губернии в крестьянской семье православных чувашей. 28 апреля 1880 г. его крестили в Покровской церкви села Енбулатова¹⁰. Мать умерла, когда Семёну не было и года. В возрасте 10 лет он пошел учиться и «закончил земскую начальную школу в селе Тайбе в 1894 году»¹¹. На следующий год поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу, которую окончил в 1901 г. Основной целью школы являлась подготовка педагогов для обучения крестьянских детей на родном языке. В своих воспоминаниях он с почтением отзывался об основателе школы И. Я. Яковлеве: «...замечательный администратор, своеобразный педагог и крупный деятель в деле просвещения чувашей»¹².

С. Николаева после окончания школы оставили преподавать русский язык и арифметику в 1-м и 2-м классах. Проработав там два года, он оставил преподавательскую деятельность. Свой уход из школы С. Н. Николаев объясняет «властным» характером И. Я. Яковлева, основателя и руководителя Симбирской чувашской учительской школы, который «не терпел не только какой-либо оппозиции, но и намека на попытку освобождения из-под его руководства и влияния»¹³. После ухода из школы у С. Николаева было два пути: поехать учить крестьянских детей или продолжить обучение в семинарии, в которую И. Я. Яковлев имел право рекомендовать лучших учеников для поступления без экзаменов. В 1903 г. Семён Николаев, несмотря на сложные отношения с И. Я. Яковлевым, получил рекомендацию к поступлению в 4-й класс Симбирской духовной семинарии, которую он

окончил в 1906 г. Затем он обучался на юридическом факультете Казанского университета, это было время развития революционных событий. Университет представлялся Николаеву «средоточием и рассадником культуры, свободы и независимости мысли, слова, даже поведения, а поэтому и исходным пунктом новых интеллектуальных переживаний и оценок»¹⁴. О своих преподавателях он отзывался с уважением, особую благодарность выражал А. А. Пионтковскому, В. В. Ивановскому, а также Н. П. Загоскину, лекции которого «по истории земских соборов и по блеску изложения, и по своеобразию языка, и по логичности построения показывали, какими могут быть университетские лекции, чтобы завладеть вниманием слушателей и убедить их в обоснованности утверждений лектора»¹⁵.

Вопреки тяжелому материальному положению семьи С. Н. Николаев продолжал учиться. В числе лучших учеников он получал стипендию в Симбирской чувашской учительской школе, в семинарии и университете, а также подрабатывал частными уроками.

Служба в суде

После окончания университета в 1910 г. С. Н. Николаев поступил на службу в Симбирский окружной суд, оставаясь при нем до 1919 г. 28 апреля 1910 г. он женился на Зинаиде Даниловне Чумейкиной, уроженке Симбирска¹⁶.

В Симбирском окружном суде Николаев прошел несколько ступеней карьерной лестницы: в 1911 г. ему было присвоено звание старшего кандидата на должность по судебному ведомству, 18 февраля 1912 г. он командирован на должность помощника секретаря гражданского отделения суда, уже в ноябре этого же года получил разрешение на самостоятельное производство следствия и занял вакантную должность судебного следователя второго участка Сызранского уезда. С. Н. Николаев был определен в самый сложный по криминогенной обстановке уезд, где ежегодно отмечалось несколько сотен крупных преступлений, так, за 1911 г. было зафиксировано более 500 противоправных деяний, что значительно превышало статистические показатели других уездов губернии¹⁷. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения

о деятельности судебного следователя вышеупомянутого участка за 1911 г. позволяют нам понять, в каких сложных условиях находился предшественник Николаева и с какими трудностями столкнулся сам Семён Николаевич. В частности, в течение года в делопроизводстве следователя находилось 188 уголовных дел, из которых 165 были благополучно окончены, по ним сотруднику пришлось опросить 630 свидетелей и 76 дней находиться в разъездах по служебным делам. Естественно, в таких условиях судебному следователю было сложно качественно трудиться, расследования производились в спешке, что в некоторых случаях приводило к возвращению дел к повторному исследованию¹⁸. Карьера С. Н. Николаева складывалась не так, как ему хотелось бы. Он считал, что это происходит из-за отсутствия личных связей: «Служба в суде, при благосклонном участии Полякова, убедила меня в том, что жизненные отношения строятся не на отвлеченных началах права и справедливости, а на реальнейших условиях протекции, с одной стороны, и на угодничестве и лести — с другой»¹⁹.

В 1913 г. за успешную службу С. Н. Николаев награжден бронзовой медалью в память о 300-летию царствования дома Романовых²⁰. О предвоенных годах он вспоминал как о времени относительного спокойствия в стране: «Либеральная интеллигенция поостыла, а революционная и социалистическая — ушла за границу, либо в подполье, либо в отдаленные и не столь отдаленные углы Сибири или северных губерний»²¹. В феврале 1914 г. Николаев был произведен в титулярные советники, в июле этого же года освобожден от обязанностей секретаря гражданского суда в связи с призывом на службу в государственное ополчение. 15 сентября дружину, в которую он входил, направили в город Термез Туркестанского края на охранную службу: «Моя жена решила, что в такой погибельный край она не отпустит меня одного и поедет вместе со мной, как поступали и другие жены»²². Через некоторое время выяснилось, что Николаев был призван преждевременно и в январе 1915 г. через мобилизационный отдел Главного штаба он был уволен, а уже в феврале вернулся к исполнению судебных обязанностей. Продолжавшаяся Первая мировая война внесла коррективы в его служебную карьеру, и в сентябре 1915 г. он был вновь призван в государственное

ополчение. Супруга сопровождала его; сначала они были направлены в Екатеринбург, затем в Челябинск, в конце ноября 1916 г. благодаря протекции своего двоюродного брата Алексея Никифорова С. Н. Николаев был командирован в Павловское военное училище в Петрограде, которое окончил в мае 1917 г. в чине прапорщика. Революционные дни февраля 1917 г. он встретил в училище. В своих воспоминаниях, как, вероятно каждый, «проживший» революцию, С. Н. Николаев анализирует ее причины: «Февральская революция вышла не из организованного восстания народных масс, руководимых революционными партиями и их вождями, а из хвостов у продовольственных магазинов столицы... Если бы царское правительство, вместо установки пулеметов на крышах домов, догадалось позаботиться о пополнении продовольственных магазинов, то, возможно, не только бы отодвинулись сроки и замедлился ход революции, но и само ее рождение стало бы весьма проблематичным»²³. Молодое поколение российских эмигрантов, напротив, считало, что революция имела глубокие корни и началась еще с преобразований Петра I, она была результатом не случайного стечения обстоятельств, а закономерного хода истории²⁴. Вспоминая революционные дни, он с недоумением констатировал, что революция не встретила сопротивления: «Приняли ее и интеллигенция, и народ, и армия»²⁵.

В училище С. Н. Николаев был председателем ротного комитета и членом комитета училища. После его окончания он вернулся в Симбирск, активно принимал участие в трех съездах чувашской партии эсеров, в комитет которой он был избран. 28 августа 1917 г. С. Н. Николаев был освобожден от военной службы в связи с тем, что Чебоксарское уездное земское собрание избрало его мировым судьей. Он переехал жить в Чебоксары, которые покинул в декабре 1917 г. В ноябре 1917 г. проходили выборы в Учредительное собрание, С. Н. Николаев был избран депутатом от чувашского населения Чувашского, Цивильского, Ядринского уездов. Принять участие в Учредительном собрании ему не удалось, так как оно было распущено 6 (19) января 1918 г.

В годы революционных потрясений в Симбирске и губернии резко активизировали свою деятельность партии левого толка. Активно работал Симбирский комитет РСДРП, который

занимался прежде всего агитацией и пропагандой среди жителей. Партия социалистов-революционеров, наряду с мирными формами деятельности, осуществляла экспроприацию денежных сумм «на революционное дело». Организации эсеров действовали в Алатырском и Карсунском уездах, а также в Симбирске²⁶. Именно к данной политической силе и примкнул еще в 1905 г. С. Н. Николаев. Он участвовал в создании ученической организации эсеров в Симбирске, руководил забастовкой учеников семинарии и чувашской школы. Был редактором нелегального журнала учащихся, написал воззвание к учащимся школ Симбирска, которое было одобрено партийным комитетом и напечатано. В 1906 г. принял участие в нелегальном съезде чувашей, на котором была основана чувашская организация эсеров, а С. Н. Николаев был избран секретарем парткома и секретарем журнала «Хыпар». В 1906—1907 гг. он проводил занятия по «партийной линии» для учеников Жумковской женской гимназии.

После неудачной попытки участия в Учредительном собрании, Николаев вернулся в Симбирск. В марте 1918 г. он был назначен начальником чувашской секции в комиссариате просвещения Симбирской губернии, летом переехал в Самару, где занял должность секретаря Самарского комитета членов Учредительного собрания. Особое внимание в своих воспоминаниях С. Н. Николаев уделял председателю Учредительного собрания В. М. Чернову, лидеру эсеров: «Виктор Михайлович был силен как литератор и политический оратор, как отличный полемист, умевший поставить своих оппонентов в весьма затруднительное положение, из которого не все выпутывались. Но его положительным утверждениям и тезисам недоставало убедительности и твердости. Его статьи и речи всегда носили неопределенный характер и оставляли впечатление двойственности, недоговоренности»²⁷.

В октябре 1918 г., после прихода большевиков в Самару, С. Н. Николаев отправился в Уфу, затем в Челябинск, Екатеринбург. В путешествие по Сибири он был командирован Отделом народного образования Уфимской губернской земской управы «для ознакомления на местах с постановкой дела народного образования среди чувашского населения Сибири»²⁸. Мы не располагаем сведениями, насколько долго С. Н. Николаев находился

в командировке по Сибири. В ночь на 3 декабря 1918 г. в Омске он был арестован людьми адмирала Колчака как депутат Самарского комитета Учредительного собрания, не сложивший с себя полномочия. Проведя в тюрьме три недели, в ночь на 22 декабря он, как и другие политические заключенные, был отпущен в результате большевистского мятежа. После его подавления С. Н. Николаев вместе с «товарищами по несчастью» был вынужден вернуться в тюрьму. Благодаря прокурору Казанской судебной палаты Н. И. Миролубову, у которого учился С. Н. Николаев в университете, 27 декабря он получил формальное постановление прокуратуры об освобождении из-под стражи. 31 декабря 1918 г. он зарегистрировался в канцелярии Омской судебной палаты и получил разрешение проживать в Омске с супругой «до назначения его на должность мирового судьи»²⁹. Остаться в Омске было небезопасно: «Горя желанием поскорее выбраться из осинового гнезда и уехать от него подальше, попросил назначить меня во Владивосток»³⁰. Так 10 февраля 1919 г. С. Н. Николаев получил разрешение на выезд во Владивосток, чем и воспользовался, ведь еще 4 февраля 1919 г. он был назначен мировым судьей Владивостокского окружного суда³¹. До отъезда из Омска в подпольном комитете партии эсеров его снабдили в целях безопасности «паспортом на имя какого-то богородского мещанина Михаила Семёнова» с обозначением всех его примет³². Во Владивостоке он исполнял обязанности мирового судьи разных участков, пока в марте 1920 г. Приморской областной земской управой Временного правительства не был назначен членом Владивостокского окружного суда. В нем он занимался рассмотрением исков в понудительном порядке исполнения. В августе 1921 г. С. Н. Николаев был включен в состав присяжных поверенных Владивостокской судебной палаты³³.

Мысли об отъезде из страны не покидали С. Н. Николаева: «...оставаться здесь было безрассудно, отправляться на запад России, к родным местам, было еще безрассуднее. На “выбор” оставался только далекий Запад... благодаря содействию наших товарищей в Чехословакии вопрос с визой решился быстро и благополучно»³⁴.

В апреле 1920 г. С. Н. Николаев и его супруга получили свидетельство (взамен заграничного паспорта), разрешающее

выезд за границу по болезни. Но по этому свидетельству они границу не пересекли. Позднее в заграничном паспорте, выданном в декабре 1921 г., указано направление путешествия: Китай и Западная Европа. Талон о пересечении границы содержит только один штамп Владивостокского порта, откуда семья Николаевых выехала 29 января 1922 г. И только 31 марта 1922 г. они добрались до Праги, преодолев путь от Владивостока за два месяца³⁵.

Чехословакия: общественно-политическая деятельность в эмиграции

Эмигрантский период жизни С. Н. Николаева не связан с юридической практикой, но он оставался общественно активным членом эмигрантской общины, не прекращал партийной деятельности. С 1922 г. он работал в Объединении земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгор), состоял на службе в канцелярии, был секретарем Земгора³⁶.

Свою деятельность в Земгоре и его библиотеке С. Н. Николаев вел до 1933 г., получая за это жалованье: «...комитет Земгора имеет честь поставить Вас в известность (предупреждает Вас), что Ваша служба в комитете и его учреждениях заканчивается 15 марта. До указанного срока комитет принимает на себя ответственность за уплату причитающегося Вам по службе содержания»³⁷. Имеются сведения, что он продолжил заведовать библиотекой Земгора до 23 мая 1933 г., а затем входил в состав ликвидационной комиссии, за что получал заработную плату до конца 1933 г.³⁸

Семён Николаев был активным деятелем эмигрантской общины. Принимал активное участие в деятельности Русского заграничного исторического архива в Праге, входил в состав его совета, работал в ученой комиссии под председательством А. В. Флоровского³⁹.

Затем он заведовал обществом «Русская библиотека в Праге». Постепенное сворачивание «русской акции» помощи со стороны чехословацкого правительства и установление протектората Германии над Чехословакией больно ударили по русским эмигрантам. Протокол заседания общества «Русская библиотека в Праге» свидетельствует о том, что с января по июнь 1940 г.

С. Н. Николаев не получал жалованья, и неизвестно, получил ли он его за выполненный труд: «За отсутствием в настоящее время средств причитающееся С. Н. Николаеву вознаграждение в возмещение расходов за время с 1 января сего г<ода> числить должом Общества С. Н. Николаеву»⁴⁰.

Скромного жалованья едва хватало, чтобы прожить месяц. В архивном фонде содержится записная книжка, в которой С. Н. Николаев с января 1941 по май 1945 г. ежемесячно записывал семейные траты, и они составляли 1500—2000 крон. В мае 1945 г. он предусмотрительно оплатил проживание в квартире до конца года, о чем есть соответствующая запись⁴¹. В анкете-прошении, подаваемой для получения разрешения на проживание от немецких властей, он указывал свой заработок в размере 600 крон в месяц, которые он получал, находясь на посту директора русской библиотеки. Позднее отмечал, что работал в Русской ученой академии в Праге⁴² с окладом 600 крон в месяц⁴³.

Арест, тюрьма и ссылка

В конце Второй мировой войны перед многими российскими эмигрантами встал нелегкий выбор — остаться в Чехословакии и ждать советских войск или оправиться на Запад. Николаевы решили остаться: «...не манили нас на старости лет и условия беженского быта. С другой стороны, в порядке самоутешения хотелось верить, что советской власти незачем преследовать нас за проступки и преступления, если даже они и были совершены, по истечении почти трех сроков давности»⁴⁴. Их надежда не оправдалась: «Уже при виде мощи советской армии в день ее прихода в Прагу я совершенно отчетливо ощутил нависшую надо мной угрозу и затем, внимая ширящимся слухам об арестах и депортациях, ждал со дня на день визита агентов НКВД»⁴⁵. 24 мая 1945 г. С. Н. Николаев был арестован. В ходе допросов в Праге он понял, что, скорее всего, ему будут предъявлены три пункта «преступного» поведения: участие в эмигрантской печати, участие в КОМУЧе и деятельность в партии эсеров. В своих воспоминаниях он отмечает, что в дни ареста смог передать жене, чтобы она сожгла все, способное ему навредить: «В итоге погибло многое, что и не заслуживало учиненного аутодафе. Но в те минуты

не особенно думалось о том, что нужно уничтожить, а что оставить»⁴⁶.

Через некоторое время С. Н. Николаев вместе с группой русских эмигрантов был вывезен органами НКВД в Советский Союз. Протоколы допросов, с которыми ознакомился исследователь Г. А. Александров, свидетельствуют о том, что со временем С. Н. Николаев признал, что печатал антисоветские статьи в эмигрантских журналах, и уже 16 августа ему были предъявлены обвинения по статье 58 (пп. 4 и 11) Уголовного кодекса РСФСР⁴⁷.

24 сентября 1945 г. особое совещание при НКВД СССР за принадлежность к контрреволюционной организации приговорило С. Н. Николаева к пятилетнему сроку заключения, которое он провел в тюрьме во Владимире. Затем он был отправлен в бессрочную ссылку в Сибирь в село Богучаны. Отбывая срок в тюрьме, он все еще надеялся выйти на свободу, ближе к окончанию срока его мучили страхи и сомнения: «Я не сомневался, что после выхода из тюрьмы власти не выпустят меня за границу, к жене... Меня пугали стойкие слухи о том, что вышедшим из тюрьмы не разрешается жить в городах и что (это страшило еще больше) отбывших наказание не выпускают на свободу, а сразу же отправляют в ссылку в отдаленные места Сибири»⁴⁸.

В ссылке уже в преклонном возрасте С. Н. Николаев работал в жутких условиях. В советской трудовой книжке две записи: о том, что зачислен на работу в марте 1951 г. рабочим кирпичного завода и освобожден по собственному желанию в июле 1954 г.⁴⁹ В своих воспоминаниях, он подробно описывает годы, проведенные в Богучанах, указывая, что до конца 1950 г. работал истопником в Доме культуры, затем истопником в помещении столярной мастерской и только затем истопником на кирпичном заводе: «Иногда при совмещении разных видов работ, особенно летом, я доходил до изнеможения, и мои товарищи полушутя-полусерьезно говорили, что сегодня меня придется отнести домой на носилках»⁵⁰. Образование и опыт С. Н. Николаева сделали его персону объектом внимания со стороны ссыльных и коренного населения: к нему обращались с просьбой заполнить анкету, составить исковое прошение, кассационную жалобу или заявление по административному делу: «...примерно на третий год пребывания в Богучанах я решил брать некоторую плату, по мере

сил и возможностей моих клиентов»⁵¹. За годы ссылки он помог выиграть простым людям несколько судебных дел, советские кодексы материального и процессуального права он получил от брата из Москвы.

Во время пребывания в ссылке С. Н. Николаев писал письма жене в Прагу, брату Григорию Николаевичу Захарову в Москву и В. Д. Зарецкой в Ульяновск (предположительно сестра жены). Мы не располагаем сведениями, были ли получены письма адресатами, в своих воспоминаниях он отмечал, что все письма жене остались в районном управлении МГБ⁵². В апреле 1951 г. написал духовное завещание, черновик которого сохранился в его документах. Все свое имущество он завещал своей супруге, которая осталась в Чехословакии. Уже вернувшись в Прагу, он составил новое завещание, по которому в случае смерти жены наследство должны были разделить брат Михаил, проживавший в Сорочинске, и В. Д. Зарецкая из Ульяновска. Текст завещания перечеркнут: брат Михаил скончался в 1963 г. После издания указа Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. С. Н. Николаев неоднократно обращался в Главную военную прокуратуру, краевому прокурору с прошением об амнистии.

Свобода и возвращение в Чехословакию

После 10 лет, проведенных в неволе, прошение С. Н. Николаева было удовлетворено. 18 июня 1954 г. судимость с него была снята, он освобожден и направлен в Ульяновск⁵³. С. Н. Николаев в эмиграции не принял чехословацкого гражданства и жил по нансеновскому паспорту. После освобождения он долгое время пытался получить советский паспорт и разрешение на выезд в Чехословакию, этот вопрос он начал решать с московского ОВИР (отдела виз и регистраций), в котором ему дали понять, что без получения советского гражданства вопрос о выезде рассматриваться не будет. «Лицам без подданства и иностранцам мы никаких разрешений на выезд за границу, естественно, дать не можем» — такой ответ получил он в ОВИРе⁵⁴. Приехав в Ульяновск к сестре жены, он подал документы на получение советского гражданства и разрешения на выезд. Ходатайство было отклонено, и только повторное обращение уже в Министерство

внутренних дел РСФСР в Москве дало положительный результат. За время ожидания он навестил брата Михаила, проживавшего в Оренбургской области, и съездил на родину к брату Петру. В начале 1956 г. он получил временный паспорт и только 20 апреля этого же года заграничный паспорт с визой на выезд в Чехословакию. 5 мая 1956 г. С. Н. Николаев вернулся в Прагу, ему было 76 лет: «Свершилось чудо преестественное... Три года назад врачи и мои друзья удивлялись, как я не падаю замертво на боров кирпичного завода; три года назад каждый мой собеседник посмеялся бы мне в лицо, рискни я сказать ему, что вскоре получу свободу; еще год назад самые близкие мне люди считали мое намерение выехать за границу несбыточной мечтой и, пожалуй, даже непонятным легкомыслием. И вот я все-таки жив, относительно здоров, свободен и обретаюсь за границей»⁵⁵.

В Праге ему предстояло прожить еще 20 лет. В последние годы жизни, после смерти супруги (25 апреля 1968 г.), ему помогал сын его друга Георгий Алексеевич Овсянников, которому впоследствии он и завещал свой архив. Своих детей у него не было. 4 сентября 1976 г. в возрасте 96 лет С. Н. Николаев скончался. Реабилитирован в 1992 г. посмертно.

Выводы

Жизнь Семёна Николаевича Николаева — яркий пример того, как в судьбе человека отразились перипетии эпохи. Мальчик из крестьянской семьи, он смог получить образование, стать юристом, сделать карьеру судьи. Оставаясь верным своим убеждениям, после революционных событий 1917 г. он был вынужден покинуть родину. В эмиграции С. Н. Николаев включился в активную общественно-политическую деятельность. Арест советскими органами госбезопасности после окончания Великой Отечественной войны, тюрьма и ссылка в Сибирь не сломили его, он старался помогать людям, используя свой юридический опыт. Ему удалось получить амнистию и вернуться в Прагу к жене, где уже в преклонном возрасте он записал свои воспоминания, которые по объему занимают более 500 страниц. Собранные С. Н. Николаевым архивные материалы обширны и ждут своего исследователя.

Примечания

- ¹ Николаев С. Н. Воспоминания. Прага, 2015. С. 11.
- ² Климович Л. В. Григорий Леонидович Лозинский: интеллигент и общественный деятель Зарубежной России // Интеллигенция и мир. 2017. № 2.
- ³ Суслов А. Ю. Чувашский социалист-революционер С. Н. Николаев в период эмиграции (1920—1930-е годы) // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2; *Его же*. К биографии социалиста-революционера С. Н. Николаева (1880—1976) // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XVIII Международной научной конференции, Иваново, 3—4 апреля 2019 г. Иваново, 2019; *Его же*. Последний депутат Учредительного собрания: к биографии Семена Николаевича Николаева (1880—1976) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: сборник материалов XIII научно-практической конференции. М.; Вольск, 2019. Т. 2, вып. 13.
- ⁴ Записная книжка С. Н. Николаева // Národní Archiv ČR [Национальный архив Чешской Республики]. Fond 1634. Kart. 4. Inv. č. 37.
- ⁵ Александров Г. А. Был оклеветан на всю жизнь // Советская Чувашия. 1992. 26 июня; *Его же*. Назвался эсером — в тюрьму садись // Там же. 1996. 10 окт.; *Его же*. Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997. С. 144—146; Александров Г. А., Изоркин А. В. Николаев Семен Николаевич // Их имена останутся в истории. Чебоксары, 1994. Вып. 2.
- ⁶ Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008; Родионов В. Г. Общественно-политические взгляды чувашского публициста-эмигранта С. Н. Николаева // Политические преследования и репрессии 1920 — начала 1950-х годов в судьбах интеллигенции Чувашии: материалы межрегиональной научно-практической конференции (21 марта 2014 г., Чебоксары). Чебоксары, 2014.
- ⁷ Серапионова Е. П. Деятели Пражского Земгора // Славяноведение. 2015. № 4. С. 38.
- ⁸ Николаев С. Н. Указ. соч.
- ⁹ Как пример можно привести архивный фонд Г. Л. Лозинского. Подробнее см.: Климович Л. В. Григорий Леонидович Лозинский: интеллигент и общественный деятель Зарубежной России.
- ¹⁰ Метрическая выписка о рождении и крещении // Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 1.
- ¹¹ Краткая автобиографическая справка // Ibid. Inv. č. 11.
- ¹² Николаев С. Н. Указ. соч. С. 93.
- ¹³ Там же. С. 123.

- ¹⁴ Там же. С. 145.
- ¹⁵ Там же. С. 147.
- ¹⁶ Свидетельство о браке (повторное) // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 4.*
- ¹⁷ Определено по: Государственный архив Ульяновской области. Ф. 454. Оп. 2. Д. 7; Оп. 13. Д. 6; Оп. 23. Д. 45; Оп. 33. Д. 36; Оп. 42. Д. 37; Оп. 47. Д. 43. Далее: ГАУО.
- ¹⁸ ГАУО. Ф. 454. Оп. 42. Д. 37. Л. 54—57.
- ¹⁹ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 194.
- ²⁰ Формулярный список о службе старшего кандидата на должности по судебному ведомству при Симбирском окружном суде титулярного советника Семена Николаевича Николаева. Составлен 19 ноября 1915 г. // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 13.*
- ²¹ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 195.
- ²² Там же. С. 198.
- ²³ Там же. С. 235.
- ²⁴ *Климович Л. В.* Осмысление революции 1917 года молодым поколением российской эмиграции в 1920—1930-е гг. // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, Москва — Ульяновск, 16—18 марта 2017 г. М., 2017.
- ²⁵ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 236.
- ²⁶ ГАУО. Ф. 76. Оп. 9. Д. 57. Л. 73 об.; *Кузнецов В. Н.* Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906—1917 гг. Ульяновск, 2007. С. 64—67.
- ²⁷ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 302.
- ²⁸ Удостоверение, выданное С. Н. Николаеву Отделом народного образования У.Г.З.У. от 19.11.1918, № 4209 // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 14.*
- ²⁹ Удостоверение, выданное уполномоченным министром внутренних дел по реквизиции жилищ и разгрузке г. Омска // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 16.*
- ³⁰ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 363.
- ³¹ Выписка из приказа Министерства юстиции от 4 февраля 1919 года № 8 // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 19.*
- ³² *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 364.
- ³³ Свидетельство о внесении в списки поверенных от 20 сентября 1921 года // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 20.*
- ³⁴ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 411.
- ³⁵ Свидетельство, выданное взамен заграничного паспорта за неимением книжек // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 22.*

- ³⁶ Удостоверение о службе в канцелярии Земгора от 22 июля 1922 г. // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 23.*
- ³⁷ Письмо председателя Земгора С. Н. Николаеву от 5 марта 1933 г. // *Ibid.*
- ³⁸ *Potvrzení*, выданное Земгором о размере получаемого жалования // *Ibid. Kart. 4. Inv. č. 41.*
- ³⁹ *Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920—1940 гг.). Саратов, 2012. С. 226—227.
- ⁴⁰ Выписка из протокола № 3 заседания совета общества «Русская библиотека в Праге» от 5 июня 1940 г. // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 4. Inv. č. 41.*
- ⁴¹ Записная книжка С. Н. Николаева // *Ibid. Inv. č. 42*
- ⁴² Название *Wissenschaftliche Russische Akademie* было дано в начале 1942 г. Русскому народному университету, основанному эмигрантами в Праге.
- ⁴³ *Nikolaev Semjon* // *Národní Archiv ČR. Fond 1420. Kart. 7930. Inv. č. 540. Sign. 1172/4.*
- ⁴⁴ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 416.
- ⁴⁵ Там же. С. 417.
- ⁴⁶ Там же. С. 418.
- ⁴⁷ Уголовный кодекс РСФСР: в ред. 1926 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 19.10.2019); Казаков Николай: судьба политэмигранта // Союз чувашских краеведов. URL: <http://ru.schk.su/p/semen.html> (дата обращения: 19.10.2019).
- ⁴⁸ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 473.
- ⁴⁹ Трудовая книжка С. Н. Николаева // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 4. Inv. č. 6.*
- ⁵⁰ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С.497.
- ⁵¹ Там же. С. 501.
- ⁵² Там же. С. 486.
- ⁵³ Справка об освобождении из ссылки от 31 мая 1954 г. // *Národní Archiv ČR. Fond 1634. Kart. 1. Inv. č. 30.*
- ⁵⁴ *Николаев С. Н.* Указ. соч. С. 529.
- ⁵⁵ Там же. С. 554.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

Н. Н. Васильев

ПОЮЩАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Рец. на кн.: Судьба Наташи Гамаюновой
(оперная певица Н. Т. Измайлова):

документы и материалы / сост., ред., предисл.

В. А. Порозова; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т.

Пермь, 2019. 139 с.

Пермь в музыкальной культуре России

Одной из сфер многогранных научных интересов пермского интеллигентоведа В. А. Порозова является музыкальное краеведение¹. Этот интерес представляется закономерным, если учесть выдающиеся для российской провинции музыкальные традиции города Перми и Пермского края. Уместно вспомнить в этом контексте об истории одного из старейших театров в стране — Пермского академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского², о получившей всероссийскую известность в дореволюционном прошлом деятельности выдающегося организатора хорового дела А. Д. Городцова³ и опыте существования театральной дирекции при городской думе⁴, о развитии городской музыкальной среды, в которой сформировался талант С. П. Дягилева⁵, о пребывании в городе в годы Великой Отечественной войны Мариинского театра, композиторов С. С. Прокофьева и А. И. Хачатуряна⁶, о выдающихся успехах пермской балетной школы⁷.

Значительный интерес в этом плане представляет осуществляемый В. А. Порозовым цикл монографических исследований

© Васильев Н. Н., 2020

Васильев Николай Николаевич — заместитель директора по информационным технологиям, Саратовский полиграфкомбинат, vnn111@mail.ru (Deputy Director for Information Technologies, Saratov Polygraphic Combine).

жизни и творчества выдающихся солистов пермской оперы. Это изданные им воспоминания заслуженной артистки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР А. П. Григорьевой⁸, сборник документов, материалов и воспоминаний, посвященный выдающемуся русскому певцу, солисту петербургского и зарубежных театров, заслуженному артисту РСФСР М. Г. Шуйскому⁹ и, наконец, недавно вышедшая книга о заслуженной артистке РСФСР, лауреате Государственной премии СССР Н. Т. Измайловой и ее супруге, заслуженном деятеле искусств России Л. Н. Виссонове¹⁰, которые оставили яркий след в истории музыкального театрального искусства города Перми и Пермского края.

Предпринятые исследования тем более интересны, что изучение с позиций интеллигентоведения жизни и деятельности артистов и музыкантов встречается нечасто, много реже, чем, скажем, ученых, писателей, политиков. Тем более если речь идет не о столичных мастерах, а о деятелях российской провинции.

Судьба Наташи Гамаюновой

Книга состоит из четырех разделов. Первый посвящен началу жизненного пути и становлению певицы. Второй — творчеству ее мужа, известного хормейстера. Третий раздел озаглавлен «Пермский триумф»: в нем раскрывается жизнь певицы в период расцвета творчества, ее многосторонняя общественная, а также педагогическая деятельность. В четвертом — «Память» — собраны документы и материалы последних лет.

Книга имеет определенную драматургию. Напряженность создает приведенный в начале первого раздела очерк усть-каменогорского журналиста о талантливой девочке-гимназистке, которая на концертах в местном народном доме исполняла классический репертуар. Но что с ней стало потом, в городе не знали, и автор предположил возможность трагического конца, тем более что отец гимназистки Наташи Гамаюновой был священником, репрессированным в послереволюционные годы. Однако в тяжелых условиях революции, Гражданской войны, нэпа и тридцатых годов русская интеллигенция выжила сама и сумела сохранить главные ценности отечественной культуры. Это убедительно показано на примере судеб героев книги.

Наталья Терентьевна Виссонова-Измайлова родилась в 1899 г. в городе Семипалатинске. Вскоре после ее рождения семья переехала в Усть-Каменогорск (бывший уездный город Семипалатинской губернии, ныне областной центр Восточно-Казахстанской области). Окончив женскую гимназию в 1918 г., поступила в Томский университет, но не окончила его по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам.

Еще с детства она мечтала получить музыкальное образование, и эта мечта начала осуществляться в 1925 г., когда Наталья Терентьевна поступила в Томский государственный музыкальный техникум, который окончила в 1929 г., получив специальность вокалиста-исполнителя и вокалиста-педагога. По окончании музыкального техникума она осталась в нем младшим педагогом по классу сольного пения. Однако педагогическая работа не принесла ей удовлетворения: страстно хотелось испробовать свои силы в сценической деятельности. И вот в 1931 г. она поступила в Западно-Сибирскую краевую оперу в качестве артистки хора и исполнительницы маленьких партий. В 1934—1935 гг. работала в Новосибирском краевом радиокомитете солисткой.

В 1935 г. Наталья Терентьевна вместе с мужем Л. Н. Виссоновым приглашены в Пермский (Молотовский) театр оперы и балета. В годы Великой Отечественной войны Н. Т. Измайлова была принята в Ленинградский театр оперы и балета и работала в нем до дня его эвакуации из Перми в Ленинград. За это время проведено много концертов для воинов Советской армии в госпиталях, в воинских частях. Певица была участницей фронтовой бригады, выступавшей как на фронте, так и в Ленинграде, куда артисты прибыли сразу после прорыва блокады, когда в городе еще рвались фашистские снаряды.

На сцене Н. Т. Измайлова спела очень много партий как классического, так и современного репертуара — все, о чем только могла мечтать певица ее поколения, обладающая меццо-сопрано, получила высшее для российской провинции тех лет признание. Она исполняла весь ведущий классический и современный репертуар. В 1945 г. певице присвоено звание заслуженной артистки РСФСР, а в 1947 г. — лауреата Государственной премии СССР. За успехи в развитии советского искусства в 1946 г. она была награждена орденом Трудового Красного

Знамени. Современники отмечали, что артистка создавала сценические образы натур сильных, волевых, непокорных, бунтующих, умеющих противостоять судьбе и обстоятельствам. В то же время она была способна на разноплановость, характерность.

«Искусство Измайловой развивалось как бы в двух направлениях, — пишет историк пермской оперы К. З. Витвицкий. — С одной стороны, она постоянно и требовательно совершенствовала профессиональное мастерство, чтобы вокальные трудности не были препятствием в осуществлении содержательных задач роли. Для ее голоса, красивого, большого диапазона, со звонким форте и на редкость выразительным пиано, казалось, не существовало технических трудностей: она все могла, все умела выразить пением. С другой — ее вокальное совершенство в сочетании с высокой музыкальной и общей культурой давало ту гармонию неразрывности пения и сценического действия, которая позволяла ей не только спеть партию, но и создать образ»¹¹.

Человек бесспорного таланта, огромной работоспособности, кристальной честности, широкой души, актриса пользовалась огромным авторитетом среди руководства, коллег, зрителей с самым разным уровнем культуры и восприятия. В книге хорошо показано «общественное лицо» русского интеллигента тех лет, если использовать терминологию советского времени. Певица добросовестно выполняла многочисленные обязанности: от депутата областного совета до члена месткома театра — руководящего органа первичной организации профсоюза.

В 1957 г. певица покинула оперную сцену, выйдя на пенсию, но не рассталась с музыкой, продолжала жить в мире искусства: состояла членом художественного совета театра, руководила хоровым обществом Пермской области, возглавила вокальный кружок студенческого клуба Пермского государственного университета. И здесь ее выдающиеся душевные качества вновь проявились с необыкновенной силой. Мало того что молодежный самодеятельный коллектив Н. Т. Измайлова подняла на профессиональный уровень, о чем свидетельствуют уникальные программы и целые оперные постановки тех лет, вокруг вокального класса сложилась особая творческая студийная атмосфера, которая сделала и его легендой пермской культуры. За десять лет в университете Наталья Терентьевна вырастила не одно поколение

самодеятельных певцов. В их души она вложила весь талант педагога, благодаря ей они проникли в большой мир искусства.

Муж Натальи Терентьевны, с которым многие годы была связана ее личная и творческая жизнь, Леонид Николаевич Виссонов — выдающийся музыкант, педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР. Он родился в 1876 г. в Омской губернии. Окончил духовную семинарию, а затем, в 1903 г., юридический факультет Томского государственного университета. С детства занимался музыкой, учился в музыкальных классах, в 1914—1916 гг. — в Петербургском музыкальном институте. По собственному желанию оставил службу (недолгую в окружном суде и более полутора десятилетий на железной дороге) и профессионально занялся музыкой. Его творческая деятельность оставила замечательный след в культурной истории Томска. В 1922—1925 гг. он дирижер-хормейстер томской оперы и новосибирской оперетты. В 1925—1931 гг. — заведующий Томским музыкальным техникумом, в котором преподавал в классах: оркестровом, хоровом, вокального ансамбля. Затем вновь работает дирижером-хормейстером в Иркутске и Новосибирске.

С 1935 г. Л. Н. Виссонов является дирижером-хормейстером Пермского театра оперы и балета, а с 1941 г. его главным хормейстером и творческим лидером в тяжелые годы Великой Отечественной войны, когда в связи с приездом Ленинградского театра им. Кирова Пермский театр оперы и балета был расформирован и вновь воссоздан буквально в считанные месяцы. При этом Л. Н. Виссонов, назначенный на должность главного хормейстера театра, работал практически и как дирижер, и как руководитель созданного для концертных выступлений струнного квартета. Музыкант продолжал работу в театре в должности главного хормейстера до конца жизни (1958 г.), обеспечивая деятельность хора и в случае необходимости дирижируя оркестром.

Для Натальи Терентьевны Измайловой и Леонида Николаевича Виссонова, как творческих личностей и выдающихся деятелей культуры, были свойственны целеустремленность, высокий профессионализм и требовательность к себе, а также сила духа и твердость характера в сочетании с душевностью, порядочностью и социальной позитивностью (отношение к коллегам, общественная активность и ответственность).

Музыка. Театр. История

По форме рассматриваемая книга представляет собой сборник документов и материалов о жизни и творчестве талантливых, выдающихся деятелей музыкально-театрального искусства. По сути это монография: документы из личных архивов родственников Н. Т. Измайловой и фрагменты из ранее осуществленных публикаций разных авторов подобраны и систематизированы таким образом, что составляют связное повествование и воспринимаются как единый текст.

Жизнь и творчество музыкантов показаны на широком историческом фоне. Это революция и Гражданская война, героические первые пятилетки, Великая Отечественная война, активная творческая и общественная деятельность советских людей в 1950—1960-е гг. Материалы о Л. Н. Виссонове, представленном в книге лишь спутником жизни известной певицы, вызывают не меньший интерес, чем повествование о главной героине: работа хормейстера часто не видна непосвященному человеку и остается за кадром. Таким образом, в книге в определенной мере восстанавливается историческая справедливость.

Яркость и убедительность материалов исследования усиливаются многочисленными фотографиями — фотодокументами, которые удачно систематизированы и органично включены в книгу. Они, придавая наглядную образность описанию жизни и творчества выдающихся деятелей культуры, доставляя этому описанию человеческую теплоту, к тому же восполняют некоторую содержательную ограниченность текстовых материалов, оставляющих немного в тени частную жизнь Н. Т. Измайловой и Л. Н. Виссонова, которая, несомненно, важна для понимания формирования и развития их как творческих личностей, выдающихся артистов.

Рецензируемая работа, безусловно, является ценным научным вкладом в региональную культурологию. Она вводит в научный оборот очень важные для истории Пермского края и российского театрального музыкального искусства материалы, показывающие, какие огромные ценности были накоплены в культурной жизни Перми в относительно недавнем прошлом¹². Это чрезвычайно актуально сегодня, когда вновь предпринимаются попытки начать культурный процесс заново, по западным лекалам, без учета местного опыта и традиций.

Высокое искусство в наше время очень нуждается в защите и пропаганде. А для этого прежде всего необходима защита нашей национальной и цивилизационной культурно-исторической памяти. Свою лепту в это важное дело вносит и рассматриваемая книга.

Особо следует отметить предисловие к книге — авторский текст составителя и редактора. В нем ярким и образным языком жизнь и творчество Н. Т. Измайловой и Л. Н. Виссонова освещаются с позиции интеллигентоведения, тонко подмечаются личностные черты, характеризующие артистов как выдающихся русских интеллигентов, показавших пример того, как «нужно честно делать свое дело, любить людей и ничего не строить на лжи»¹³.

Рассматриваемое издание предпринято в достаточно интересной исторической ситуации. Дело в том, что в последние годы Пермский театр оперы и балета находится в центре внимания музыкальной общественности (и не только музыкальной) в связи с художественным руководством небезызвестного Теодора Курентзиса¹⁴. Этот широко разрекламированный музыкант чужд духу и традициям российского музыкального театра, он представляет один из творческих элементов, культивируемых зачастую на деньги, которые целенаправленно поступают из зарубежных фондов для разрушения нашей российской отечественной культуры. Причем нередко обнаруживается и небескорыстная любовь представителей власти к «новым веяниям» в искусстве. Такие явления, к сожалению, печальные и пагубные следствия глобализации. Об этом, кстати, не раз писал и автор-составитель анализируемой книги¹⁵.

На данном фоне ярко видна особенная ценность книг мемориально-документальной серии, издаваемых доцентом Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета В. А. Порозовым, которые вновь и вновь показывают, что российской культурой, в том числе культурой провинциальной, накоплен немалый художественный багаж, без которого творческое продолжение жизни и развитие отечественного искусства невозможно.

Интеллигенция и вокал

Создателем и хранителем основополагающих культурных ценностей является русская интеллигенция, в частности интеллигенция поющая — настоящие певцы, берегущие и доносящие до слушателей высокую музыкальную классику. При достойном, трепетном к ней отношении эта классика формирует и соответствующий характер, и соответствующую жизнь.

На одной из ивановских конференций молодой интеллигент из Костромы, рассказав о своем участии в работе оперного кружка, заявил буквально следующее: «Пока я жив, я буду заниматься оперно-вокальным искусством и пропагандировать его!» За невольной улыбкой присутствующих последовали нескрываемое уважение и уверенность в том, что пока люди так самоотверженно берегут отечественную оперу, будет жить и русская интеллигенция.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Порозов В. А.* Пермь музыкальная на страницах мемуарной прозы Михаила Осоргина // В поисках истины: интеллигенция провинции в эпоху общественных потрясений: материалы научно-практической конференции. Пермь, 1999; *Его же.* Пермь музыкальная / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2004. Кн. 1: По улице Сибирской; *Его же.* Музыкальные дома Перми // Пермский дом в истории и культуре края: материалы научно-практической конференции. Пермь, 2008; *Его же.* Очер музыкальный // Строгановское историческое собрание. Пермь, 2009. Вып. 4; *Его же.* Заслуженные артисты в пермской опере 1940-х годов // Пермский сборник. Пермь, 2017. Кн. 4; *Его же.* Рецензии // Территория Пермь: информационно-аналитическая газета. 2015. 28 дек. (№ 11).
- ² *Келлер И. И., Кокурина А. С., Надеждин Ю. Ф.* Пермский орден Трудового Красного Знамени государственный академический театр оперы и балета им. П. И. Чайковского. Пермь, 1971; *Витвицкий К. З.* Артисты пермской оперы. Пермь, 1987.
- ³ *Ефремов И. В.* Подвижник народной культуры А. Д. Городцов. Пермь, 1983; *Семенов В. Л.* А. Д. Городцов: жизнь, отданная народу. Пермь, 2012.
- ⁴ История Урала в период капитализма / под ред. Д. В. Гаврилова. М., 1990. С. 406—407; *Сидорчукова Л. Г.* Расцвет пермской оперы // Пермь от основания до наших дней: исторические очерки. Пермь, 2000. С. 133—138.

- ⁵ *Брезгин О. П.* Сергей Дягилев. М., 2016. С. 24—72; *Схейен Ш.* Сергей Дягилев: «Русские сезоны» навсегда: пер. с нидерл. М., 2016. С. 29—47.
- ⁶ Урал — фронту / под ред. А. В. Митрофановой. М., 1985. С. 267—268; *Порозов В. А.* Великие композиторы XX века в истории города Перми // Шостакович и музыкальная культура новейшего времени: материалы краевой научной конференции. Пермь, 2006.
- ⁷ *Коробков С. Н.* Путь в большой балет: семь уроков в Пермском хореографическом училище. Пермь, 1989; *Чернова Т. П.* Рождение лебедя: слово о Пермском хореографическом училище, его педагогах и питомцах. Пермь, 2001.
- ⁸ *Григорьева А. П.* Путем Станиславского: воспоминания оперной певицы / подгот. текста, ред. и предисл. В. А. Порозова; Перм. гос. пед. ун-т; Перм. отд-ние СТД РФ (ВТО). Пермь, 2010.
- ⁹ Русский певец Михаил Шуйский: документы. Материалы. Воспоминания / сост., ред., предисл. В. А. Порозова; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2012.
- ¹⁰ Судьба Наташи Гамаюновой: (оперная певица Н. Т. Измайлова): документы и материалы / сост., ред., предисл. В. А. Порозова; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2019.
- ¹¹ *Витвицкий К. З.* Указ. соч. С. 56.
- ¹² *Порозов В. А.* Генезис пермского художественно-культурного феномена // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3, Гуманитарные и общественные науки. 2013. Вып. 1.
- ¹³ Судьба Наташи Гамаюновой... С. 12.
- ¹⁴ *Исаков А.* Под гул аплодисментов: агония Пермского театра оперы и балета. URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/articles/perm-agony-2017/> (дата обращения: 19.09.2019); *Каюков К.* Эффект кукушонка: Теодор Курентзис как мнимая и реальная угроза петербургскому культурному болоту. URL: <https://interessant.ru/culture/effiekt-kukushonka-tieodor> (дата обращения: 20.09.2019).
- ¹⁵ *Порозов В. А.* Интеллигенция и опера: страсти по «Тангейзеру» // Интеллигенция/интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития: материалы XXVI Международной научно-теоретической конференции. Иваново, 2015; *Его же.* Теодор Курентзис как миф // Современные аспекты диалога литературы, музыки и изобразительного искусства в пространстве отечественной культуры: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2018.

В. А. Порозов

**ТРИДЦАТАЯ МЕМЕТОВСКАЯ
30-я Международная
научно-теоретическая конференция
«Интеллигенция и интеллигентоведение
в начале XXI века: результаты и перспективы»,
Иваново, 26—27 сентября 2019 г.**

Очевидное посвящение

Ежегодно проводимые конференции являются важным событием в функционировании НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете, межвузовского совета «Интеллигенция. Культура. Власть», всей ивановской научной школы интеллигентоведения. Эти новаторские по сути явления научной жизни — детища доктора исторических наук, профессора Валерия Сергеевича Меметова (1939—2019).

Всем, кто знаком с историей российского интеллигентоведения вообще и ивановской научной школы в частности, легко догадаться, что юбилейная, впечатляющая по счету — тридцатая! — конференция была посвящена памяти корифея данного научного направления. Он очень ждал этого знаменательного события. Очень. Но не судьба: мы встретились буквально через полтора месяца после его ухода из жизни. Впрочем, такие люди не уходят совсем: они всегда с нами, в наших мыслях, в наших делах.

Об этом, находя самые трепетные, идущие от сердца слова, говорили буквально все участники конференции — и на официальных заседаниях, и у могилы учителя и друга, где побывали

© Порозов В. А., 2020

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, porozov_va@perm.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian and Pedagogical University).

практически всем составом, и в ходе традиционного выезда в Плёс. Вряд ли стоит останавливаться на данном обстоятельстве подробнее: об этом уже сказано и написано немало, а будет еще больше, ведь без издания памятной книги о В. С. Меметове, например, его учеников и коллег представить вообще невозможно. Но не менее важно было сохранить на достойном уровне заданную планку научного мышления форума. Как представляется, собравшейся старой гвардии «меметовцев» это удалось.

Начало

Впрочем, и сборник материалов конференции открывает очередная статья *В. С. Меметова*. Ее тема сверхактуальна для науки и практической деятельности: это взаимоотношение интеллигенции и власти — «Российская интеллигенция и правящая элита: проблемы взаимодействия и взаимовлияния». Так что наставник был с нами. Скрупулезно соблюденные рамки объема статьи не помешали, как всегда, ни междисциплинарному подходу (история, политология), ни глубокой эрудиции (цитирование Ю. Г. Кургунюка, О. В. Гаман-Голутвиной, С. С. Секеринского, воспоминания об общении с Л. С. Леоновой, С. А. Кислицыным). Автор обращает внимание на параллельный и взаимовлияющий характер формирования интеллигенции и правящей элиты, по крайней мере в условиях России. Архиважным признаком, необходимым для вхождения и в ту и другую социальную группу, является образование, причем большую организующую роль всегда играло государство. Отсюда следует весьма оптимистичный вывод: в сфере морали и нравственности «схожие и близкие существенные черты» все-таки есть¹. Интересен и взгляд ученого на сходство и различия элитного и элитарного образования. Хотя к рубежу XIX—XX столетий эти системы сближаются и все более заметную роль начинают играть выборные представительные учреждения, в процессе рекрутирования правящей элиты большее значение имеет образование именно элитарное. В общем, даны новые ориентиры для исследовательской работы на годы вперед.

Пленарное заседание открыл исполняющий обязанности декана исторического факультета Ивановского государственного университета *В. М. Тюленев*. Помимо общей сквозной скорбной

темы, он сразу же подчеркнул светлые грани личности ушедшего из жизни ученого, а все они, по сути, таковыми и были. Выразив однозначное желание сохранить все достижения научной школы, декан подчеркнул, что школа эта — явление всероссийское и поработать в плане ее сохранения нужно не только ивановцам.

Слово для приветствия было предоставлено исполняющей обязанности ректора Ивановского государственного университета *С. А. Сырбу*. Она справедливо подчеркнула значимость интеллигентоведческой школы В. С. Меметова для прошлого, настоящего и будущего Ивановского университета, назвав ее настоящим бриллиантом в коллекции научных школ вуза. Светлана Александровна выразила благодарность иногородним участникам конференции, в столь непростых условиях нашедшим возможность приехать в Иваново, чтобы лично почтить память выдающегося ученого и продолжить его важное дело. Впрочем, часто встречающееся в последнее время выражение «исполняющий обязанности» вновь подчеркивало сложность обстановки, и участники конференции, возвращаясь к данному моменту в кулуарном общении, от души пожелали нашей системе образования и науки вообще и ивановской в частности максимальной стабильности и прочности позиций. Напомнив о непростых, даже трагичных эпизодах истории журнала «Интеллигенция и мир» как выдающегося детища В. С. Меметова, нынешний глава университета пообещала ваковскому изданию всемерную поддержку. Многие ученики профессора Меметова, отметила С. А. Сырбу, успешно поднимаются по социальному лифту, но все понимают, что планка самого ученого достаточно высока. Однако вуз в содружестве с Нижним Новгородом сохранил ученый совет историков, есть он и у филологов, повышаются зарплаты преподавателей, все, кажется, встает на свои места. Надо найти компромисс с новым поколением студентов. Надо сохранить все лучшее и двигаться вперед.

Продолжение

Ведшая пленарное заседание профессор *Г. А. Будник* (Иваново) поделилась воспоминаниями об одной из последних, буквально летних, встреч с В. С. Меметовым, когда они вместе по именам вспомнили всех присутствовавших в зале заседаний

конференции, их вклад в научный фонд интеллигентоведческого НИИ, а также личные изюминки, проявлявшиеся в ходе ежегодных конференций. В изданном к конференции сборнике Г. А. Будник совместно с В. В. Комиссаровым подготовила статью, как раз и показывающую вклад Валерия Сергеевича в становление интеллигентоведения как самостоятельной отрасли знания.

Еще более фундаментальным выступлением на эту тему стало слово известного участника ивановского сообщества, достойно представляющего Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, профессора *И. В. Купцовой*. Оно основывалось на статье, опубликованной в журнале «Клио» в связи с восьмидесятилетием В. С. Меметова². В данном случае Ирина Валентиновна подчеркнула, что все участники ивановских конференций стали ее соавторами, а основная концепция статьи подсказана ассоциацией А. А. Соловьева (Кострома), назвавшего Валерия Сергеевича емким словом «Мастер». Заново просмотрев тридцать сборников, изданных к конференциям, все монографии мэтра и ивановского сообщества, профессор Купцова вновь убедилась, что В. С. Меметов полностью этой характеристике соответствовал, ибо, во-первых, Мастер — это человек превосходно знающий свое ремесло, а во-вторых, это неутомимый творец, открывающий новые горизонты. Именно таким и являлся профессор Меметов, что в очередной раз было убедительно доказано.

Одной из проблем в широчайшем спектре интеллигентоведческой Мекки, как не без некоторого пафоса были квалифицированы ивановские конференции, стала и заявленная ныне *И. В. Купцовой* тема «Образ “другого” в сознании художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны». Речь идет о превращении в условиях войны образа «другого» в образ врага, примером является Германия. Участие деятелей российской культуры в «антинемецкой кампании» вступало в противоречие с уважением к немецкой культуре и ее творцам. Рассмотрены сложные пути указанной трансформации, выбор их во многом определялся субъективными факторами.

Памяти одного из старожилов-основателей ивановского интеллигентоведческого сообщества Маргариты Ионовны Кондрашёвой посвятила свое проникновенное выступление *Р. Т. Москвина* (Екатеринбург). Уральский профессор-историк

М. И. Кондрашёва вновь предстала в данном выступлении и в опубликованной статье как талантливый ученый, а также как достаточно типичный представитель советской интеллигенции в ее самых лучших, вневременных качествах. Особо отмечены душевные качества Маргариты Ионовны, которую обожали студенты. От персоналии Р. Т. Москвина удачно перешла к обобщениям, ибо «обращение к проблеме истории интеллигенции формирует совершенно уникальный тип исследователя, когда в ученом происходит слияние в одном лице субъекта и объекта научного исследования»³. Важную роль в становлении и деятельности ученого-гуманитария играют научные конференции — те дающие мощные импульсы площадки, где и происходит становление науки. С сожалением отмечено, что привычный нам тип личности ученого уходит из жизни, но ведь и то, что закладывается в компьютер, зависит от личности. Как-то бы сохранить в этих личностях «энергетику добра и красоты».

Для сбережения этих основополагающих качеств немало делают ветераны. О деятельности их столичного совета рассказала профессор Э. Б. Еришова (Москва). На убедительных примерах ею показано, что это круг подлинных интеллигентов, которые по-прежнему живут полной, насыщенной, важной для общества жизнью.

Кульминация

Тон нынешней дискуссии задал *Н. Н. Васильев* (Саратов), и почти все последующие ораторы с согласием или возражениями упоминали выступление саратовского интеллигентоведа. Раскрывая тему «Социокультурная болезненность российского общества и эволюция интеллигенции», Н. Н. Васильев снайперски попал и в актуальные болевые точки российской действительности, и в понятные, несколько мрачноватые аспекты всей конференции. Он прямо заявил, что общество, по его мнению, находится в болезненном состоянии. Это относится и к России, и к Западу, и к нашим ближним соседям. Начиная с конца 1970-х гг. наша жизнь — это непрерывная череда кризисов. Теперь острота болезни вроде бы снята, но длительность этого вялотекущего состояния («стабильной болезненности») не менее опасна. Люди перерождаются, оптимистическая перспектива исчезает. В опубликованной

статье дана классификация болезненных явлений, влияющих как на общество в целом, так и на формирование интеллигенции в частности, и предрекается «если не разрыв, то сильный излом в истории интеллигенции»⁴.

Данное обстоятельство чревато особо неприятными последствиями для молодежи: происходящие эволюционные трансформации могут оказаться катастрофическими. Беспринципность, коррупция, продажность становятся нормами жизни. И это не явления, как объявлялось раньше, привнесенные извне: люди в этих условиях рождаются, растут, формируются. С соответствующими ориентирами они получают власть, но не имеют необходимых моральных устоев, и взять их будет негде. Сегоднешняя интеллигенция становится нафталином (выражение оратор взял из мало кому известной «Карнавальной ночи — 2» Э. Рязанова) и будет представлять в лучшем случае лишь вызывающий некоторое уважение исторический интерес. Конечно, есть и среди молодежи удивительные, поистине трепетные люди, не потерявшие столь важной для интеллигента души, но таких людей мало и не они будут определять положение. Н. Н. Васильев не устает повторять, что еще есть возможность вернуть ситуацию в управляемое состояние. Нужно вернуть в систему образования процесс воспитания, система эта не должна превратиться в «оказание образовательных услуг». Нельзя также смешивать интеллигенцию и интеллектуалов: уж слишком мы добры. Интеллектуал — профессионал, озабоченный самореализацией с личной пользой, моральная сторона деятельности для него не важна. Именно в интеллектуалов и перерождается интеллигенция. Этому может противостоять активное выражение социальной позиции, общественная активность, что пока ярко проявляется лишь у протестного электората, но моральный уровень его представителей отнюдь не безупречен.

К счастью, в устном выступлении оратор не упомянул «попавшего» в его статью термина «интеллигент-фашист», а участники конференции не успели обратить на это внимание, иначе бы для дискуссии вообще никакого времени не хватило.

Как всегда, с интересом и нетерпением ожидалось выступление профессора *И. В. Сибирякова* (Челябинск). Свой высокий авторитет у постоянных участников конференции ученый завоевал,

в частности, блестящими импровизационными выступлениями. В этот раз (впрочем, уже не в первый) слово челябинского исследователя было подчеркнуто академичным и не выходящим в принципе за рамки опубликованной статьи «Основные функции российской интеллигенции в эпоху цифровой революции». Автор продолжает в ней исследование проблемы формирования основ нового цифрового общества и внимательно следит за воздействием этих основ на облик современной интеллигенции. Цифровая революция начала «очень мучительный и болезненный процесс смены социальных ролей и функций»⁵. «Включенное наблюдение» исследователя зафиксировало как почти ироничное восприятие нового глобального явления со стороны многих представителей российской интеллигенции в последние десятилетия прошлого века, так и слабое представление стратегии своего социального выживания у значительной части интеллигенции дней сегодняшних. Особо выделяются три проблемы: стремительное сокращение традиционных мест работы и радикальная деформация привычной для старой классической интеллигенции среды; потеря монополии интеллигенции на многие востребованные широкими слоями населения сегменты информации; разрушение системы социальных связей, через которые прежняя интеллигенция интегрировалась в индустриальное общество. Рассматриваемые следствия воздействия указанных факторов на привычные координаты жизнедеятельности интеллигенции оказываются для нее поистине катастрофичными.

И. В. Сибиряков говорит о необходимости комплексного многомерного исследования происходящих изменений и предлагает его наиболее интересные направления, включающие поиск новых технологий («речь идет о системах ценностей и смыслов... которые должны подвергаться почти непрерывной модернизации»), создание нового языка («в качестве универсального инструмента коммуникации между механизмами, животными, различными группами населения»), новых жанров, видов и стилей искусства, базирующихся на новых технологиях⁶. Неожиданный переход к проблеме выделения и сохранения наиболее важной информации в нарастающем потоке «информационного мусора» и возложение решения этой проблемы на «новую российскую интеллигенцию» уже, к сожалению, не изменили весьма пессимистической картины

будущего данного социального слоя, тем более проблематичного в случае успеха предлагаемого «исследования».

Не более оптимистичен был и прогноз, озвученный по просьбе коллег. Будущего ивановской научной школы интеллигентоведов Игорь Вячеславович не видит, ибо лидера такого масштаба, как В. С. Меметов, мы больше не найдем. Впрочем, модернизированной и «оцифрованной» интеллигенции в целом шанс на трансформацию и существование в каких-то новых качествах и смыслах все же оставлен.

Стабильность

Выступления других участников конференции были менее радикальными и уже тем самым внушали некую стабильность и оптимизм.

О. В. Шимельфениг (Саратов) подвел некоторый итог сотрудничества — сотворчества! — с ивановским центром интеллигентоведения саратовских ученых. Мы вновь услышали о том, что Саратов — это не только город Ф. И. Авруса (для интеллигентоведов комментарии излишни), это еще и место создания и деятельности Саратовского регионального общественного фонда «Фонд научных и культурных инициатив межконфессионального сотрудничества», возглавляемого в свое время Л. Я. Солодовниченко, а также Оргкомитета по проблемно-деловым играм, сформированного по инициативе О. В. Шимельфенига при Поволжском отделении Российского философского общества. Вместе с Н. Н. Васильевым и А. С. Майоровой они осуществили при поддержке В. С. Меметова в Ивановском университете более сорока научных публикаций. Развитие и популяризация игровой деятельности, которая никогда не умрет, дает еще один шанс на «бессмертие» организующей ее интеллигенции.

После экскурсов в творчество Д. С. Мережковского и В. С. Розова не в первый раз предстал в качестве историка ответственного кинематографа *А. В. Зябликов* (Кострома). Ныне, разумеется, с позиции интеллигентоведения речь шла об образе инженера в советском кино 1930—1940-х гг. Важной темой того времени была тема «антивредительская», а среди «неблагонадежных» профессий самой удобной для обличения вредительства

оказалась профессия инженера, на которого легко было списать допущенные в ходе социалистического строительства ошибки и просчеты. Констатацией иллюстрирующих эту концепцию эпизодов и сюжетных ходов из фильмов «Встречный» (1932), «Дела и люди» (1932), «В поисках радости» (1939), «Непобедимые» (1942) слушатели не удовлетворились и попытались разобраться, насколько искренними в своем творчестве были создатели этих фильмов, пусть даже выполнявшие социальный или правительственный заказ. Окончательного ответа на этот вопрос пока нет.

Изучение общественных движений в начале XX в. продолжает *А. Н. Кураев* (Москва). В этот раз он представил данные об организациях феминистского направления, таких как Женская прогрессивная партия, Союз равноправности женщин. В устном выступлении была подчеркнута точка зрения исследователя на эффективность женского движения, которая выше, когда женщины участвуют в общих с мужчинами организациях и движениях, нежели когда создают свои. Как всегда, открыто и прямо *А. Н. Кураев* выразил свое мнение по поводу сегодняшней ситуации в интеллигентоведении. Он напомнил, что конец и этой отрасли знания в целом, и ивановской школе в частности предсказывали уже не раз. Однако прогнозы эти не сбывались.

Настоящей звездой тридцатой ивановской конференции стала профессор Ивановского государственного химико-технологического университета, декан гуманитарного факультета ИГХТУ, руководитель Научно-исследовательского и проектного центра *А. А. Тарковского Е. М. Раскатова*, пропустившая по ряду причин несколько предыдущих интеллигентоведческих собраний. Ее долгожданное выступление в традиционном для ученого русле состоялось на тему «“Искусство возможного”: политическая система поздней советской эпохи в *личных* историях». Это был каскад эрудиции, свежих методологических подходов (*микроистория*, *устная история*, *новая биографическая история* и т. п.), незаурядной памяти, отличной ориентации в официальных документах, классических и новейших исследованиях, «мемуарном буме» 1990—2000-х гг., а также блестящего сочетания академизма и импровизации.

Так, рассказанные истории «дела старшего редактора *Е. И. Малыхиной*» и «случая *В. Виноградова*» в Министерстве

культуры РСФСР были поданы с мастерством захватывающего детективного сюжета. Е. М. Раскатова убеждена, что для исследования влияния «микропроцессов» на «тектонические сдвиги истории» до настоящего времени не раскрыт потенциал ни официальных документов, ни тем более маргиналий — записочек, карандашных правок, реплик в протоколах и пр. Не менее интересны и увлекательны были воскрешенные Еленой Михайловной страницы истории меметовского научного центра.

Активное участие в конференции приняли, как всегда, ученые из других вузов города Иваново — *С. М. Усманов, О. Ю. Олейник, К. А. Юдин* и, конечно же, комиссар-организатор и ивановского интеллигентского сообщества в целом, и его конференций в частности *В. В. Комиссаров*.

Постскрипtum

Расставались же не только с теплыми, но и щемящими чувствами. Конечно, Валерий Сергеевич Меметов был бы рад: все состоялось, все получилось. Но состоится ли тридцать первая? Будет ли жить НИИ, журнал, основанный мэтром межвузовский совет? Вроде, сделали, что могли. Насколько хватит сил, будем работать и дальше. Ведь без интеллигенции, равно как и без интеллектуалов (как бы ни называли тех и других), человечеству уже не обойтись. Но насколько изучение этого феномена как научной проблемы будет востребовано властью, поддержано молодежью? Вопросы, вопросы...

Ответы покажет время. Возможно, и подскажет.

Примечания

¹ Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы: материалы 30-й Международной научно-теоретической конференции, Иваново, 26—27 сент. 2019 г. Иваново, 2019. С. 6.

² *Купцова И. В., Полторак С. Н., Серебрянская Г. В.* О мастере и его мастерстве: (к 80-летию В. С. Меметова) // Клио. 2019. № 2.

³ Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века... С. 165.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 50—51.

⁶ Там же. С. 54—55.

АННОТАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соловьев А. А. Обретенное время В. С. Меметова // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 9—14.
ББК 72.3(2)6-8

Интеллектуальная честность, профессиональная искренность, человеческое участие, искрометное чувство юмора и радость обретения творческого вдохновения и познания на пути истины — таким запомнится образ В. С. Меметова всем нам, кому судьба дала возможность соприкоснуться с пространством этого светлого и мудрого Человека, памяти которого посвящена данная статья.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигентность, интеллигентоведение.

Ахунзянова Ф. Т. Памяти В. С. Меметова: с уважением и благодарностью... // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 15—18.
ББК 72.3(2)6-8

В статье идет речь о феномене отечественной интеллигенции, а также о трудностях, связанных с его осмыслением. Автор указывает, что для новых поколений россиян ценности, присущие интеллигенции, и образ жизни интеллигентов уже не обладают прежней привлекательностью. В таких условиях изучать феномен интеллигенции с позиции фундаментальной науки достаточно проблематично, однако необходимо, поскольку большая часть нашей интеллигенции все же сохранила свой статус — статус транслятора культурных ценностей, «совести» власти, идейного стабилизатора будущего нашей страны.

В контексте этих размышлений создается портрет российского историка, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации В. С. Меметова, благодаря усилиям которого в Ивановском государственном университете появился научный центр по изучению истории интеллигенции, на протяжении многих лет ежегодно проходят конференции соответствующей тематики. Журнал «Интеллигенция и мир», главным редактором которого был В. С. Меметов, является одним из самых авторитетных научных изданий России. И центр, и журнал заняли достойное место в современном

интеллектуальном пространстве Российской Федерации, подтвердив высокий творческий потенциал российской провинции.

Ключевые слова: В. С. Меметов, интеллигенция, интеллигентоведение, Ивановский государственный университет, журнал «Интеллигенция и мир».

Сибиряков И. В. Размышления о роли личности в истории интеллигенции: (воспоминания о В. С. Меметове) // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 19—23.
ББК 72.3(2)6-8

Кратко изложены воспоминания о многолетнем общении с профессором Ивановского государственного университета В. С. Меметовым. Особое внимание уделено работе конференций, посвященных феномену отечественной интеллигенции, которые были организованы В. С. Меметовым и позволили создать сильную научную школу интеллигентоведов, спорам о прошлом и будущем российской интеллигенции, изданию журнала «Интеллигенция и мир». Отмечены удивительные личные и деловые качества профессора В. С. Меметова, его уникальные организаторские способности. Воспоминания будут интересны тем исследователям, кто занимается изучением проблем социальной и культурной истории, а также историей повседневности.

Ключевые слова: воспоминания, Ивановский государственный университет, интеллигенция, ученый.

Зябликов А. В. Человек слова и поступка // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 23—27.
ББК 72.3(2)6-8

Статья посвящена личности В. С. Меметова (1939—2019), крупного педагога и ученого, основателя научной школы интеллигентоведения. Рассматриваются жизненные ситуации, в которых раскрываются лучшие качества интеллигента и ученого: порядочность, ответственность, научная обостренность и деликатность, нравственная бескомпромиссность. Анализируется деятельность В. С. Меметова на посту главного редактора журнала «Интеллигенция и мир», который сегодня является когнитивной и методологической базой для изучения интеллектуальной истории России. Отмечаются выдающиеся организаторские качества В. С. Меметова и его особая роль в становлении научно-

исследовательского центра по изучению истории интеллигенции. Важную часть этой работы составляло проведение ежегодных конференций, которые более четверти века служат площадкой для плодотворных научных дискуссий и объединяют усилия историков, политологов, филологов, философов, культурологов. Выявляется отношение В. С. Меметова к сложным и неоднозначным процессам, определяющим сегодня содержание вузовского образования. Констатируется, что смысл своей работы В. С. Меметов видел в сохранении корневых оснований нашей истории и культуры, в том, чтобы бурный поток инноваций не уничтожил то здоровое и хорошее, что питает наше национальное самосознание.

Ключевые слова: В. С. Меметов, гуманитарное знание, интеллектуальная история, образование, наука, научная школа, межвузовский центр, интеллигенция, журнал «Интеллигенция и мир», конференция.

Ершова Э. Б. В. С. Меметов: встречи и сотрудничество // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 28—32.
ББК 72.3(2)6-8

Приведены воспоминания о встречах и сотрудничестве с доктором исторических наук, профессором Ивановского университета В. С. Меметовым, оказавшим большую поддержку автору статьи во время подготовки и защиты докторской диссертации по тематике истории белорусской интеллигенции, в целом исторической наукой пока не исследованной. Затем в течение почти четверти века развивалось сотрудничество с Валерием Сергеевичем по различным аспектам научной и другой деятельности, что было важно в сложных условиях изменявшейся в России социальной среды в 1990—2019-х гг. Глубоко сожалею, что Валерий Сергеевич ушел в небытие сравнительно рано: у него было еще очень много планов по нашему с ним сотрудничеству. Светлая ему память!

Ключевые слова: встречи, сотрудничество, история, четверть века, тематика интеллигенции, светлая память.

Золотарев О. В. Основатель интеллигентоведения // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 33—40.
ББК 72.3(2)6-8

Автор вспоминает о встречах и общении с профессором В. С. Меметовым, о научных конференциях, посвященных проблемам интеллигенции, которые проходили в Иванове, о работе ивановского центра интеллигентоведения.

Затрагивается широкий круг вопросов, связанных с развитием В. С. Меметова как ученого-исследователя и организатора науки. Анализируется сложный комплексный феномен интеллигентоведения — научного направления и школы, вклад ученого в его становление. Указывается, что именно В. С. Меметов пришел к выводу о том, что наличие нескольких трактовок понятия «интеллигенция» объясняется многоголикостью объекта изучения. Он подчеркивал, что интеллигенция — очень сложное общественное явление, поэтому изучение ее должно носить комплексный характер. Ему удалось проанализировать многие пока слабо изученные вопросы, связанные с деятельностью российской интеллигенции и западных интеллектуалов. Особо отмечается роль В. С. Меметова в развитии интеллигентоведения не только как направления научных поисков, но и как учебной дисциплины.

Обосновывается вывод о том, что интеллигентоведение как системное изучение интеллектуального и творческого потенциала личности, как учебная дисциплина, способствующая реализации этого потенциала, заняла свое место в перспективных направлениях науки и педагогической практики.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, интеллигентоведение, научно-теоретические конференции, ивановская школа изучения интеллигенции, интеллигентоведческий дискурс.

Раскатова Е. М. Научный метод как искусство жизни // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 41—45.
ББК 72.3(2)6-8

В статье проанализированы материалы *личной истории* известного российского ученого руководителя ивановской школы интеллигентоведения В. С. Меметова, истории, которая знакома автору не только по мемуарным текстам, но и через опыт многолетнего творческого сотрудничества в исследовании истории отечественной художественной культуры и интеллигенции; обращаясь к важным страницам биографии

своего учителя, автор предпринимает попытку реконструировать историю создания в Ивановском государственном университете нового научного направления, организации и деятельности межвузовского центра изучения проблем интеллигенции, осмыслить опыт проведения ежегодных научных конференций, служивших трибуной для смелых научных идей, гипотез, открывших много ярких новых имен исследователей и не позволивших «прервать связующую нить» поколений отечественной интеллигенции. Размышления о важных знаковых событиях в жизни В. С. Меметова — военном детстве, службе в Советской армии, учебе в Московском государственном педагогическом институте, встрече с выдающимися учеными, студенческой юности в «оттепельной» Москве и т. п., по мнению автора, помогают объяснить такие черты личности, как целеустремленность, бескомпромиссность и бескорыстие, и позволяют отнести его к поколению шестидесятников — последних революционных романтиков.

Ключевые слова: шестидесятники, ученый, Учитель, организатор науки, межвузовский научный центр, институт интеллигентоведения (Ивановский государственный университет).

Костякова Ю. Б. Политические ритуалы в жизни комсомольцев начала 1920-х гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 46—60.

ББК 63.3(2)613-442

Представлен анализ деятельности комсомольцев начала 1920-х гг. в аспекте ритуализации общественно-политической жизни Советского государства. Тема изучена на примере Минусинской уездной организации РКСМ (Енисейская губерния), что позволило рассмотреть общероссийские тенденции становления Союза на региональном уровне с учетом особенностей развития молодежного движения в Сибири. Эмпирической базой исследования выбраны минусинские периодические издания 1917—1923 гг., в которых зафиксирована разнообразная информация о деятельности местных молодежных объединений, уездной организации РКСМ, ее ячеек и членов. Анализ газетных публикаций дал возможность обобщить этот опыт и представить его как совокупность политических ритуалов, организаторами, исполнителями и участниками которых были комсомольцы.

В статье политический ритуал трактуется как определенный порядок политических действий, форма символического поведения субъектов политики, средство воздействия на эмоциональное состояние людей, формирования политических традиций, трансляции и внедрения

в массовое сознание политических идей. Поддерживая мнение о наличии сходств между политическим и религиозным ритуалами, автор спроецировал виды религиозных ритуалов на политическую действительность начала 1920-х гг. Это позволило охарактеризовать содержание и определить целевое назначение ритуалов освящения, инициации, ниспровержения чужих святынь, восхваления и самовосхваления в деятельности комсомольцев.

Итогом исследования стал вывод о том, что политические ритуалы способствовали адаптации молодых людей к новым условиям жизни, идейной консолидации общества, упорядочению и внедрению в массовое сознание политических мифов. Участвуя в таких ритуалах, комсомольцы демонстрировали свою политическую сознательность и принадлежность к организации, вовлекали молодежь в ряды Союза и в политическую жизнь страны.

Ключевые слова: политический ритуал, комсомол, самодеятельность, бюрократизация, периодические издания.

Кураев А. Н. Интеллигенция и женский вопрос в России в конце XIX — начале XX в. // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 61—74.

ББК 63.3(2)53-283.2

В статье рассматриваются сущность женского вопроса в Российской империи и причины его обострения в конце XIX — начале XX в.; понятия «эмансипация», «суфражизм» и «феминизм». Раскрываются позиции либеральной и марксистской интеллигенции относительно причин возникновения женского вопроса и путей его решения, а также основные направления и сферы деятельности главных женских организаций и партий (Русское женское взаимно-благотворительное общество, Женская прогрессивная партия, Союз равноправности женщин, Женский политический клуб и др.) и всего женского движения в целом: борьба за гражданские и политические права, в том числе за избирательные права, за получение женщинами образования и доступ к сфере профессионального труда, благотворительность. Выявляются причины возникновения массового женского движения в 1907 г. Анализируется политика правительства в отношении женского вопроса.

Автор применил следующие научные методы исследования: анализ и синтез фактов (сначала разделение их на элементы, изучение их возникновения и развития, затем осмысление взаимосвязей и взаимозависимостей фактов), индукцию (от частного к общему) и дедукцию

(от общего к частному), сравнительный анализ (сопоставление отдельных явлений и процессов с целью обнаружения их сходства и различий).

Сделан вывод о роли представителей либеральной и марксистской интеллигенции (А. П. Философова, М. И. Покровская, Н. В. Стасова, М. В. Трубникова, С. А. Тюрберт, А. М. Коллонтай) в организации и развитии женского движения в России в конце XIX — начале XX в., а также о значимости этого движения в осуществлении демократических реформ.

Ключевые слова: Россия, женский вопрос, женское движение, женские организации, женские партии, женские съезды.

Федотова И. Н. К вопросу об использовании принудительного труда научно-технической интеллигенции в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 75—91.
ББК 63.3(2)61-283.2

Предпринята попытка выделить основные тенденции в историографическом изучении избранной темы и обозначить перспективные направления дальнейших исследований «гулаговского» этапа в истории отечественной научно-технической интеллигенции. Представленный в статье опыт анализа научно-исторической литературы позволяет сделать следующие выводы. На сегодняшний день может считаться общепризнанным среди историков тот факт, что репрессии, которым была подвергнута научно-техническая интеллигенция в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг., носили спланированный, организованный характер и обуславливались сменой внутривнутриполитических приоритетов руководства страны. Свертывание нэпа и переход к форсированной индустриализации, осуществлявшейся методами внеэкономического принуждения, требовали от правящей верхушки во главе со Сталиным безжалостного подавления интеллигенции как той социальной силы, которая не только разделяла принципы нэпа, но и внесла весомый практический вклад в реализацию этой доктрины. В результате заведомо противозаконного уголовного преследования специалистов десятки тысяч человек были лишены свободы. На основе обширного документального материала, почерпнутого из рассекреченных архивных фондов, исследователи убедительно показывают, что ГУЛАГ остро нуждался в подневольных высококвалифицированных кадрах, поскольку в планах индустриализации карательному ведомству отводилась одна из ключевых ролей.

Эти концептуальные положения в современной отечественной историографии представляются общепринятыми и вполне очевидными. Гораздо слабее изучена практика принудительного привлечения специалистов к труду. Дальнейшая разработка темы требует анализа широкого круга источников, отражающих фактическое использование научно-технических кадров из числа заключенных как в целом по ГУЛАГу, так и в границах отдельно взятых отраслей и регионов. Подробное освещение этих сюжетов позволит исследователям сделать важные шаги в решении проблемы эффективности «гулаговской» экономики.

Ключевые слова: научно-техническая интеллигенция, принудительный труд, Советский Союз, индустриализация, репрессии, ГУЛАГ, заключенные, отечественная историография.

Скрябина Е. В., Кулешова И. Н. Личность и творчество В. Высоцкого в восприятии нового формирующегося поколения отечественной интеллигенции — студенчества // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 92—97.
ББК 88.854.13

Рассматриваются социально-психологические особенности восприятия личности и творческого наследия В. Высоцкого представителями нового формирующегося поколения отечественной интеллигенции — студенчества. Анализируются причины феноменальной популярности произведений В. Высоцкого, общественный и научно-исследовательский интерес к которым сохранялся неизменно высоким на протяжении последнего полувека (трансформируясь в особый научный раздел — так называемое «высоцковедение»). Выявляется актуальность творческого наследия известного советского поэта и барда в условиях новой, радикально изменившейся по сравнению со временем, в котором жил и работал В. Высоцкий, социально-политической реальности. При помощи выборочного тестирования студентов высших учебных заведений г. Иваново анализируется знание молодыми людьми биографии и творчества В. Высоцкого, определяются источники, из которых черпается информация о них, выясняется наличие или отсутствие интереса современного студенчества к произведениям поэта. Данные тестирования показывают очевидные пробелы в области школьного образования, не позволяющие подрастающему поколению в полной мере оценить творческое наследие В. Высоцкого, безусловно, уже являющегося классиком отечественной поэзии. Установлена взаимосвязь восприятия творческого наследия В. Высоцкого и личностно-мотивационных установок

поколения Z. Констатируется, что реалии и вызовы текущего дня, определяющие жизненные установки и принципы современной молодежи, уже не согласуются с теми смыслами и посылами, которые вкладывал В. Высоцкий в свои произведения. Современные студенты не хотят видеть себя в роли пассивных жертв режима и обстоятельств (а таковы, по их мнению, герои большинства произведений В. Высоцкого), их цель — самоутверждение, личные достижения и успех.

Ключевые слова: В. Высоцкий, «высоцковедение», интеллигенция, общественная жизнь, поэзия, современная молодежь, студенты, творчество, актуальность.

Климович Л. В., Никитин А. А., Шайнак Л. А. Жизненный путь общественного деятеля, интеллигента, педагога и юриста С. Н. Николаева в России и эмиграции (1880—1976) // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 98—113.
ББК 63.3(2)6-283.2

Статья посвящена описанию жизненного пути педагога, юриста, члена партии эсеров, активного деятеля российской эмиграции Семёна Николаевича Николаева. В основу исследования положены источники личного происхождения, хранящиеся в Национальном архиве Чешской Республики. Подавляющее большинство материалов вводятся в научный оборот впервые. Внимание уделяется дореволюционному периоду жизни С. Н. Николаева, показаны сложности, с которыми ему, выходцу из крестьянской семьи, пришлось столкнуться при получении образования, рассмотрен его карьерный рост на судебной службе. Предпринята попытка проследить жизненный путь С. Н. Николаева в Чехословакии, раскрыты основные направления его деятельности в эмигрантский период. Отдельное внимание уделено обстоятельствам, при которых С. Н. Николаев был арестован. Авторы не располагают архивными материалами о годах, проведенных им в тюрьме и ссылке, поэтому события восстановлены в основном по его воспоминаниям.

Ключевые слова: эмиграция, зарубежная Россия, история России, интеллигенция, С. Н. Николаев, русская культура, Национальный архив Чешской Республики.

Васильев Н. Н. Поющая интеллигенция. // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 114—122. Рец. на кн.: Судьба Наташи Гамаюновой (оперная певица Н. Т. Измайлова): документы и материалы / сост., ред., предисл. В. А. Порозова; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2019. 139 с. ББК 85.3(2)-8

Изучение жизни и деятельности артистов и музыкантов с позиций интеллигентоведения встречается нечасто, много реже, чем, скажем, ученых, писателей, политиков. Тем более если речь идет не о столичных мастерах, а о деятелях российской провинции. Такими достаточно уникальными публикациями являются исследования интеллигентоведа из г. Перми В. А. Порозова, посвященные довольно развитой музыкальной культуре этого города и ее наиболее значимым представителям. В новой книге «Судьба Наташи Гамаюновой (оперная певица Н. Т. Измайлова). Документы и материалы» речь идет о жизни и творчестве заслуженной артистки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР Натальи Измайловой и ее супруга, заслуженного деятеля искусств России Леонида Виссонова. На широком историческом фоне показаны трудные судьбы музыкантов и театральных деятелей в сложных реалиях российской провинции XX в. Доказывается, что высокие профессиональные качества и лучшие свойства интеллигента достойным представителям отечественного искусства удастся сохранить в любых условиях.

Ключевые слова: музыка, театр, российская провинция, Н. Т. Измайлова, Л. Н. Виссонов, певица, артист, хормейстер, музыкальный педагог, общественный деятель, интеллигент.

Порозов В. А. Тридцатая меметовская: 30-я Международная научно-теоретическая конференция «Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы», Иваново, 26—27 сентября 2019 г. // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 123—132. ББК 72.4

Описывается и анализируется ход тридцатой Международной научно-теоретической конференции «Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы», состоявшейся в г. Иваново 26—27 сентября 2019 г. Ежегодно проводимые конференции являются важными событиями в функционировании НИИ интеллигентоведения

при Ивановском государственном университете, межвузовского совета «Интеллигенция. Культура. Власть», всей ивановской научной школы интеллигентоведов. Все эти новаторские по сути явления научной жизни — детища доктора исторических наук, профессора Валерия Сергеевича Меметова (1939—2019). Памяти выдающегося ученого и была посвящена конференция. В соответствии с тематикой конференции рассматриваются актуальные проблемы прошлого, настоящего и будущего российского интеллигентоведения.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигентоведение, научно-теоретическая конференция, Ивановский государственный университет, В. С. Меметов.

ANNOTATIONS AND MATERIALS FOR CITING

Solovyev A. A. Gained time of V. S. Memetov, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 9—14.

Intellectual honesty, professional sincerity, human participation, a sparkling sense of humor and the joy of gaining creative inspiration and knowledge on the path of truth — this is how the image of V. S. Memetov to all of us whom fate has made it possible to touch the space of this bright and wise Man, the memory of which this article is devoted to.

Keywords: intelligentsia, intelligence, intelligentsia studies.

References

Intelligentsiya i intellektualy v izmenyayushcheysya sotsialno-politicheskoy deystvitelnosti: Kollektivnaya monografiya, ed. by V. S. Memetov, V. L. Chernoperv, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2014.

Intelligentsiya: voprosy teorii i metodologii: Kollektivnaya monografiya, ed. by V. S. Memetov, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2010.

Solovyev A. A. *Intelligentsiya i Pravoslavnaya tserkov v sotsiokulturnom razvitií rossiyskogo obshchestva v kontse XIX — nachale XX v.:* Dis. ... d-ra ist. nauk, Ivanovo, 2009.

Zyablikov A. V. *Politicheskoe samopoznanie rossiyskoy khudozhestvennoy intelligentsii, 90-e gg. XIX v. — 1909 g.:* Dis. ... d-ra ist. nauk, Ivanovo, 2006.

Akhunzyanova F. T. For memory of V. S. Memetov: with respect and gratitude..., *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 15—18.

The article deals with the phenomenon of the Russian intelligentsia, as well as the difficulties associated with its understanding. The author points out that for new generations of Russians the values inherent in intelligentsia and the lifestyle of intellectuals no longer have the same attractiveness.

Under such conditions, studying the phenomenon of the intelligentsia from the perspective of fundamental science is quite problematic, but it is necessary, since most of our intelligentsia still retained their status — the status of a translator of cultural values, the “conscience” of power, and the ideological stabilizer of the future of our country.

In the context of these thoughts, a portrait of the Russian historian, Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation Valery Sergeevich Memetov, is created thanks to the efforts of which a scientific center for the study of the history of intelligentsia has appeared at Ivanovo State University, for many years conferences have been held annually on relevant topics. The journal “Intelligentsia and the World”, whose chief editor was V. S. Memetov is one of the most respected scientific publications in Russia. Both the center and the journal took a worthy place in the modern intellectual space of the Russian Federation, confirming the high creative potential of the Russian province.

Keywords: V. S. Memetov, intelligentsia, intelligentsia studies, Ivanovo State University, the journal “Intelligentsia and the World”.

References

- Brodskiy I. *Bolshaya kniga interv'yu*, Moscow: Zakharov, 2000.
- Gershenson M. O. Tvorcheskoye samosoznaniye, *Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii*, Moscow, 1909.
- Shaginyan M. S. *Chelovek i vremya: Istoriya chelovecheskogo stanovleniya*, Moscow: Sovetskiy pisatel, 1982.

Sibiryakov I. V. Reflections on the role of personality in the history of intelligentsia: (Memoirs about V. S. Memetov), *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 19—23.

The article summarizes the memoirs of Professor I. V. Sibiryakov about his many years of communication with V. S. Memetov, the professor of Ivanovo State University. Particular attention is paid to the work of conferences devoted to the phenomenon of domestic intelligentsia, which were organized by V. S. Memetov and allowed to create a strong scientific school of intellectual scientists, disputes about the past and future of the Russian intelligentsia, the publication of the journal “Intelligentsia and the World”. The surprising personal and business qualities of Professor V. S. Memetov, his unique organizational skills are noted. The memoirs will be interesting to those

researchers who study the problems of social and cultural history, as well as the history of everyday life.

Keywords: memoirs, Ivanovo State University, intelligentsia, scientist.

Zyablikov A. V. The man of word and action, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 23—27.

The article is dedicated to the personality of V. S. Memetov (1939—2019), a major teacher and scientist, founder of the scientific school of intelligentsia studies. The article focuses on life situations in which the best qualities of an intellectual and a scientist are revealed: decency, responsibility, scientific thoroughness and delicacy, moral uncompromisingness. The article analyses activity of V. S. Memetov as editor-in-chief of the journal “Intelligentsia and the World”, which today is a cognitive and methodological basis for studying the intellectual history of Russia. Outstanding organizational skills of V. S. Memetov and his special role in the formation of a research center for the study of the history of the intelligentsia deserve a credit. An important part of this work is holding an annual conference, which for more than a quarter of a century serves as a platform for fruitful scientific discussions and combines the efforts of historians, political scientists, philologists, philosophers, and cultural scientists. The article views V. S. Memetov’s attitude to the complex and controversial processes that determine the content of higher education today. It is stated that V. S. Memetov aimed at preservation of the root foundations of our history and culture, so that the rapid flow of innovations will not destroy our national identity.

Keywords: V. S. Memetov, humanitarian knowledge, intellectual history, education, science, scientific school, inter-university center, intelligentsia, the journal “Intelligentsia and the World”, conference.

References

- Intelligentsiya i intellektualy v izmenyayushcheysoy sotsialno-politicheskoy deystvitel'nosti:* Kollektivnaya monografiya, ed. by V. S. Memetov, V. L. Chernoperov, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2014.
- Intelligentsiya: voprosy teorii i metodologii:* Kollektivnaya monografiya, ed. by V. S. Memetov, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2010.

- Komissarov V. V. *Intelligentsiya i politicheskaya elita Rossii (XVIII—XX vv.): kompleksnyy analiz ponyatiy, Intelligentsiya i mir*, no. 3—4, 2004.
- Memetov V. S., Popov A. V. O nekotorykh problemakh teorii i metodologii issledovaniya intelligentsii, eye genezisa i formirovaniya, *Intelligentsiya i mir*, no. 1—2, 2005.
- Porozov V. A. *Intelligentsiya v istoriko-tsivilizatsionnom kontekste, Intelligentsiya i mir*, no. 1, 2019.
- Sibiriyakov I. V. *Sovremennaya rossiyskaya intelligentsiya: prezhdevremennyy razgovor, Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2013.
- Smirnov D. G. *Intelligentsiya kak vnutrennyaya forma noosfernoy (globalnoy) istorii, Intelligentsiya i mir*, no. 3, 2015.
- Sokolova F. Kh. *Intelligentsiya vo vlasti: rossiyskiye realii, Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2009.
- Solovyev A. A. *Kafolicheskoe soznanie: russkaya intelligentsiya v poiskakh identichnosti, Intelligentsiya i mir*, no. 1, 2006.
- Usmanov S. M. *Intelligentsiya i intellektualy v sovremennom mire: diskussii o problemakh i tendentsiyakh samoopredeleniya, Intelligentsiya i mir*, no. 4, 2014.
- Voronov Yu. M. *Intelligentsiya kak sotsiokulturnaya identichnost, Intelligentsiya i mir*, no. 1—2, 2004.
- Zolotarev O. V. *Rossiyskaya intelligentsiya: vstupaya v novyy vek, Intelligentsiya i mir*, no. 1—2, 2002.
- Zyablikov A. V. *Politicheskoe samopoznanie rossiyskoy khudozhestvennoy intelligentsii, 90-e gg. XIX v. — 1909 g.: Dis. ... d-ra ist. nauk, Ivanovo, 2006.*

Ershova E. B. V. S. Memetov: meetings and collaborations. *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 28—32.

The article gives memoirs of meetings and collaborations with the doctor of historical sciences, professor of Ivanovo State University V. S. Memetov, who gave great support to the author of the article during the preparation and defense of the doctoral dissertation on the history of the Belarusian intelligentsia, about which there was no research in historical science in general. Then for almost a quarter of century cooperation with Valery Sergeyevich developed on various aspects of scientific and simple human activity, which was important in the difficult conditions of changes in the social environment in Russia in the 1990—2019. I deeply regret that

Valery Sergeyeovich went into oblivion relatively early, regardless of age, as he had many plans for our cooperation with him. A bright memory for him!

Keywords: meetings, cooperation, history, a quarter of a century, intelligentsia, bright memory.

References

Poisk novykh podkhodov v izuchenii intelligentsii: problemy teorii, metodologii, istochnikovedeniya i istoriografii: Materialy Mezhhgosudarstvennoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 1993.

Problemy izucheniya rossiyskoy intelligentsii i kultury v vuzovskikh istoricheskikh kursakh: Materialy respublikanskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 1994.

Yershova E. B. Belorusskaya khudozhestvennaya intelligentsiya v krugoverti bolshevistskoy politiki v 20-e gody, in: *Intelligentsiya v politicheskoy istorii XX veka:* Tezisy dokladov Mezhhgosudarstvennoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 1992, pp. 116—118.

Zolotarev O. V. Founder of intelligentsia studies, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 33—40.

The author recalls meetings and communication with Professor V. S. Memetov, scientific conferences on the problems of the intelligentsia, held in Ivanovo, the work of the Ivanovo center of intelligentsia studies.

A wide range of issues related to the development of V. S. Memetov as a research scientist and organizer of science is touched upon. The complex phenomenon of intelligentsia studies as a scientific direction and school, the contribution of the scientist to its formation is analyzed. It is indicated that it was V. S. Memetov who came to the conclusion that the presence of several interpretations of the concept of intelligentsia is explained by the diversity of the object of study. He stressed that the intelligentsia is a very complex social phenomenon, so the study of it should be comprehensive. He was able to analyze many as yet poorly studied issues related to the activities of the Russian intelligentsia and Western intellectuals. The role of V. S. Memetov in the development of intelligentsia studies not only as a direction of scientific research, but also as an academic discipline is particularly noted.

The author substantiates the conclusion that intelligentsia studies as a systematic study of the intellectual and creative potential of the individual, as an educational discipline that contributes to the realization of this potential, has taken its place in promising areas of science and pedagogical practice.

Keywords: intelligentsia, intellectuals, intelligentsia studies, scientific and theoretical conferences, Ivanovo school of intelligentsia studies, discourse of intelligentsia studies.

Raskatova E. M. Scientific method as the art of life, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 41—45.

The article analyzes the materials of the personal history of the famous Russian scientist, the head of the Ivanovo school of Intelligentsia studies V. S. Memetov, the history that is familiar to the author not only on memoirs texts, but also through the experience of many years of creative cooperation in the study of the history of the national artistic culture and intelligentsia; turning to the important pages of the biography of his teacher, the author attempts to reconstruct the history of the creation of a new scientific direction at Ivanovo State University, the organization and activities of the inter-university center for the study of intelligentsia problems, to understand the experience of holding annual scientific conferences, which served as a rostrum for bold scientific ideas, hypotheses, which revealed many bright new names of researchers and did not allow to “interrupt the binding thread” of generations of domestic intelligentsia. Reflections on important landmark events in the life of V. S. Memetov — military childhood, service in the Soviet army, study at the Moscow State Pedagogical Institute, meeting with outstanding scientists, student youth in “thaw” Moscow, etc., according to the author, explain such personality features as purpose-remission, uncompromising and selfless, and allow to attribute it to the generation of sixty-six revolutionists.

Keywords: sixty-six revolutionists, scientist, Teacher, organizer of science, inter-university scientific center, institute of intelligentsia studies (Ivanovo State University).

Kostyakova Yu. B. On political rituals in the activities of the Komsomol members at the beginning of the 1920s, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 46—60.

The article analyzes activities of the Komsomol members at the beginning of the 1920s in the ritual context of the social and political life in the Soviet state. The case study of the Russian Young Communist Union in the Minusinsk uyezd of the Yenisei province showed the all-Russian trends of the Union development at the regional level, in view of the specifics of the youth movement in Siberia.

The empirical research is focused upon Minusinsk periodicals of the 1917—1923s where various reviews and articles report on the youth groups' activities, including the activities of the Russian Young Communist Union in the Minusinsk district. The analysis of the newspaper materials allowed summarizing the given background to show it as a combination of political rituals, with Komsomol members being leaders and participants.

The author defines a political ritual as a certain order of political actions, a way of symbolic political behavior, a means of the impact on people's emotions and a tool to develop political traditions and to impose political ideas on the public consciousness. Following the idea that political and religious rituals have common features, the author of the article used the religious rituals types to consider the political activities of the 1920s. This technique made it possible to reveal the essence and the aim of such rituals as dedication, initiation, dethronement wrong shrines, praise and self-exaltation in the Komsomol activities.

To conclude, the political rituals made people's adaptation to the new life easier and contributed to the ideological consolidation of the community and mainstreaming of the political myths. The Komsomol members in such rituals showed their political consciousness and loyalty to the Union to involve new members into the Russian Young Communist Union and into the political life of the country.

Keywords: political ritual, Komsomol, Minusinsk district, amateur activities, bureaucratization, periodicals.

References

- Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy, *Sociological Theory*, vol. 22, no. 4, 2004, pp. 527—573.
- Gidlevskiy V., Saf'yanov M., Tregubenkov K. *Minusinskaya kommuna 1917—1918 gg.*, Moscow, Leningrad: Sotsekgiz, 1934.
- Glebkin V. V. *Ritual v sovetskoy culture*, Moscow: Yanus-K, 1998.

- Kertzer D. *Ritual, Politics, and Power*, New Haven, London: Yale University Press, 1988.
- Kvakin A. V. *Intelligentsiya i dukhovnyy krizis v Rossii posle 1917 goda*, *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2014, pp. 20—36.
- Levada Yu. A. *Ritual*, in: *Novaya filosofskaya entsiklopediya*: in 4 vols, vol. 3, Moscow: Mysl, 2010, p. 458.
- Lipinskaya K. A. *Daleko v zasnezhennoy Sibiri*, Krasnoyarsk: Krasnoyarskoye knizhnoye izdatelstvo, 1974.
- Musikhin G. I. “Blesk i nishcheta” politicheskikh ritualov, *Politiya*, no. 2, 2015, pp. 98—109.
- Potseluyev S. P. *Ritual politicheskii*, in: *Slovar po politologii*, Rostov-on-Don: Izdatelstvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001, pp. 217—218.
- Rybakov R. V. *Vnutrisoyuznaya demokratiya i “bolezennyye yavleniya”*: k voprosu svobodomyслиya v komsomole 1920-kh gg., *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriya Istoriya, vol. 9, 2014, pp. 138—143.
- Slezin A. A., Skoropad A. E. *Otkrytye vneshniy politicheskii kontrol nad komsomolskimi organizatsiyami v RSFSR (1918—1929 gg.)*, *Sotsiodinamika*, no. 12, 2013, pp. 97—123.
- Tsuladze A. M. *Politicheskaya mifologiya*, Moscow: Eksmo, 2003.
- Zolotarev O. V. *Intelligentsiya sovetskoy Rossii v nepovskiye gody*, *Intelligentsiya i mir*, no. 4, 2011, pp. 31—45.

Kurayev A. N. *Intelligentsia and women’s issue in Russia in the late XIX and early XX c.*, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 61—74.

The article examines: the essence of the women’s issue in Russia — discrimination against women in the political, economic, social, cultural and family spheres — and the reasons for its aggravation in the late XIX and early XX centuries; notions of “emancipation”, “suffragism” and “feminism”; the position of liberal and Marxist intelligentsia on the causes of the women’s issue and how to solve it; main areas and areas of activity of the main women’s organizations and parties (Russian Women’s Mutual-Charitable Society, Women’s Progressive Party, Women’s Equality Union, Women’s Political Club, etc.) and the women’s movement as a whole: the struggle for civil and political rights, such as voting rights, women’s struggle for education and access to vocational work, charity; causes of the mass female movement in 1907. The government’s policy on the women’s issue is analyzed.

The author applied the following research methods: analysis and synthesis of facts (first — division into elements, study of their origin and development; then — understanding of interrelations and interdependencies of facts); induction (from particular to general) and deduction (from general to specific); comparative analysis (the comparison of individual phenomena and processes, to detect their similarities and differences).

The conclusion is made about the role of representatives of the liberal and Marxist intelligentsia (A. P. Filosofova, M. I. Pokrovskaya, N. V. Stasova, M. V. Trubnikova, S. A. Turbert, A. M. Kollontay) in the organization and development of the women's movement in Russia in the late XIX — early XX centuries, as well as the role of the women's movement in the implementation of democratic reforms.

Keywords: Russia, women's issue, women's movement, women's organizations, women's parties, women's congresses.

References

- Filosofova A. P. *Zhenskiy vopros v Rossii*, in: *Pervyy zhenskiy kalendar na 1912 god*, comp. P. N. Ariyan, St. Petersburg: 1-ya zhenskaya tipografiya tovarishchestva "Pechatnogo stanka", 1912.
- Khvostov V. M. *Zhenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo: Istoricheskie sudby zhenshchin. Priroda zhenshchiny. Zhenskiy vopros*, Moscow: Izdaniye G. A. Lomana i B. A. Pletneva, 1914.
- Kollontay A. M. *Sotsialnye osnovy zhenskogo voprosa*, St. Petersburg: Izdaniye Tovarishestva "Znaniye", 1909.
- Kollontay A. M. *K istorii dvizheniya rabotnits v Rossii*, Kharkov: Vseukrainskoye izdatelstvo, 1920.
- Kollontay A. M. *Trud zhenshchiny v evolyutsii narodnogo khozyaystva*, Moscow, Leningrad: Gosizdat, 1928.
- Marguliyes M. A. *Zhenskiy politicheskiy klub*, in: *Pervyy zhenskiy kalendar na 1907 god*, comp. P. N. Ariyan, St. Petersburg: Tipografiya V. F. Revitsera, 1907, pp. 373—374.
- Pokrovskaya M. I. *Yedinaya polovaya npravstvennost*, *Zhenskiy vestnik*, no. 4, 1910, pp. 83—95.
- Programma Zhenskoy progressivnoy partii, in: *Rossiyskie partii, soyuzy i ligi: Sbornik programm, ustavov i spravochnykh svedeniy o rossiyskikh partiyaikh, professionalno-politicheskikh soyuzakh i vserossiyskikh ligakh*, St. Petersburg: Tipografiya B. M. Volfa, 1906.
- Pushkareva N. L. *U istokov russkogo feminizma: skhodstva i razlichiya Rossii i Zapada*, in: *Rossiyskiye zhenshchiny i evropeyskaya kultura*, St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2001, pp. 79—84.

Trudy Pervogo Vserossiyskogo sezda po borbe s torgom zhenshchinami i ego prichinami, vol. 1, 2, St. Petersburg: Tipografiya Sankt-Peterburgskoy odinochnoy tyurmy, 1911—1912.

Trudy Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo sezda, St. Petersburg: s. n., 1909.

Yefremova N. P. Pervye shagi russkikh zhenshchin k vysshemu obrazovaniyu, *Voprosy istorii*, no. 5, 1983, pp. 74—83.

Yukina I. I. *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti*, St. Petersburg: Aleteyya, 2007.

Fedotova I. N. To the issue of the exploitation of the forced labor of the scientific and technical intelligentsia in the USSR in the late 1920s—1930s, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 75—91.

The author of this paper notes the key tendencies in the historiographical study of the given topic and tries to identify the promising areas of the further research of “the GULAG” stage in the history of the Russian scientific and technical intelligentsia.

The analysis of the historical literature presented in the article has allowed the author to draw the following conclusions. For today almost all historians recognize the fact that repressions, which were subjected to the scientific and technical intelligentsia in the USSR in the late 1920s—1930s, had planned, organized character and were conditioned of the change of domestic political priorities of the Soviet government. The curtailment of the NEP and the transition to the accelerated industrialization, which was carried out by methods of non-economic coercion, pushed the ruling elite led by Stalin to the ruthless suppression of intelligentsia as the social force which not only shared the principles of the NEP but also made a significant practical contribution to the implementation of that doctrine. Tens of thousands of people were imprisoned due to the obviously illegal criminal prosecution of specialists. Based on extensive documentary materials from declassified archival funds the researchers convincingly show that the GULAG was in dire need of highly qualified personnel since the punitive Department played one of the key roles in the process of the industrialization.

These conceptual provisions seem to be generally accepted in the modern Russian historiography. The practice of compulsory attraction of specialists to work has been much less studied. Further development of the topic requires analysis of a wide range of materials reflecting the use of forced labor of the scientific and technical intelligentsia as in the whole GULAG and within different industries and regions. Detailed study of these

issues will allow historians to take important steps in the research of economic efficiency of the GULAG.

Keywords: scientific and technical intelligentsia, forced labor, the Soviet Union, industrialization, repressions, the GULAG, convicts, the Russian historiography.

References

- Ageyev A. I., Myasoyedov B. A. Sorokin i Kondratyev — dva perepletennykh puti, *Ekonomicheskiye strategii*, no. 5, 2013, pp. 76—87.
- Galkin A. I. Vklad I. N. Strizhova v delo okhrany i ratsionalnogo ispolzovaniya neftyanykh neдр, *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 4, 1991, pp. 38—43.
- GULAG: Ekonomika prinuditelnogo truda*, Moscow: ROSSPEN, 2008.
- Gulagovskiyе tainy osvoyeniya Severa*, comp. Ye. V. Markova, V. A. Volkov, A. N. Rodnyy, V. K. Yasnyy, ed. by I. S. Pashkovskiy, Moscow: Nauka, 2001.
- Ivanova G. M. *Istoriya GULAGa, 1918—1958: sotsialno-ekonomicheskiy i politiko-pravovoy aspekt*, Moscow: Nauka, 2006.
- Kaneva A. N. UkhtPechlag, 1929—1938, in: *Zven'ya: Istoricheskiy almanakh*, iss. 1, Moscow, 1991, pp. 331—354.
- Khlevnyuk O. V. *Khozyain: Stalin i utverzhdeniye stalinskoy diktatury*, Moscow: ROSSPEN, 2010.
- Kislitsyn S. A. *Nauchnaya elita v sisteme politicheskoy vlasti*, Moscow: Izdatelstvo LKI, 2013.
- Komlev S. L. Kon'yunkturnyy institut: (Sudba nauchnoy shkoly N. D. Kondratyeva), *Repressirovannaya nauka*, ed. by M. G. Yaroshevskiy, Leningrad: Nauka, 1991, pp. 163—180.
- Markova Ye. V. Bezymyannyy mozgovoy trest, *Alma Mater: Vestnik vysshey shkoly*, no. 6, 1997, pp. 26—30; no. 7, 1997, pp. 32—36.
- Markova Ye. V., Rodnyy A. N. Nauka v Vorkutlage kak fenomen totalitarnogo gosudarstva, *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 3, 1998, pp. 60—77.
- Markova Ye. V., Volkov V. A., Rodnyy A. N., Yasnyy V. K. Sudby intelligentsii v Vorkutinskikh lageryakh, 1930—1950-e gody, *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 5, 1999, pp. 52—77.
- Markova Ye. V., Volkov V. A., Rodnyy A. N., Yasnyy V. K. U istokov geologicheskoy sluzhby Zapolyar'ya, *Otechestvennaya geologiya*, no. 3, 2000, pp. 75—79.

- Markova Ye. V., Volkov V. A., Rodnyy A. N., Yasnyy V. K. Uchenye — uzniki pechorskikh lagerey GULAGa, *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 1, 1998, pp. 19—45.
- Maslova A. I. Otechestvennye uchenye i inzhenery v usloviyakh sudebnogo protsesssa “Prompartii” 1930 goda: kak tsel opravdyvala sredstva, *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2018, pp. 138—152.
- Mau V. A. *Reformy i dogmy, 1914—1929: Ocherki istorii stanovleniya khozyaystvennoy sistemy sovetskogo totalitarizma*, Moscow: Delo, 1993.
- Medvedev R. A. *K sudu istorii: o Staline i stalinizme*, Moscow: Vremya, 2011.
- Memetov V. S. O nekotorykh metodologicheskikh podkhodakh v izuchenii ponyatiya “intelligentsiya” v otechestvennoy istoriografii, *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2008, pp. 7—25.
- Memetov V. S., Rastorguev V. N. Intelligentsiya, in: *Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: http://www.bigenc.ru/domestic_history/text/2013995 (accessed: 12.10.2019).
- N. D. Kondratyev: krizisy i prognozy v svete teorii dlennykh voln: Vzglyad iz sovremennosti*, ed. by L. Ye. Grinin, A. V. Korotayev, V. M. Bondarenko, Moscow: Uchitel, 2017.
- Polishchuk V. R. Sudba professora I. Ya. Bashilova, in: *Repressirovannaya nauka*, ed. by M. G. Yaroshevskiy, Leningrad: Nauka, 1991, pp. 353—366.
- Repnikov A. V. “Filosofskiy parokhod”, in: *Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: http://www.bigenc.ru/domestic_history/text/4713482 (accessed: 12.10.2019).
- Repressirovannaya intelligentsiya, 1917—1934 gg.*, ed. by D. B. Pavlov, Moscow: ROSSPEN, 2010.
- Repressirovannyye geologi: Biograficheskiye materialy*, Moscow, St. Petersburg: Vserossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy geologicheskii institut, 1999.
- Sokolov A. K. “Osoboe napryazhenie”: kadry sovetskogo Voenproma v kontse 1920-kh — nachale 1930-kh gg., *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, 2007, pp. 74—94.
- Yasnyy N. *Sovetskiye ekonomisty 1920-kh godov: Dolg pamyati*, Moscow: Delo, 2012.
- Yefimkin A. P. *Dvazhdy rehabilitirovannyye: N. D. Kondratyev, L. N. Yurovskiy*, Moscow: Finansy i statistika, 1991.
- Yermushin M. V. Inzhenerno-tehnicheskaya intelligentsiya i profsoyuzy v gody novoy ekonomicheskoy politiki, *Intelligentsiya i mir*, no. 1, 2012, pp. 40—54.

- Yermushin M. V. Inzhenerno-tekhnicheskaya intelligentsiya i rabochiye v gody NEPa: problema vzaimootnosheniy, *Intelligentsiya i mir*, no. 1, 2011, pp. 68—81.
- Yudin K. A. Repressivnaya politika stalinskogo rezhima v otnoshenii nauchno-pedagogicheskoy intelligentsii v 1930-e gg.: metody i praktika, *Intelligentsiya i mir*, no. 4, 2014, pp. 56—73.
- Yurovskiy V. Ye. Arkhitekto denezhnoy reformy 1922—1924 godov, *Voprosy istorii*, no. 2, 1995, pp. 138—143.
- Zemskov V. N. GULAG: (Istoriko-sotsiologicheskii aspekt), *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, 1991, pp. 10—27; no. 7, 1991, pp. 3—16.

Skryabina E. V., Kuleshova I. N. Personality and creativity of V. Vysotsky in the perception of a new generation of emerging domestic intelligentsia — students, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 92—97.

The article deals with the socio-psychological features of the perception of personality and creative heritage of Vladimir Vysotsky by the representatives of the new emerging generation of the domestic intelligentsia — students. It analyzes the reasons for the phenomenal popularity of the works of Vladimir Vysotsky, public and research interest remained consistently high for the last half century (transforming into the particular scientific section — so-called “Vysotsky studies”). It is revealed how important the creative heritage of the famous Soviet poet and bard is in the conditions of a new, radically changed, in comparison with the time in which V. Vysotsky lived and worked, socio-political reality. By selective testing of students of higher educational establishments in Ivanovo examined is the knowledge of young people about the biography and works of Vladimir Vysotsky, identified are the sources from which to extract information about them, it turns out the presence or absence of interest of modern students to the works of the poet. These tests reveal obvious gaps in the field of school education that do not allow the younger generation to fully appreciate the creative heritage of Vladimir Vysotsky, that of course, is already a classic of Russian poetry. Shown is the relationship of perception of a creative heritage of Vladimir Vysotsky and personal motivation attitudes of generation Z. It is revealed that the realities and challenges of the current day, which determine the attitudes and principles of modern youth, are no longer consistent with the meanings and messages that V. Vysotsky put into his works. Modern students do not want to see themselves as passive victims of the regime and circumstances

(and these, in their opinion, are the heroes of most of V. Vysotsky's works), their goal is self-assertion, personal achievements and success.

Keywords: V. Vysotsky, "Vysotsky studies", intelligentsia, social life, poetry, modern youth, students, creativity, relevance.

References

- Chuprinin S. Vakantsiya poeta: Vladimir Vysotskiy i ego vremya: razmyshleniya posle yubileya, *Znamy*, no. 1, 1988.
- Gavrikov V. A. Dissertatsionnye issledovaniya o tvorchestve Vysotskogo 2010—2014 godov: kriticheskiy analiz, *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov*, seriya Literaturovedenie, Zhurnalistika, no. 4, 2015.
- Komissiya po literaturnomu naslediyu V. S. Vysotskogo, *Literaturnaya gazeta*, 19 marta, 1986, p. 3.
- Novikov V. *Vysotskiy*, 7nd ed., Moscow: Molodaya gvardiya, 2013.
- Tolstykh V. I. V zerkale tvorchestva: (VI. Vysotskiy kak yavlenie kultury), *Voprosy filosofii*, 1986, no. 7, pp. 112—124.

Klimovich L. V., Nikitin A. A., Shaipak L. A. Life path of public figure, intellectual, teacher and lawyer S. N. Nikolaev in Russia and emigration (1880—1976), *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 98—113.

The article is devoted to the description of the life path of a teacher, a lawyer, and a member of the Socialist Revolutionary Party, an active leader of the Russian emigration, Semyon Nikolaevich Nikolaev. The article is based on sources of personal origin stored in the collection of the National Archives of the Czech Republic. The vast majority of materials is introduced into scientific circulation for the first time.

The study pays attention to the pre-revolutionary period of S. N. Nikolaev's life, shows the difficulties that he came from a peasant family when he got an education, and he traced the main career path in the judicial service. The authors made an attempt to trace the life path of S. N. Nikolaev in Czechoslovakia, revealed the main areas of activity in the emigrant period.

Special attention is paid to the circumstances in which S. N. Nikolaev was arrested. The authors do not have archival materials about the years that Semyon Nikolayev spent in prison and exile, so the events were restored mainly from his recollections.

Keywords: emigration, Foreign Russia, the history of Russia, intelligentsia, S. N. Nikolaev, Russian culture, National Archives of the Czech Republic.

References

- Aleksandrov G. A. *Chuvashskaya intelligentsiya: istoki*, Cheboksary, 1997.
- Aleksandrov G. A., Izorkin A.V. Nikolayev Semen Nikolayevich, in: *Ikh imena ostanutsya v istorii*, iss. 2, Cheboksary, 1994, pp. 74—79.
- Kazakov Nikolay: Sudba politemigranta, *Soyuz chuvashskikh krayevedov*. Available at: <http://ru.schk.su/p/semen.html> (accessed: 19.10.2019).
- Klimovich L. V. Grigoriy Leonidovich Lozinskiy: Intelligent i obshchestvennyy deyatel Zarubezhnoy Rossii, *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2017, pp. 102—113.
- Klimovich L. V. Osmysleniye revolyutsii 1917 goda molodym pokoleniyem rossiyskoy emigratsii, in: *Velikaya rossiyskaya revolyutsiya: obshchestvo, chelovek, kultura, povsednevnost*: Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moscow, 2017, pp. 130—137.
- Kovalev M. V. *Russkiye istoriki-emigranty v Prage (1920—1940 gg.)*, Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet, 2012.
- Kuznetsov V. N. *Pro et contra: zhandarmy i revolyutsionery v Povolzh'ye v 1906—1917 gg.*, Ulyanovsk, 2007.
- Nikolayev S. N. *Vospominaniya*, Praga: Russkaya traditsiya, 2015.
- Protasov L. G. *Lyudi Uchreditelnogo sobraniya: portret v interyere epokhi*, Moscow: ROSSPEN, 2008.
- Rodionov V. G. Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady chuvashskogo publitsista-emigranta S. N. Nikolayeva, in: *Politicheskiye presledovaniya i repressii 1920 — nachala 1950-kh godov v sudbakh intelligentsii Chuvashii*: Materialy Mezhhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (21 marta 2014 g., Cheboksary), Cheboksary, 2014, pp. 98—100.
- Serapionova Ye. P. Deyateli Prazhskogo Zemgora, *Slavyanovedeniye*, no. 4, 2015, pp. 32—40.
- Suslov A. Yu. Chuvashskiy sotsialist-revolutsioner S. N. Nikolayev v period emigratsii (1920—1930-e gody), *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 2, 2019, pp. 182—194.
- Suslov A. Yu. K biografii sotsialista-revolutsionera S. N. Nikolayeva (1880—1976), in: *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov v istorii Rossii XX—XXI vekov*: Materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Ivanovo, 3—4 aprelya 2019 g., Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2019, pp. 647—652.

Suslov A. Yu. Posledniy deputat Uchreditelnogo sobraniya: k biografii Semena Nikolayevicha Nikolayeva (1880—1976), in: *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i sotsialno-ekonomicheskikh nauk: Sbornik materialov XIII nauchno-prakticheskoy konferentsii*, vol. 2, iss. 13, Moscow, Volsk, 2019, pp. 69—74.

Ugolovnyy kodeks RSFSR: v redaktsii 1926 g. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (accessed: 19.10.2019).

Vasilyev N. N. Singing intelligentsia, review to: The fate of Natasha Gamayunova (opera singer N. T. Izmailova): Documents and materials, Perm, 2019. 139 p., *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 114—60.

The study of life and activity from the standpoint of the intelligentsia studies of artists and musicians is not often found, much less often than, say, scientists, writers, politicians. Moreover, if we are not talking about capital masters, but about figures of the Russian province. Such fairly unique publications are the studies of an intelligentsia expert V. A. Porozov from the city of Perm, devoted to a fairly developed musical culture of this city and its most significant representatives. The new book “The Fate of Natasha Gamayunova (opera singer N. T. Izmailova). Documents and Materials” deals with the life and work of Honored Artist of the RSFSR, USSR State Prize laureate Natalia Izmailova and her husband, Honored Artist of Russia Leonid Vissonov. Against a broad historical background, the difficult fate of musicians and theater figures in the complex realities of the Russian province of the twentieth century is shown. It is proved that the high professional qualities and the best properties of an intelligent person can be preserved by worthy representatives of Russian art in any conditions.

Keywords: music, theater, Russian province, N. T. Izmailova, L. N. Vissonov, singer, artist, choirmaster, music teacher, public figure, intelligentsia member.

References

- Brezgin O. P. *Sergey Dyagilev*, Moscow: Molodaya gvardiya, 2016.
- Chernova T. P. *Rozhdeniye lebedya: Slovo o Permskom khoreograficheskom uchilishche, ego pedagogakh i pitomtsakh*, Perm: Knizhnoe izdatelstvo, 2001.

- Grigoryeva A. P. *Putem Stanislavskogo: Vospominaniya opernoy pevitsy*, ed., introd. by V. A. Porozov, Perm: Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2010.
- Isakov A. *Pod gul aplodimentov: Agoniya Permskogo teatra opery i baleta*. Available at: <https://www.classicalmusicnews.ru/articles/perm-agony-2017/> (accessed: 19.09.2019).
- Istoriya Urala v period kapitalizma*, ed. by D. V. Gavrilova, Moscow: Nauka, 1990.
- Kayukov K. *Effekt kukushonka: Teodor Kurentzis kak mnimaya i realnaya ugroza peterburgskomu kulturnomu bolotu*. Available at: <https://interessant.ru/culture/effekt-kukushonka-tieodor> (accessed: 20.09.2019).
- Keller I. I., Kokurina A. S., Nadezhdin Yu. F. *Permskiy gosudarstvennyy akademicheskij teatr opery i baleta imeni P. I. Chaykovskogo*, Perm: Knizhnoe izdatelstvo, 1971.
- Korobkov S. N. *Put v bolshoy balet: Sem urokov v Permskom khoreografičeskom uchilishche*, Perm: Knizhnoe izdatelstvo, 1989.
- Porozov V. A. Dvadsataya, yubileynaya Mezhdunarodnaya intelligentovedcheskaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya (Ivanovo, 24—26 sentyabrya 2009 g.), *Intelligentsiya i mir*, no. 1, 2010, pp. 120—131.
- Porozov V. A. Genezis permskogo khudozhestvenno-kulturnogo fenomena, *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, Seriya 3, Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki, iss. 1, 2013, pp. 72—83.
- Porozov V. A. Intelligentsiya i opera: Strasti po “Tangeyzeru”, in: *Intelligentsiya/intellektualy v krizisnye i perelomnye periody obshchestvennogo razvitiya: Materialy XXVI Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2015. pp. 26—29.
- Porozov V. A. Muzykalnye doma Permi, in: *Permskiy dom v istorii i kulture kraja: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Perm, 2008, pp. 64—68.
- Porozov V. A. Ocher muzykalnyy, in: *Stroganovskoye istoricheskoye sobraniye*, iss. 4, Perm, 2009, pp. 145—162.
- Porozov V. A. *Perm muzykalnaya*, b. 1, Perm: Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2004.
- Porozov V. A. Perm muzykalnaya na stranitsakh memuarnoy prozy Mikhaila Osorgina, in: *V poiskakh istiny: Intelligentsiya provintsii v epokhu obshchestvennykh potryaseniy: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Perm, 1999, pp. 52—56.
- Porozov V. A. Retsenzii, *Territoriya Perm: Informatsionno-analiticheskaya gazeta*, 28 dekabrya, 2015, p. 11.

- Porozov V. A. Teodor Kurentzis kak mif, in: *Sovremennyye aspekty dialoga literatury, muzyki i izobrazitelnogo iskusstva v prostranstve otechestvennoy kultury*: Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnodar: Izdatelstvo Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kultury, 2018, pp. 350—358.
- Porozov V. A. Velikie kompozitory XX veka v istorii goroda Permi, in: *Shostakovich i muzykalnaya kultura noveyshego vremeni*: Materialy kraevoy nauchnoy konferentsii, Perm, 2006, pp. 115—124.
- Porozov V. A. Zasluzhennyye artistry v Permskoy opere 1940-kh godov, in: *Permskiy sbornik*, b. 4. Perm, 2017, pp. 117—124.
- Russkiy pevets Mikhail Shuyskiy*: Dokumenty. Materialy. Vospominaniya, comp., ed., introd. by V. A. Porozov, Perm: Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet, 2012.
- Semenov V. L. A. D. *Gorodtsov: Zhizn, otdannaya narodu*, Perm, 2012.
- Sidorchukova L. G. Rastsvet permskoy opery, in: *Perm ot osnovaniya do nashikh dnei*: istoricheskiye ocherki, Perm: Knizhnyy mir, 2000, pp. 133—138.
- Skheyev Sh. *Sergey Dyagilev: "Russkiye sezony" navsegda*, Moscow: KoLibri, 2016.
- Sudba Natashi Gamayunovoy (opernaya pevitsa N. T. Izmaylova)*: Dokumenty i materialy, comp., ed., introd. by V. A. Porozov, Perm, 2019.
- Ural — frontu*, ed. by A. V. Mitrofanova, Moscow: Ekonomika, 1985.
- Vitvitskiy K. Z. *Artistry Permskoy opery*, Perm: Knizhnoye izdatelstvo, 1987.
- Yefremov I. V. *Podvizhnik narodnoy kultury A. D. Gorodtsov*, Perm: Knizhnoye izdatelstvo, 1983.

Porozov V. A. Thirteenth Memetov's: 30th International scientific and theoretical conference "Intelligentsia and intelligentsia studies at the beginning of the XXI century: results and prospects", Ivanovo, September 26—27, 2019, *Intelligentsia and the World*, no. 1, 2020, pp. 123—132.

The course of the Thirtieth international scientific and theoretical conference "Intelligentsia and intelligentsia studies at the beginning of the XXI century: results and prospects", held in the city of Ivanovo on September 26—27, 2019, is described and analyzed. The annual conferences are an important event in the very functioning of the Scientific Research Institute of Intelligentsia Studies at Ivanovo State University, inter-university council "Intelligentsia. The culture. Power", the entire Ivanovo scientific school of intellectual scientists. These essentially innovative phenomena of scientific life are the brainchild of a doctor of historical sciences, professor Valery

Sergeyevich Memetov (1939—2019). The conference was dedicated to the memory of an outstanding scientist. In accordance with the conference topics, topical problems of the past, present and future of Russian intelligentsia studies are considered.

Keywords: intelligentsia, intelligentsia studies, scientific-theoretical conference, Ivanovo State University, V. S. Memetov.

References

Intelligentsiya i intelligentovedenie v nachale XXI veka: rezultaty i perspektivy: Materialy 30-y Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, Ivanovo, 26—27 sentyabrya 2019 g., Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2019.

Kuptsova I. V., Poltorak S. N., Serebryanskaya G. V. O mastere i ego masterstve: (K 80-letiyu V. S. Memetova), *Klio*, no. 2, 2019, pp. 181—187.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com).

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам современной науки:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 000 знаков с пробелами или 20 страниц текста в формате А4 через 1,5 интервала, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, аннотация (объемом не менее 200 слов), ключевые слова; текст статьи (сообщения), примечания, библиографический список на русском языке, транслитерация списка литературы ("**References**").

3. Аннотация должна включать **обоснование проблемы, краткое описание целей, задач, методов исследования, базовые выводы**. Текст статьи обязательно делится на внутренние разделы, например: **введение, цель и задачи, выводы** и т. п.

4. Сноски в статье концевые со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста статьи под названием «**Примечания**». В примечаниях следует применять **сокращенное** библиографическое описание источников: авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

5. **Библиографический список** в алфавитном порядке **располагается дополнительно после примечаний**, сначала на русском языке, затем под заголовком "**References**" на латинице. Транслитерацию необходимо выполнить автоматически на сервисе: http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html

В библиографических списках приводится только использованная в статье литература. В выходных сведениях обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует.

6. Статья должна содержать авторские данные на русском и английском языках: ф.и.о. полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место работы (с названием структурного подразделения), контактная информация (e-mail и телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами и содержать дату отправления.

7. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2020. № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 27.03.2020 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,65. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 40 экз.
Заказ № 61. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. **E-mail:** int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. **E-mail:** publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

*Основан в 2001 году
Выходит ежеквартально*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР